

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНАЯ ИНИЦИАТИВА В ПСИХОЛОГИИ.
Межвузовский сборник научных трудов студентов и молодых ученых

Курск – 2023

УДК 159.9(063)

ББК 88я43

НЗ4

Научная инициатива в психологии: Межвузовский сборник научных трудов студентов и молодых ученых / Курский гос. мед. ун-т; под ред. В.А. Липатова. – Курск: КГМУ, 2023. - 1 эл. опт. диск (CD-ROM). – 5,32 Мб. – 128 с. Загл. с титул. экрана.

Конференция «Научная инициатива в психологии» проходила на базе Курского государственного медицинского университета 15 июня 2023 года. Издание предназначено для студентов, аспирантов, молодых ученых. Содержит теоретические и экспериментальные исследования по современным проблемам психологии.

Издается по решению РИС ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России

ISBN 978-5-7487-3077-8

© ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор – Липатов В.А., проректор по научной работе и инновационному развитию, профессор кафедры общей хирургии и топографической анатомии, доктор медицинских наук, профессор

Члены редакционного совета:

Кузнецова А.А. – проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, зав. кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии Курского государственного медицинского университета, к.психол.н., доцент.

Молчанова Л.Н. – профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Курского государственного медицинского университета, д.психол.н., доцент.

Недуреева Т.В. – зав. кафедрой физической культуры, доцент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Курского государственного медицинского университета, к.психол.н., доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

<p><u>Болгова А.А.</u> <u>ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ДЕТЕЙ С УМЕРЕННОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ (РАЗБОР КЛИНИЧЕСКОГО СЛУЧАЯ)</u></p>	6
<p><u>Ветрова В.И.</u> <u>ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ</u></p>	10
<p><u>Гончарова Е.Н.</u> <u>ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛАТЕРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СЛАБОСЛЫШАЩИХ ПОДРОСТКОВ: АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКОГО СЛУЧАЯ</u></p>	17
<p><u>Груздов А.Ю.</u> <u>ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИДЕРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СРЕДИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА</u></p>	27
<p><u>Замотаева В.И.</u> <u>ВЗАИМОСВЯЗЬ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК</u></p>	36
<p><u>Захарова Е.С.</u> <u>ПРЕОДОЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ТРУДНОСТЕЙ МЕТОДАМИ ТРЕНИНГОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ У ПОДРОСТКОВ С ЛЁГКОЙ СТЕПЕНЬЮ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ</u></p>	45
<p><u>Калмыкова Е.А., Апалькова Д.А., Федюшина Т.Р., Ковалева А.А.</u> <u>ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КВЕСТ-ИГРЫ С ЭЛЕМЕНТАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТИВОПРАВНОГО И АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ</u></p>	53
<p><u>Карунин И.В.</u> <u>ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ</u></p>	59

<u>Ковалева С. М.</u> <u>НОМОФОБИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ЗАВИСИМОСТИ</u> <u>СРЕДИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ</u>	65
<u>Колеватова А.С.</u> <u>СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ</u> <u>ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ</u> <u>АСПЕКТ</u>	72
<u>Куклин Я.А.</u> <u>РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ В</u> <u>ОБРАЗОВАНИИ ПСИХОЛОГОВ: РЕШЕНИЕ</u> <u>МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОЙ</u> <u>ПСИХОЛОГИИ</u>	79
<u>Лачёва А.П.</u> <u>ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В</u> <u>СЕМЕЙНОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ</u>	85
<u>Саможенова К.В.</u> <u>ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ</u> <u>МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ:</u> <u>БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</u>	92
<u>Семенякина Е.В.</u> <u>ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И УСПЕВАЕМОСТИ У</u> <u>ПОДРОСТКОВ</u>	100
<u>Цурина Т.Г.</u> <u>БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ</u> <u>ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КООРДИНАЦИИ У</u> <u>СЛАБОСЛЫШАЩИХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ</u>	105
<u>Чуприкова А.А.</u> <u>ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО</u> <u>КЛИМАТА В СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУППАХ</u> <u>МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ</u>	114
<u>Шопина А. Е., Соколова О. В.</u> <u>ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ И</u> <u>УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ</u> <u>ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО СТРЕССА</u>	123

УДК 616.899:159.95

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ДЕТЕЙ С УМЕРЕННОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ (РАЗБОР КЛИНИЧЕСКОГО СЛУЧАЯ)

Болгова А.А.

*МБУ Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи,
г. Губкин, Россия
e-mail: sasha.bess2015@yandex.ru*

Аннотация. Данная статья раскрывает особенности формирования навыков учебной деятельности у детей с умственной отсталостью, а рассматривается отношение родителя (законного представителя) ребенка к данному процессу.

Ключевые слова: умственная отсталость, клинический случай, учебная деятельность, психическое недоразвитие, психические процессы.

FEATURES OF MENTAL PROCESSES OF CHILDREN WITH MODERATE MENTAL RETARDATION (ANALYSIS OF A CLINICAL CASE)

Bolgova A.A.

*MBU Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance,
Gubkin, Russian Federation
e-mail: sasha.bess2015@yandex.ru*

Abstract. This article reveals the features of the formation of learning skills in children with mental retardation, and examines the attitude of the parent (legal representative) of the child to this process.

Keywords: mental retardation, clinical case, educational activity, mental underdevelopment, mental processes.

Актуальность исследования. Умственная отсталость – одно из наиболее распространенных нарушений развития [2], оно характеризуется тотальным недоразвитием всех психических процессов. Современное образование стремится помочь данной категории детей в социализации, особое внимание уделяется физическому развитию, развитию их личности, в интеграции детей в общество [1, 3, 5]. Обучение детей с умственной отсталостью строится на основе наглядности и практичности, для понимания заданий используются реальные предметы, так обеспечивается понимание самого образовательного

процесса[3, 4]. Однако сами занятия не должны оставаться на уровне школы или психолога, с данной категорией детей необходимо заниматься на протяжении всего времени, в т.ч. и дома. Именно отношение и подход родителей к обучению и воспитанию детей с умственной отсталостью является одним из главных в обучении данной категории детей. Данным детям необходимо домашнее подкрепления изученного материала. С попустительским стилем воспитания результаты в обучении, поведении, социализации детей будет минимально, если не откатится на прежний уровень.

Цель статьи – рассмотреть клинический случай ребенка Н. с умеренной степенью умственной отсталости, неоднократно проходившей коррекционно-развивающую программу на протяжении учебного года с 6 лет, а также влияния попустительского отношения родителя (законного представителя) к процессу воспитания и коррекции психических процессов у ребенка.

Изложение основного материала. Ребенок Н., возраст 6 лет на момент начала коррекционно-развивающего обучения. Диагноз: умеренная умственная отсталость. По результатам диагностики было выявлено следующее. На передний план у девочки выходит недоразвитие эмоционально-волевой сферы: эмоциональный фон неустойчивый, быстро сменяется. Эмоциональные реакции протеста – задания выполнять отказывалась, выражает реакции страха. Наблюдается и снижение навыков общения, отсутствия социальных взаимодействий: общее недоразвитие речи, на обращенную речь реагировала избирательно, контакт оказался нестойким, слабый контакт глазами. Задания, обращения к Н. психолога вызывало интерес непродолжительное время. У девочки наблюдалось пассивное отношение к исследованию и к коррекционно-развивающему обучению, отсутствие реакции и выполнения просьбы родителя, на замечание психолога реагировала следующим образом: «Нет», «Нельзя», «Боюсь». По развитию высших психических функций наблюдалось следующее. Снижение объема активного внимания, внимание неустойчиво, низкопродуктивно при быстром переключении деятельности. Темп психических процессов быстрый, наблюдалась лабильность и быстрая истощаемость всех психических процессов, повышенная отвлекаемость на посторонние стимулы. Общий запас знаний и представлений ниже возрастной нормы: недостаточный уровень знаний о себе, окружающем мире. Познавательный интерес снижен, простые бытовые навыки не сформированы. Основные формы фигур, цвета не знает, понимание процесса счета отсутствовало. По результатам диагностики было составлено заключение о тотальном недоразвитии всех компонентов психической деятельности в сочетании с искаженным типом дизонтогенеза, актуальное развитие психических процессов ниже возрастной нормы.

Была составлена коррекционно-развивающая программа для данного ребенка, в которой основной упор делался на формировании основных навыков самообслуживания, развития общего представления о себе, окружающем мире, знании основных фигурок, цветов, животных и т.д. Также наблюдалось попустительское отношение к обучению ребенка со стороны родителя-отца, с другой стороны тотальная опека со стороны бабушки. На момент последней диагностики Н. начала находить фигурку круг, желтый цвет и цифру один. Общие навыки самообслуживания были не закреплены, все попытки обучению данным навыкам (самостоятельно одеться, поесть, сходить в туалет) сопровождались агрессией, реакциями протеста и словами «Ой, я боюсь».

Вывод из вышеописанного можно сделать следующий: при формировании психологом любых навыков необходимо сотрудничество с родителями, а также заинтересованность родителей (законных представителей) несовершеннолетнего для достижения результатов. Детей с умеренной умственной отсталостью обучать навыкам какой-либо самостоятельной деятельности тяжелее и дольше. При попустительской или чрезмерной опеке необходимые навыки закрепляться в ребенка не будут.

Литература

1. Блинова, К. В. Нейропсихологические проявления гностической деятельности у младших школьников с умственной отсталостью легкой степени: клинический случай / К. В. Блинова // Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход : Материалы VII Всероссийской конференции с международным участием, Курск, 23 ноября 2017 года – 25 2018 года / Под ред. Ткаченко П.В.. Том Часть II. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2017. – С. 30-34.
2. Левченко, В. А. Особенности использования мультимедийных технологий в обучении детей с умеренной умственной отсталостью / В. А. Левченко // Специальное образование : Материалы IX Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2013 года / Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. Том II. – Санкт-Петербург: Автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 193-196.
3. Михейкина, О. В. Эпидемиология умственной отсталости (обзор литературы) / О. В. Михейкина // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2012. – № 3. – С. 24-33.
4. Муртазаева, Э. З. Анализ литературных источников по вопросам формирования навыков учебной деятельности у школьников с умственной отсталостью / Э. З. Муртазаева // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH : сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 декабря 2018 года / Ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 208-210.
5. Муртазаева, Э. З. теоретические основы формирования навыков учебной деятельности младших школьников с умственной отсталостью / Э. З. Муртазаева //

Профессиональная подготовка педагогов к работе в условиях инклюзивного образования : Материалы научно-практической конференции. Сборник статей, Симферополь, 16 мая 2017 года / Под общей редакцией И.В. Андрусёвой. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 120-122.

6. Смирнова, А. А. Развитие мелкой моторики у обучающихся с умеренной умственной отсталостью на коррекционно-развивающих занятиях / А. А. Смирнова // Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза : материалы всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и слушателей им. В. В. Коркунова, Екатеринбург, 21 апреля 2016 года / Научные редакторы И. А. Филатова, О. Г. Нугаева. Том Часть I. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. – С. 87-92.

References

1. Blinova, K. V. Neuropsychological manifestations of gnostic activity in younger schoolchildren with mild mental retardation: a clinical case / K. V. Blinova // Psychology of health and disease: clinical and psychological approach : Materials of the VII All-Russian Conference with international participation, Kursk, November 23, 2017 – November 25, 2018 / Ed. Tkachenko P.V. Volume Part II. – Kursk: Kursk State Medical University, 2017. – pp. 30-34.

2. Levchenko, V. A. Features of the use of multimedia technologies in teaching children with moderate mental retardation / V. A. Levchenko // Special education : Materials of the IX International Scientific Conference, St. Petersburg, April 24-25, 2013 / Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Volume II. – Saint Petersburg: Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education A.S. Pushkin Leningrad State University, 2013. – pp. 193-196.

3. Mikheikina, O. V. Epidemiology of mental retardation (literature review) / O. V. Mikheikina // Review of psychiatry and medical psychology named after V.M. Bekhterev. - 2012. – No. 3. – pp. 24-33.

4. Murtazayeva, E. Z. Analysis of literary sources on the formation of learning skills in schoolchildren with mental retardation / E. Z. Murtazayeva // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH : collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference, Penza, December 12, 2018 / Responsible editor G.Y. Gulyaev. – Penza: ICNS "Science and Education", 2018. – pp. 208-210.

5. Murtazayeva, E. Z. theoretical foundations of the formation of skills of educational activity of younger schoolchildren with mental retardation / E. Z. Murtazayeva // Professional training of teachers to work in inclusive education: Materials of a scientific and practical conference. Collection of articles, Simferopol, May 16, 2017 / Under the general editorship of I.V. Andrusheva. – Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Ariale", 2017. – pp. 120-122.

6. Smirnova, A. A. The development of fine motor skills in students with moderate mental retardation in correctional and developmental classes / A. A. Smirnova // The study and education of children with various forms of dysontogenesis : materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, undergraduates, postgraduates and listeners named after V. V. Korkunov, Yekaterinburg, April 21, 2016 / Scientific editors I. A. Filatova, O. G. Nugaeva. Volume Part I. – Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2016. – pp. 87-92.

УДК 159.922

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ

Ветрова В.И.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

e-mail: mirakyankf@kursksmu.net

Научный руководитель: доцент кафедры специальной психологии и коррекционной педагогики, к.психол.н., доцент Миракян К.Ф.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности готовности к школьному обучению детей с проявлениями синдрома дефицита внимания и гиперактивности.

Ключевые слова: готовность к школьному обучению, синдром дефицита внимания и гиперактивность.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF READINESS FOR SCHOOL EDUCATION OF CHILDREN WITH MANIFESTATIONS OF ATTENTION DEFICIT HYPERACTIVITY DISORDER

Vetrova V.I.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kursk State University", Kursk, Russian Federation

e-mail: mirakyankf@kursksmu.net

**Scientific advisor: associate professor of the department of special psychology and correctional pedagogy, ph.d. in psychology, associate professor
Mirakyan K.F.**

Abstract. The article discusses the features of readiness for school education of children with manifestations of attention deficit hyperactivity disorder.

Keywords: school readiness, attention deficit disorder and hyperactivity.

Актуальность. Набирающая популярность проблема успешности ребенка в овладении школьной программой, объясняет количество исследований по вопросам мотивационной, психофизиологической готовности ребенка к школьному обучению. Готовность к школе как ориентир на этапе завершения дошкольного возраста реализуется в уровне развития личностной сферы ребенка, мотивационной направленности, а в дальнейшем – и его успеваемости. Однако вопрос о сформированности необходимых предпосылок у категории детей с проявлениями гиперактивности и дефицита внимания остается достаточно открытым [1].

Цель исследования – изучить уровень сформированности готовности к школьному обучению у детей с проявлениями дефицита внимания и гиперактивности через характеристику поведенческой, эмоционально-волевой, когнитивной и межличностной сфер при данном синдроме.

Материалы и методы исследования. Статья представляет собой теоретический анализ литературы по проблеме становления разных компонентов готовности к школьному обучению у детей с проявлениями синдрома дефицита внимания с гиперактивностью.

Результаты исследования. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью обучаются по общеобразовательным программам. Данная категория обучающихся имеет специфические особенности развития психики, поведения и деятельности.

Изучая проблему формирования предпосылок учебной деятельности у детей дошкольного возраста с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью, можно поставить вопрос о низком показателе готовности к школьному обучению, обусловленном недостаточной сформированностью компонентов психологической готовности, исходя из основных проявлений синдрома [2].

По МКБ-10, понятие «гиперкинетические расстройства» (F90) определяется как группа расстройств, характеризующихся ранним началом, сочетанием чрезмерно активного, слабо модулируемого поведения с выраженной невнимательностью и отсутствием упорства при выполнении задач, а также тем, что эти поведенческие характеристики проявляются во всех ситуациях и обнаруживают постоянство во времени.

Наиболее типичные проявления СДВГ представлены на Рисунке 1. Среди них также выделяются следующие признаки: отвлекаемость, чрезмерная активность или двигательная расторможенность в сочетании с плохим контролем импульсивности.

Рисунок 1. Проявления синдрома дефицита внимания и гиперактивности

Триаду ведущих проявлений синдрома дефицита внимания и гиперактивности могут дополнить нарушения в межличностной сфере, эмоциональные, поведенческие особенности, а также нарушения координации, тонких движений, равновесия, зрительно-пространственной ориентировки.

Необходимо также признать тот факт, что синдром не обязательно сочетает в себе сразу все проявления. Часто обнаруживается преобладание дефицита внимания или гиперактивности.

Теоретический и прикладной анализ изучения мотивационного, физиологического, психологического, речевого и др. компонентов готовности к обучению в школе ребенка с определенной спецификой его психофизического развития обнаруживает широкий спектр научных исследований в данном направлении [3, 4,11].

Анализ отечественных и зарубежных работ на предмет выявления онтогенетических закономерностей возникновения синдрома дефицита внимания с гиперактивностью показывает, что признаки расстройства наиболее выражены в дошкольном и младшем школьном возрастах [5].

Анализ возрастной динамики синдрома дефицита внимания и гиперактивности показывает два всплеска проявления синдрома, один из которых совпадает с периодом подготовки к школьному обучению и его началом [10]. Это обусловлено динамикой развития высшей нервной деятельности. Возраст 5,5–7 и 9–10 лет – критические периоды для формирования систем мозга, отвечающих за мыслительную деятельность, внимание, память. К 7 годам происходит смена стадий интеллектуального развития, формируются условия для становления абстрактного мышления и произвольной регуляции деятельности.

Особенности умственной деятельности в сочетании с нарушениями восприятия, координации рук, речевого развития способствуют возникновению у детей с проявлениями синдрома дефицита внимания и гиперактивности

трудностей в освоении счета, чтения, письма, снижению интереса к интеллектуальным занятиям, что не связано с дефектом интеллекта. Особенности интеллекта детей с СДВГ заключаются в недостаточной сформированности речевых функций (задержка развития внутренней речи, снижение плавности и т.д.), в нарушении слухоречевой памяти и способности к формированию понятий, в недостаточности наглядно-образного мышления и пространственного восприятия, а также в нарушении зрительно-моторной координации.

Согласно культурно-исторической концепции, только при условии достижения уровня развития на предыдущем возрастном этапе возможен переход на последующий психологический возраст. В качестве показателя готовности к переходу выступают психологические новообразования, задача которых состоит в подготовке дальнейшего развития на основе новых возрастных закономерностей.

Авторы выделяют в качестве новообразований различные позиции [6]. Так, Л.И. Божович обозначает изменения мотивационной сферы, а именно возникновение новых мотивов учения – познавательных и социальных, соподчинение мотивов поведения и деятельности.

В свою очередь, дети с проявлениями синдрома дефицита внимания и гиперактивности характеризуются спецификой мотивационной сферы – слабой мотивацией к деятельности [7]. Нехватка побуждений для запуска или поддержания деятельности, особенно учебной, долгий и продуктивный процесс деятельности только при условии сильной заинтересованности, медленное формирование интересов, общий сниженный уровень мотивации подкрепляется возникающими ошибками и недовольством окружающих.

Не случайно, что одной из отличительных черт ребенка с проявлениями гиперактивности и дефицита внимания выступает снижение мотивации к обучению в школе. Дети будут ориентированы на положительную обратную связь в виде одобрения, поощрения, похвалы. Получение положительной оценки для детей с проявлениями СДВГ школьного возраста оказывается более актуальным, чем содержание выполняемой деятельности [8].

Следует также отметить, что кризис 7 лет Л.С. Выготский называл «кризисом потери непосредственности». Л.И. Божович приводит термин «внутренняя позиция школьника» [10]. Дело в том, что социальная позиция ученика представляет собой объективный показатель взросления. В результате интеллектуализации высших психических функций в дошкольном возрасте развивается самосознание, а потребность занять позицию ученика, появившись в норме к наступлению младшего школьного возраста, включает социальные и познавательные мотивы к новой ведущей деятельности. Таким образом,

«внутренняя позиция школьника» может рассматриваться также как одна из предпосылок готовности к школьному обучению. Она становится залогом превращения первоклассника в субъекта учебной деятельности (активного, инициативного, интересующегося ученика).

Говоря о детях с проявлениями синдрома дефицита внимания с гиперактивностью, авторы отмечают, что для них характерен сравнительно низкий уровень социальной зрелости [9]. Деадаптация в новой обстановке, подверженность воздействию стресс-факторов, невосприимчивость к социальным ожиданиям и оттенкам межличностных отношений, предпочтение построения игровых отношений с детьми младшего возраста – все это проявления социальной незрелости детей младшего школьного возраста с гиперактивностью и дефицитом внимания.

Д.Б. Эльконин отмечал в качестве психологического новообразования появление определенного уровня развития произвольной сферы, при котором ребенок может справляться с работой по образцу и по правилу, осуществляя процесс саморегуляции.

Несомненно, произвольное поведение является основой волевого компонента готовности к школьному обучению. Развитие произвольности поведения осуществляется в младшем школьном возрасте, но обеспечивает успешность дальнейшей учебной деятельности еще в старшем дошкольном. Остро актуализируется данный вопрос у детей с проявлениями дефицита внимания и гиперактивности, ведь наличие синдрома обуславливает трудности с самоорганизацией, концентрацией и сосредоточением на конкретном задании, сложности в восприятии инструкции и ее выполнении, низкой работоспособности и быстрой утомляемости. В силу прогрессирования данных учебных трудностей в процессе обучения не случайны нарушения письменной речи, школьная неуспеваемость и деадаптация.

Таким образом, теоретико-методологический анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что дети с проявлениями дефицита внимания и гиперактивности имеют низкие показатели готовности к школьному обучению, так как необходимые предпосылки в виде психологических новообразований остаются несформированными из-за специфики поведенческой, эмоционально-волевой, когнитивной и межличностной сфер при данном синдроме. Отсюда, низкий показатель мотивации к учебной деятельности, трудности в произвольной регуляции поведения и школьная деадаптация.

Данная категория обучающихся нуждается в комплексном подходе к решению проблем формирования предпосылок готовности к системному обучению в школе.

Литература

1. Регуляторные и кинетические нарушения поведения в подростковом возрасте: монография / И.В. Запесоцкая, В.Б. Никишина, К.Ф. Миракян. – Курск: КГМУ, 2017. – 314 с.
2. К вопросу о формировании предпосылок учебной деятельности у детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью / С. И. Мельничук // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 4. – С. 153-157.
3. Медико-биологические и нейропсихологические аспекты нарушений праксиса у младших подростков с проявлениями синдрома дефицита внимания с гиперактивностью / К.Ф. Юркшат, В.Б. Никишина // Медико-биологические аспекты мультифакториальной патологии: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17-19 мая 2011 г.). – Курск: КГМУ, 2011. – С. 268-269.
4. Межличностные отношения младших подростков с проявлениями синдрома дефицита внимания с гиперактивностью / К.Ф. Юркшат // Малая группа как субъект и объект психологического влияния: материалы Всероссийской научной конференции (21-22 октября 2011 г.). – Курск: КГУ, 2011. – С. 232-234.
5. Нейропсихологическое исследование проявлений синдрома дефицита внимания с гиперактивностью / К.Ф. Юркшат // Молодежная наука и современность: материалы 76-й всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых (19-20 апреля 2011 г.). – Курск: КГМУ, 2011. – С. 140.
6. Онтогенетические закономерности возникновения синдрома дефицита внимания с гиперактивностью / К.Ф. Юркшат // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 2(102). – С. 263-267.
7. Психологическая готовность к школе в контексте проблемы преемственности между дошкольным и школьным образованием / Н.И. Гуткина // Психологическая наука и образование. – 2010. – Т. 15, № 3. – С. 106-115.
8. Психоэмоциональные особенности детей и подростков с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью (краткий обзор) / И. С. Депутат, Ю. С. Джос, Л. Ф. Старцева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Медико-биологические науки. – 2013. – № 3. – С. 45-55.
9. Трудности в обучении младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности / А.С. Дудкина // Специальная педагогика и психология: традиции и инновации: Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов с международным участием, Москва, 25–26 марта 2019 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. – С. 159-164.
10. Психолого-педагогические условия формирования волевой готовности к школе у детей 6-7 лет с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью / Е. В. Терентьева. – 2015. – № 3(19). – С. 43-45.
11. Интеллектуальное развитие детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью: монография / И.С. Депутат, А.В. Грибанов. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2011. – 135 с.

References

1. Regulatory and kinetic behavioral disorders in adolescence: monograph / I.V. Zapesotskaya, V.B. Nikishina, K.F. Mirakyan. – Kursk: KSMU, 2017. – 314 p.

2. On the question of the formation of prerequisites for educational activity in children with attention deficit hyperactivity disorder / S. I. Melnichuk // *The world of science, culture, education.* - 2015. – No. 4. – pp. 153-157.
3. Biomedical and neuropsychological aspects of praxis disorders in younger adolescents with manifestations of attention deficit hyperactivity disorder / K.F. Yurkshat, V.B. Nikishina // *Biomedical aspects of multifactorial pathology: a collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (May 17-19, 2011).* – Kursk: KSMU, 2011. – pp. 268-269.
4. Interpersonal relationships of younger adolescents with manifestations of attention deficit hyperactivity disorder/ K.F. Yurkshat // *Small group as a subject and object of psychological influence: materials of the All-Russian Scientific Conference (October 21-22, 2011).* – Kursk: KSU, 2011. – pp. 232-234.
5. Neuropsychological study of manifestations of attention deficit syndrome with hyperactivity / K.F. Yurkshat // *Youth Science and Modernity: Materials of the 76th All-Russian Scientific Conference of Students and Young Scientists (April 19-20, 2011).* – Kursk: KSMU, 2011. – p. 140.
6. Ontogenetic patterns of the occurrence of attention deficit hyperactivity disorder / K.F. Yurkshat // *Scientific notes of the Russian State Social University.* – 2012. – № 2(102). – Pp. 263-267.
7. Psychological readiness for school in the context of the problem of continuity between preschool and school education / N.I. Gutkina // *Psychological science and education.* - 2010. – Vol. 15, No. 3. – pp. 106-115.
8. Psychoemotional features of children and adolescents with attention deficit hyperactivity disorder (a brief overview) / I. S. Deputy, Y. S. Jos, L. F. Startseva // *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Medical and biological Sciences.* - 2013. – No. 3. – pp. 45-55.
9. Difficulties in teaching younger schoolchildren with attention deficit hyperactivity disorder / A.S. Dudkina // *Special pedagogy and psychology: traditions and innovations: Materials of the All-Russian Scientific Conference of Young scientists and students with international participation, Moscow, March 25-26, 2019.* – Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2019. – pp. 159-164.
10. Psychological and pedagogical conditions for the formation of volitional readiness for school in children 6-7 years old with attention deficit hyperactivity disorder / E. V. Terentyeva. – 2015. – № 3(19). – Pp. 43-45.
11. Intellectual development of children with attention deficit hyperactivity disorder: monograph / I.S. Deputy, A.V. Griбанov. – Arkhangelsk: CPI SAFU, 2011. – 135 p.

УДК: 159.942.33:159.922.736.4-056.263

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛАТЕРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СЛАБОСЛЫШАЩИХ ПОДРОСТКОВ: АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКОГО СЛУЧАЯ

Гончарова Е.Н.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» министерства здравоохранения Российской Федерации, Курск, Россия

e-mail: lizochka.nikolaevna.00@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, д.психол.н., доцент Молчанова Л.Н.

Аннотация. В данной статье проводится библиографико-библиометрический обзор проблемы развития эмоционального интеллекта у детей с дефицитным психическим развитием (нарушения слуха и зрения), а также проблемы взаимосвязи латеральной организации высших психических функций и особенностей эмоционального интеллекта у слабослышащих подростков с приведением клинического случая. Проводится теоретический обзор актуальности и научной доказательности проблемы в России и за рубежом. Приведены и проанализированы результаты клинического случая. Сделан вывод о практической значимости своевременной диагностики и индивидуальной коррекции уровня ЭИ у данной категории детей.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, межполушарное взаимодействие, межполушарная асимметрия, индивидуальный латеральный профиль, нарушение развития, дефицитное развитие, психическое развитие, дети, слабослышащие, слабовидящие, речевое развитие, библиометрический анализ.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LATERAL ORGANIZATION OF HIGHER MENTAL FUNCTIONS AND THE FEATURES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN HEARING-IMPAIRED ADOLESCENTS: CLINICAL CASE ANALYSIS

Goncharova E.N.

Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation

e-mail: lizochka.nikolaevna.00@mail.ru

Scientific advisor: professor of the department of health psychology and neuropsychology, doctor of psychology, associate professor Molchanova L.N.

Abstract. This article provides a bibliometric review of the problem of the development of emotional intelligence in children with deficient mental development (general speech impairment, hearing and vision disorders), as well as the problems of the relationship of the lateral organization of higher mental functions and features of emotional intelligence in hearing-impaired adolescents with a clinical case. A theoretical review of the relevance and scientific evidence of the problem in Russia and abroad is carried out. The results of the clinical case are presented and analyzed. The conclusion is made about the practical significance of timely diagnosis and individual correction of the level of EI in this category of children.

Keywords: emotional intelligence, interhemispheric interaction, interhemispheric asymmetry, individual lateral profile, developmental disorder, deficit development, mental development, children, hearing impaired, visually impaired, speech development, bibliometric analysis.

Актуальность. В современных реалиях необходимо исследовать проблему эмоционального интеллекта (ЭИ) у детей. Во-первых, это обусловлено фактом эмоциональной и социальной депривации дошкольников и младших школьников, созданной чрезмерным использованием гаджетами, которые заменяют детям живое общение [1]. Особенно острой стоит тема пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, которая ограничила эмоционально-коммуникативный опыт ребенка в его сензитивный период эмоционального развития. Практическая значимость проблемы ЭИ школьников закреплена на нормативно-правовом уровне в Российской Федерации: каждый компонент модели ЭИ по П. Сэловею и Дж. Мейеру отражены в ФГОС НОО. Исследования данной проблемы на психологическом уровне не так разнообразны, и используются традиционные методы определения внутренних механизмов проявления и развития ЭИ, а также взаимодействия ЭИ с факторами пола и возраста [1]. В общем плане в последние годы наблюдается падение уровня психического здоровья в детской популяции [2,3]. К сожалению, выявление особенностей эмоциональной сферы у дошкольников с патологией - второстепенная задача, при том, что такие дети нуждаются в специальном обучении. Также, в системах ДОУ и семейного воспитания в первую очередь корректируются когнитивные процессы, без учета особенностей эмоциональной сферы, что касается и работы с детьми с сенсорными дефектами. Следовательно, с позиции нейропсихологии необходимо выявить мишени коррекции ЭИ – те специфические, индивидуальные особенности строения мозга, которые

определяют структуру ЭИ при сенсорной депривации. Одними из них являются особенности латеральной организации психических функций.

Аналитический литературный обзор. Понятие «эмоциональный интеллект» было введено в науку в 1990 году П. Сэловеем и Дж. Мэйером, а в 1999 году сложилась теория эмоционального интеллекта (ЭИ) как полноценная способность [5]. Модель, созданная авторами, определяет “эмоциональный интеллект” как систему навыков, подразумевающую способность к точной идентификации своих и чужих эмоций, а также к выражению, применению и эффективному регулированию эмоций в повседневной жизни [1]. Уровень эмоционального развития детей определяет процесс их социально-психологической адаптации, а также успешность взаимодействия с социальным окружением. Несомненное влияние на развитие ЭИ оказывает семья, в которой воспитывается ребенок. Коваль О.А. в своем исследовании рассуждает о том, что семья является важнейшим ресурсом процесса нивелирования и компенсации ограничений жизнедеятельности ребенка, так как позитивное семейное функционирование, высокий уровень развития ЭИ и реализуемый ими стиль эмоционального воспитания обеспечивают высокий реабилитационный потенциал [6]. Дети, которые учатся регулировать свои эмоции с помощью родителей, способны контролировать свои импульсы, мотивировать себя, понимать сигналы социума, справляться с жизненными проблемами [2,3]. Важнейшую роль в формировании ЭИ и в становлении эмоциональной сферы имеет дошкольный возраст: это сенситивный период в развитии чувств и эмоций, когда ребенок переходит от стадии базовых физиологических эмоций к социальным, связанным с нравственно-социальной сферой личности. В дошкольный период ребенок учится понимать, вербализовать и выражать самостоятельно свои эмоции, используя мимику, пантомимику и жесты. Именно от эмоционально-речевого развития зависит способность ребенка определять эмоции и чувства других людей и самого себя, выражать их в речи [8]. Речь сама по себе играет выраженную роль при становлении навыка управления эмоциями. Так, Р.В. Грин выделяет три речевых навыка, которые в наибольшей степени влияют на успешность регуляции эмоций в дошкольном возрасте: навык определения и выражения эмоций, навык распознавания и формулирования собственных потребностей, навык разрешения проблем. При этом распознавание эмоций - это важный фактор в онтогенезе человека и необходимое условие развития эмоционального интеллекта и модели психического [6]. Говоря о детях с сенсорными депривациями (нарушения слуха и зрения), известно, что эти нарушения ведут к снижению возможности детей познавать мир с помощью органов чувств, что ведет к своеобразному качеству испытываемых ребенком эмоций и чувств [5]. Проблемы эмоционального развития у детей с нарушением

слуха обусловлены неполноценностью эмоционального и речевого общения с окружающими людьми, что вызывает сложности социализации, адаптации к обществу и невротические реакции [4].

Выбор подросткового возраста обуславливается тем, что это тот период, когда ведущим типом деятельности становится межличностное общение. Эффективная реализация всех составляющих общения (коммуникация, интеракция, перцепция) основано на особенностях эмоционального интеллекта, который развивается непрерывно, на протяжении всей жизни [5]. По результатам исследования Александровой А.А. (2013), у подростков 12-13 лет высокий уровень эмпатии и низкий уровень эмоционального интеллекта, что свидетельствует о неспособности большинства подростков этой возрастной категории передавать испытываемые чувства, связывать невербальные и жестовые символы с чувствами.

Нейропсихология рассматривает эмоциональные явления как сложные системные образования, на которые распространяются все положения о мозговой организации ВПФ по А.Р. Лурии. Анализ последствий сенсорной депривации, особенно депривации на ранних этапах развития мозга, можно рассматривать как модель реализации нейропластичности, обусловленной кросс-модальной перестройкой функциональных нейронных сетей для адаптации организма в соответствующей информационной среде. Так, кросс-модальная реорганизация при зрительной депривации касается не только нейронных систем и их функциональной специализации, но и изменений в структуре зрительной коры, которые могут служить маркерами поведенческой адаптации. Вследствие нейропластичности мозга его архитектура и функции изменяются на протяжении всей жизни. Эти изменения происходят на разных уровнях: от отдельного нейрона и организации нейронных сетей до функций нервной системы в целом — и отражаются на поведенческом уровне, в том числе — показателями когнитивных функций. Потенциал нейропластичности отличается для разных структур мозга: высокая степень нейропластичности отмечена для гиппокампа, ассоциативных унимодальных и мультисенсорных областей коры. Наряду с такими регионарными особенностями нейропластичность зависима и от индивидуальных особенностей строения мозга. При ранней слепоте реорганизация структур мозга приводит к дополнительному развитию слуховых, тактильных или обонятельных способностей и вследствие этого к лучшему распознаванию и запоминанию соответствующей информации, а также — к развитию на этой основе более сложных когнитивных функций: пространственной навигации, распознавания речи и вербальной памяти. Лица с дефицитом слуха при звуковой стимуляции демонстрируют повышенную активность в областях коры, специализированных для обработки зрительной

информации. Глухие лучше, чем слышащие, способны распознавать черты лица и эмоциональную экспрессию. Такое преимущество левого полушария рассматривается специалистами в качестве компенсаторного эффекта, относящегося к организации специализированных областей коры как речевых центров при невозможности такой специализации у глухих [9].

Цель исследования – оценить взаимосвязь латеральной организации высших психических функций и особенностей эмоционального интеллекта у слабослышащих детей подросткового возраста на примере клинического случая.

Материалы и методы исследования. Статистико-библиографический метод с применением программного инструмента для построения и визуализации библиометрических сетей «VOSviewer». Нейропсихологические пробы на выявление профиля латеральной организации мозга; методика Н. Холла на эмоциональный интеллект.

Результаты исследования. Представлены на основе результатов программы «VOSviewer» на базе «PubMed». Ключевое слово для поиска - individual lateral profile («индивидуальный латеральный профиль» (ИЛП)). Итогом статистической обработки данных стала кластеризация смежных слов с этой темой. Новизна исследования выражается в том, что сам термин «individual lateral profile» не упоминается в публикациях, что говорит об отсутствии публикаций за рубежом, рассматривающих индивидуальный латеральный профиль. При этом есть термины «laterality» («асимметрия») и «lateralization» («латерализация»), которые лишь упоминаются в публикациях, не имея связи с другими терминами. Термин «Functional laterality» (функциональная асимметрия) - достаточно распространенный термин, который имеет множество связей с другими терминами и кластерами, что подразумевает как актуальность и активный научный интерес к данной теме, так и ее многопрофильность. Так, термин связан в рамках заданного ИЛП с такими терминами, как «Child» («Ребенок»), «Young adult» («Юноши»), «Adolescent» («Подросток») (Рисунок 1).

Это указывает на изучение проблемы функциональной асимметрии у взрослых юношей, подростков и детей. Стоит отметить, что термины «Emotions» («Эмоции»), «Intelligence» («Интеллект»), «Hearing loss» («Потеря слуха») лишь единично упоминаются в публикациях, без связи с другими терминами. Таким образом, прослеживается заинтересованность зарубежными исследователями в отдельных публикациях в контексте эмоционального интеллекта и нарушений слуха, несмотря на широкую встречаемость и взаимосвязь с такими терминами, как «Brain» («Мозг»), «Neuropsychological tests» («Нейропсихологические тесты»).

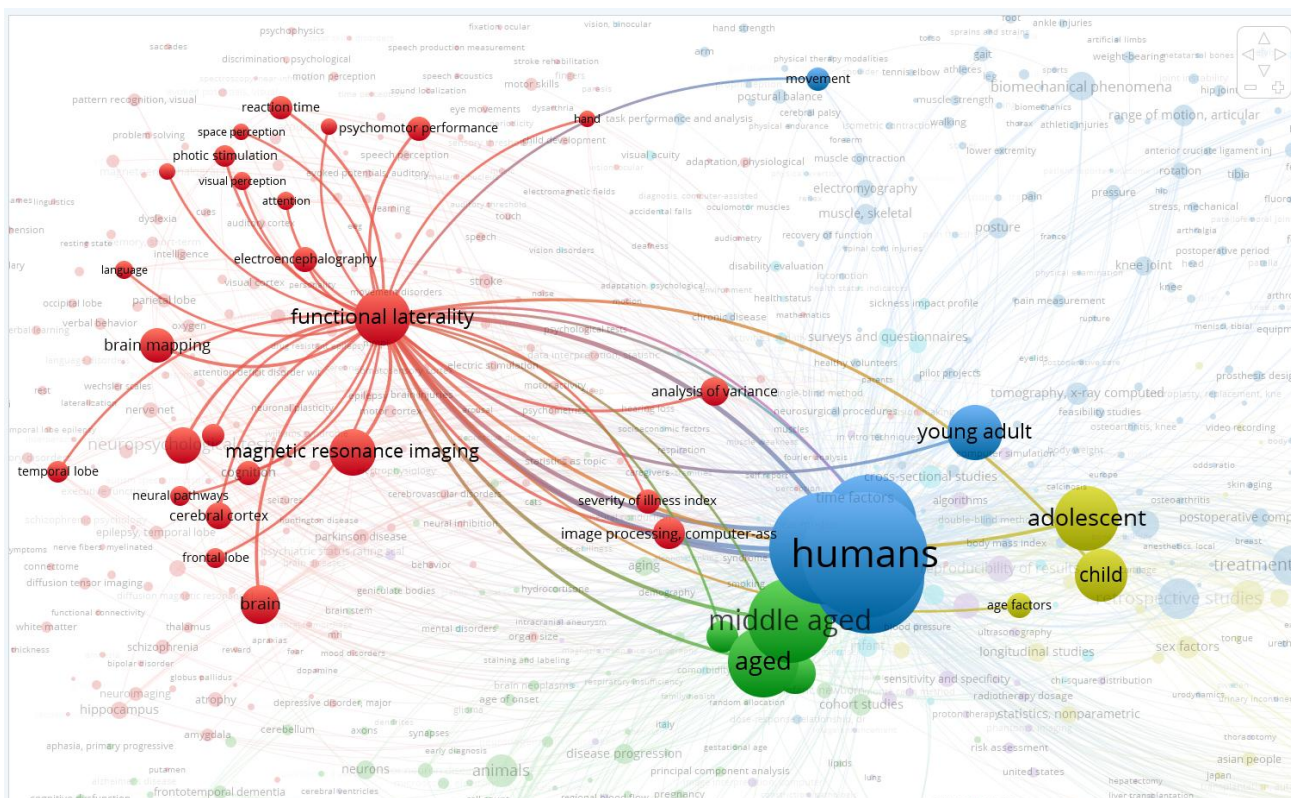

Рисунок 1. Связи термина «Функциональная асимметрия» с другими терминами

В режиме визуализации наложения отражены временные рамки использования тех или иных терминов; временная шкала имеет границы с 2005 по 2015 годы, от темно-синего цвета к желтому (Рисунок 2).

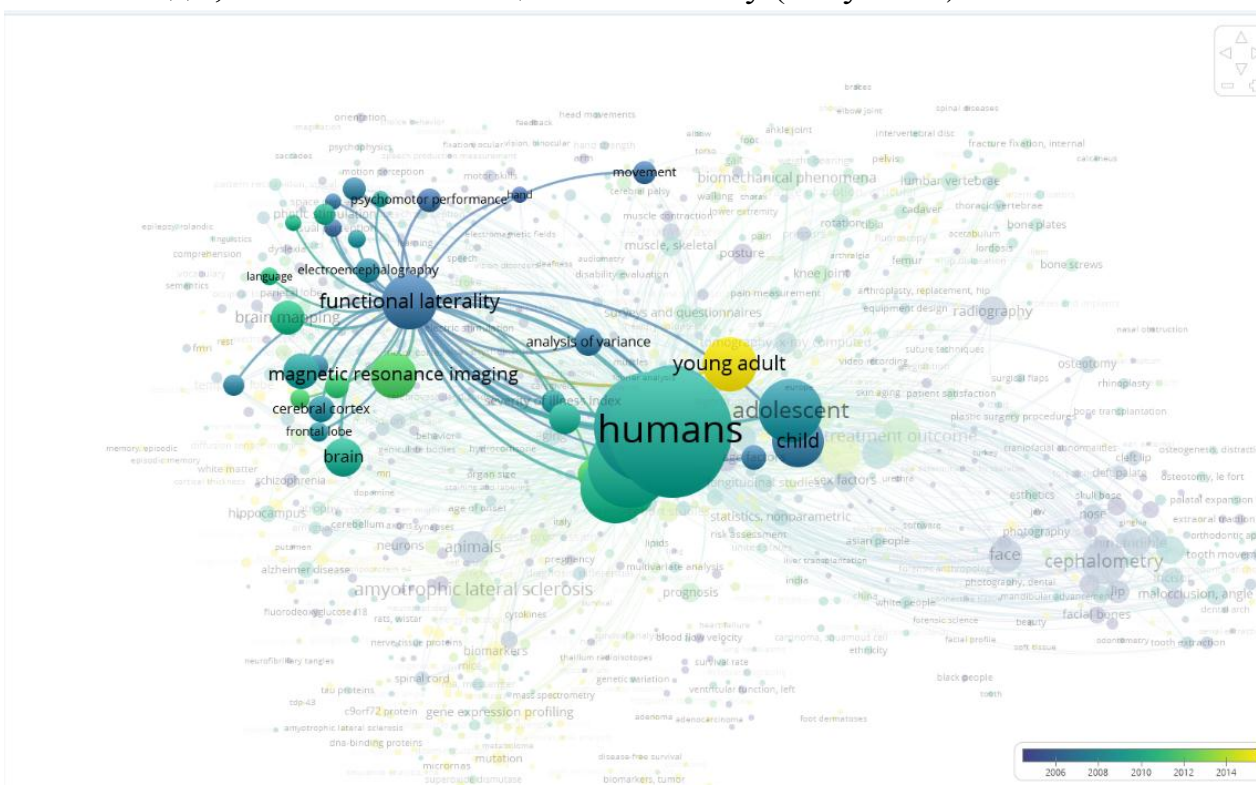

Рисунок 2. Режим визуализации наложения (временные рамки)

До 2005 года программа не учла ключевые слова в силу их незначимости, что говорит об интересе к проблеме ИЛП в XXI веке. Ключевой термин «Функциональная асимметрия» упоминается в 2006 году, что говорит об актуальности темы.

Диагностика состоит из 2 блоков:

- 1) Исследование индивидуального латерального профиля;
- 2) Оценка уровня эмоционального интеллекта.

Исследуемая – У., 12 лет. Имеет нарушение слуха, носит кохлеарный имплантат. Учится в 5 классе. На момент исследования девочка ориентируется в месте, времени, собственной личности. Контакту доступна, понимание инструкции при нескольких повторениях. Ошибки самостоятельно замечает и исправляет без помощи психолога. Внимательна, заинтересована в результатах методик. Эмоциональные реакции и поведенческие стратегии соответствуют ситуации, адекватны.

Индивидуальный латеральный профиль:

- 1) Мануальная асимметрия – выраженная праворукость (+20 баллов); преимущественно правосторонний профиль (с элементами левосторонних выборов: в пробе на переплетение пальцев левый палец сверху);
- 2) Зрительная асимметрия – ведущий глаз правый;
- 3) Ведущая рука (проба Вассермана) – правая (коэффициент правой руки – 35);
- 4) Межполушарное взаимодействие: проба на перенос позы по кинестетическому образцу без ошибок; проба на реципрокную координацию: сбивчивость при ускорении темпа. Рисование и письмо поочередно левой и правой рукой выполняются без затруднений и ошибок. Отмечается быстрое выполнение пробы Вассермана обеими руками. Это может указывать на развитые межполушарные связи, либо «амбидекстрию» в преморбиде.

Оценка уровня эмоционального интеллекта:

Интегративный уровень эмоционального интеллекта – средний (55 б);

Эмоциональная осведомленность – высокая, что означает осознание и понимание своего внутреннего состояния;

Управление своими эмоциями – низкое, что говорит о недостаточных показателях эмоциональной отходчивости, ригидности, в целом низком произвольном управлении своими эмоциями;

Самомотивация – средняя, что может указывать на управление своим поведением за счет контроля и регуляции эмоций на среднем уровне;

Эмпатия – средний уровень, что может говорить о способности понимания эмоций других людей, умении сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, а также готовности оказать поддержку, умении

понять состояние человека по мимике, жестам, оттенкам речи, позе на среднем уровне.

Управление эмоциями других – среднее, что может указывать на умение воздействовать на эмоциональное состояние других людей на среднем уровне.

Выводы. Таким образом, на примере клинического случая гипотеза о наличии кросс-модальной перестройки, обусловленной нейропластичностью, у детей с сенсорной депривацией подтверждается. Об этом говорит высокая эмоциональная осведомленность на фоне низкого управления своими эмоциями при наличии элементов амбидекстрии в преимущественно правостороннем профиле латеральной организации психических функций. Единичный случай, указывающий на достоверность выводов и доказуемость гипотезы определяет вектор дальнейших исследований в этом направлении, а именно расширение выборки подростков с нейросенсорной тугоухостью, сравнение с условно здоровыми подростками без подобных нарушений.

Литература

1. Андерсон, М.Н. Развитие эмоционального интеллекта младших школьников в современных реалиях: обзор исследований [Текст] / М.Н. Андерсон // Гуманитарный научный вестник. - СПб., 2021. - № 5. - С. 95-99.
2. Блинова, К. В. Особенности взаимосвязи нейропсихологических параметров схемы тела у слабослышащих детей младшего школьного возраста с правым профилем латеральной организации / К. В. Блинова // Молодежная наука и современность : материалы 85-ой Международной научной конференции студентов и молодых ученых, посвященной 85-летию КГМУ, Курск, 23–24 апреля 2020 года. Том Часть III. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2020. – С. 216-218.
3. Голованов, В.П. Эмоциональный интеллект детей как важнейший навык будущего [Текст] / В.П. Голованов // Вестник ак. дет.-юнош. туризма и краевед. - М., 2020. - № 2. - С. 13-22.
4. Гугкаева, Т.И. Игровая деятельность как фактор развития эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста с нарушениями зрения [Текст] / Т.И. Гугкаева // Гуманитарный научный вестник. - Владикавказ., 2021. - № 8. - С. 60-65.
5. Иванова, Е.С. Особенности эмоционального интеллекта в подростковом возрасте [Текст] / Е.С. Иванова // Образование и наука. – Екатеринбург., 2011. - №1. – С. 33-41.
6. Исаева, О.М. Развитие эмоционального интеллекта: обзор исследований [Текст] / О.М. Исаева, С.Ю. Савинова // Современная зарубежная психология. - М., 2021. - № 2. - С. 105-116.
7. Коваль, О.А. Связь психологического развития дошкольников, имеющих речевую патологию, и уровня развития эмоционального интеллекта родителей [Текст] / О.А. Коваль // Клиническая и специальная психология. - Владимир., 2020. - Т.9. - № 1. - С. 142-168.
8. Кульбицкая, А.А. Особенности эмоционального интеллекта детей с нарушением слуха [Текст] / А.А. Кульбицкая // Научные стремления. - Минск., 2016. - № 20. - С. 135-139.
9. Маркова, А.Ю. Проблема развития эмоционального интеллекта и эмоциональной лексики у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи [Текст] / А.Ю.

Маркова, Е.Е. Дмитриева // Проблемы современного педагогического образования. - Н. Новгород., 2020. - № 69-3. - С. 196-199.

10. Молчанова, Л. Н. Особенности схемы тела у слабослышащих детей младшего школьного возраста / Л. Н. Молчанова, К. В. Блинова // Клиническая и специальная психология. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 76-94. – DOI 10.17759/cpse.2021100206.

11. Разумникова, О.М., Кривоногова К.Д. Сенсорная депривация как модель реализации компенсаторных ресурсов мозга: обзор зарубежных исследований [Текст] / О.М. Разумникова, К.Д. Кривоногова // Современная зарубежная психология. – Новосибирск., 2020. - №2. – С. 57 – 67.

12. Шамурина, К.К. Сравнительный анализ развития эмоционального интеллекта слабовидящих и слабослышащих дошкольников [Текст] / К.К. Шамурина // Специальное образование и социокультурная интеграция. - Саратов., 2020. - № 3. - С. 422-428.

References

1. Anderson, M.N. The development of emotional intelligence of younger schoolchildren in modern realities: a review of research [Text] / M.N. Anderson // Humanitarian Scientific Bulletin. - St. Petersburg, 2021. - No. 5. - pp. 95-99.

2. Blinova, K. V. Features of the relationship of neuropsychological parameters of the body schema in hearing-impaired children of primary school age with the right profile of the lateral organization / K. V. Blinova // Youth science and modernity : materials of the 85th International Scientific Conference of Students and Young Scientists dedicated to the 85th anniversary of KSMU, Kursk, April 23-24, 2020. Volume Part III. – Kursk: Kursk State Medical University, 2020. – pp. 216-218.

3. Golovanov, V.P. Emotional intelligence of children as the most important skill of the future [Text] / V.P. Golovanov // Vestnik ak. det.- young men. tourism and local lore. - M., 2020. - No. 2. - pp. 13-22.

4. Gugkaeva, T.I. Game activity as a factor in the development of emotional intelligence in preschool children with visual impairments [Text] / T.I. Gugkaeva // Humanitarian Scientific Bulletin. - Vladikavkaz., 2021. - No. 8. - pp. 60-65.

5. Ivanova, E.S. Features of emotional intelligence in adolescence [Text] / E.S. Ivanova // Education and Science. – Yekaterinburg., 2011. - No. 1. – pp. 33-41.

6. Isaeva, O.M. Development of emotional intelligence: a review of research [Text] / O.M. Isaeva, S.Yu. Savinova // Modern foreign psychology. - M., 2021. - No. 2. - pp. 105-116.

7. Koval, O.A. The connection between the psychological development of preschoolers with speech pathology and the level of development of emotional intelligence of parents [Text] / O.A. Koval // Clinical and special psychology. - Vladimir., 2020. - Vol.9. - No. 1. - pp. 142-168.

8. Kulbitskaya, A.A. Features of emotional intelligence of children with hearing impairment [Text] / A.A. Kulbitskaya // Scientific aspirations. - Minsk., 2016. - No. 20. - pp. 135-139.

9. Markova, A.Yu. The problem of the development of emotional intelligence and emotional vocabulary in older preschool children with general speech underdevelopment [Text] / A.Yu. Markova, E.E. Dmitrieva // Problems of modern pedagogical education. - N. Novgorod., 2020. - No. 69-3. - pp. 196-199.

10. Molchanova, L. N. Features of the body schema in hearing-impaired children of primary school age / L. N. Molchanova, K. V. Blinova // Clinical and special psychology. – 2021. – Vol. 10, No. 2. – pp. 76-94. – DOI 10.17759/cpse.2021100206.

11. Razumnikova, O.M., Krivonogova K.D. Sensory deprivation as a model for implementing compensatory brain resources: a review of foreign studies [Text] / O.M. Razumnikova, K.D. Krivonogova // Modern foreign psychology. – Novosibirsk., 2020. - No. 2. – pp. 57-67.

12. Shamurina, K.K. Comparative analysis of the development of emotional intelligence of visually impaired and hearing-impaired preschoolers [Text] / K.K. Shamurina // Special education and socio-cultural integration. - Saratov., 2020. - No. 3. - pp. 422-428.

ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИДЕРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СРЕДИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Груздов А.Ю.

*федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Курск, Россия
e-mail: alexander.gruzdov@inbox.ru*

Научный руководитель: ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Касьянова К.В.

Аннотация. Данная статья посвящена феномена лидерства и исследованию проявления лидерских способностей среди студентов медицинских вузов. Результат показали, что среди студентов-медиков находится небольшое количество людей, демонстрирующих данные способности в полной мере

Ключевые слова: лидер, лидерство, лидерские способности, руководство, группа, студент-медик

MANIFESTATION OF LEADERSHIP ABILITIES AMONG MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS

Gruzdov A.Yu.

*Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation
e-mail: alexander.gruzdov@inbox.ru*

Scientific advisor: assistant of the department of health psychology and neuropsychology Kasyanova K.V.

Abstract. This article is devoted to the phenomenon of leadership and the study of the manifestation of leadership abilities among medical students. The result showed that among medical students there is a small number of people who demonstrate these abilities to the fullest.

Keywords: leader, leadership, leadership abilities, leadership, group, medical student

Введение. Явление лидерства всегда было основополагающим в структуре общества [6]. Невзирая на наличие разных идей, которые в том числе провозглашают своей главной ценностью равенство всех людей между собой, невозможно представить современный мир без личностей, что выступают защитниками интересов группы и неоспоримо имеющие превосходство перед другими участниками данной группы. Лидерство можно заметить везде, начиная неформальными (компания близких друзей) и заканчивая формальными группами (работники предприятия), оно наблюдается во всех сферах общества, в том числе и в здравоохранении [4,5]. Определение способности людей к данному качеству является важной процедурой с целью нахождения той личности, что способна в дальнейшем сохранить единство коллектива для его слаженной работы в области лечения населения. Стало необходимым проведение исследования среди студентов-медиков, среди которых могут найтись текущие или будущие лидеры

Аналитические литературный обзор. Исследование феномена лидерства в рамках психологии малых групп началось со второй половины XIX века и продолжается по наше время [1]. Всегда считалось, что любая группа сильна, если у нее есть главенствующая фигура, человек, который имеет навыки к управлению большой массой людей и способами к достижению их целей. При этом роль лидера не заканчивается только на контролировании группы, она также заключается в поддержании в ней определенного микроклимата, где все участники понимают, что им нужно делать, как взаимодействовать с окружающими и относиться друг к другу. Потому при формулировке понятия «лидер» необходимо обозначить, что под ним понимается человек, имеющий в группе авторитет, способный защищать ее интересы, а участники готовы следовать за ним и стремиться к саморазвитию [9].

Т.к. лидерство является основополагающим фактором для развития группы, без нее группа оказывается нестабильной, попадая под риск уничтожения. Лидер, являясь главным среди людей, должен решать вопросы, ставящие под вопрос существование группы, находить пути их решения, пользуясь имеющимися, зачастую ограниченными ресурсами (материальные, административные, финансовые и др.), ему необходимо внимательно перераспределять и тратить их [8]. Исходя из этого, делается вывод об определенной ответственности, которую необходимо брать лидеру на себя, чтобы поддерживать нормальное состояние группы. Помимо средств контроля он также должен обладать инициативой в планах группы, быть уверенным в их исполнении.

Несмотря на необходимость наличия лидера в любой группе, это не подразумевает его постоянное присутствие в жизни данной группы. При условии, что среди ее участников имеются грамотные люди, хорошо знающие свое дело, обладающие высокой квалификацией в области своей профессии, ответственно исполняющие все данные им задачи и не думающие только о своей личной выгоде, но также и о благополучии всей группы, лидеры могут в определенных ситуациях оставаться наблюдателями, не контролируя действия каждого из членов группы. К тому же, бывают ситуации, когда группа изначально достаточно сплоченная, а многие люди из нее обладают самостоятельностью, из-за чего существование регулятора в лице лидера может быть не обязательным. Подобные факты говорят о том, что лидерство является желательным, но не абсолютно обязательным феноменом, который должен присутствовать в группе. Его отсутствие приемлемо в ситуациях, когда группа способна поддерживать саму себя и исполнять обозначенные цели [12].

Стоит заметить, что рядом с понятием «лидерство» находится близкое по смыслу «руководство». Оба термина обладают общими характеристиками: они подразумевают под собой управление группой, существуют в «вертикальных» отношениях (пример – «руководитель-подчиненный», «главврач-врач»), в той или иной степени влияют на неформальные отношения (т.е. отношения в неформальной группе). Тем не менее понятия «лидерство» и «руководство» также обладают значительными различиями, ключевым из которых является путь назначения лидера или руководителя. Первый всегда выбирается группой исходя из ее целей, нужд и представлений ее участников о необходимом им управителе; второй назначается властью извне, без зависимости от желаний группы. Подобный факт определяет прочие различия между понятиями «лидерство» и «руководство»: 1) в то время как лидер призван регулировать отношения внутри группы, руководитель производит регуляцию отношений группы как социальной организации с обществом; 2) лидерство рассматривается в группе, существующей автономно от социума, а руководство действует в группе, которая связана со всей системой социума; 3) лидер назначается стихийно, по принципу «в нужное время, в нужном месте», в то время как выбор руководителя – процесс контролируемый; 4) лидерство может быть кратковременным, т.к. его существование напрямую зависит от потребностей группы, руководство более стабильно и существует столько, сколько и официальная группа; 5) лидерство не подразумевает под собой официальную систему санкций (поощрительных или запретительных по отношению к участникам группы), в то время как при руководстве данная система есть; 6) лидер полноправно принимает решения, имея неоспоримую власть в группе, в то время как руководитель должен предпринять определенные действия,

чтобы ввести свое решение в действие (по причине того, что он был выбран влиянием извне, которое фактически руководствует над ним) [3,5].

Ранее отмечалось, что лидер занимает свой пост столько времени, сколько понадобится на то группе. Однако помимо этого существует ряд факторов, при которых человек может лишиться своей статуса лидерства намного раньше. Все они подразумевают под собой невыполнение ключевых функций, которые должны лидером выполняться: 1)необеспечение защищенности участников группы от внешнего влияния и способов сбережения группы от уничтожения; 2)неспособность разрешать конфликты, которые возникают внутри группы или между ней с другими группами; 3)невозможность поддержания благополучного микроклимата, в которой участники могли бы доверять друг другу и понимать свою роль внутри группы. Следовательно, лидер существует не только завися от потребностей группы, но и того, как правильно он выполняет свою роль [11].

Возникновение лидера не является простым и мгновенным процессом. На данный момент времени психологи разделяются во мнении по поводу истинных причин проявления лидерства в обществе, придерживаясь определенных теорий ее формирования. Среди них стоит выделить следующие: 1)теория черт – лидером становится человек, который от рождения обладает набором характеристика, начиная антропометрическими данными (рост, вес) и заканчивая интеллектом; 2)ситуационная теория – лидер возникает в ситуации, когда группе нужен человек с нужными для решения ситуации качествами; 3)системная теория личности – лидерство есть результат организации отношений внутри группы, лидер – субъект, что управляет данным результатом; 4)имплицитная теория – лидером выбирается индивид из общих представлений других участников группы об «идеальном» лидере и совпадении данных представлений друг с другом; 5)пятифакторная модель личности – ключевым критерием выбора лидера является сочетание пяти факторов (экстраверсия, нейротизм, доброжелательность, открытость опыту, сознательность) [2].

Лидер всегда должен обладать определенными чертами, чтобы удерживать свой статус внутри группы. Среди наиболее значимых психологических качеств стоит выделить следующие: 1)готовность к физическому и психологическому стрессу на протяжении долгого времени; 2)стремление к борьбе с противниками группы и людьми, что хотят убрать лидера; 3)умение контролировать собственные эмоции; 4)способность установления отношений и начала диалога в любых ситуациях; 5)активность, отсутствие инертности в межличностных отношениях; 6)достаточная сила воли; чувство долга и ответственности, храбрость и бесстрашие перед

возникающими у группы проблемами. Кроме этого, лидер должен иметь представление о своих действиях, внушать участникам группы важность достигаемых группой результатов, проявлять стабильность своей роли и быть уверенным в своем успехе [10].

Диагностика лидерства на данный момент времени не может произведена с абсолютной точностью. Тем не менее существует ряд методик, которые направлены на определение лидерства с разных сторон: его эффективности (методика «эффективность лидера»), склонностей лидера к коммуникации (методика «КОС» В. В. Синявского и В. А. Федорошина), а также целый ряд тестирований на определение общей способности индивида быть лидером. Среди последних в наше время часто используется тест «Диагностика лидерских способностей» по С.Жарикову и Е.Л.Крушельницкому. Его суть заключается в том, что респонденту дается суммарно 50 тестовых вопросов с вариантами «а» и «б» в каждом. Респонденту необходимо выбрать один из ответов в каждом вопросе, затем при формировании интерпретации человеку условно начисляется определенное количество баллов. Чем больше их значение, тем больше человек склонен к лидерству. Исходя из точки зрения Е.С.Жарикова и Е.Л.Крушельницкого, лидер – человек волевой, настойчивый, терпеливый, инициативный, проявляющий на постоянной основе черты экстраверта и оптимиста и готовый к тяжелейшим нагрузкам. Следовательно, лидером может быть не каждый человек, и это делает данную роль не только важной, но и не всегда доступной для группы. Методика «Диагностика лидерских способностей» благодаря своей структуре и разносторонности вопросов является наиболее объективным путем определения склонности человеку к лидерству. По данной причине именно она стала основным методом в проводимом нами исследовании [7].

Цель. Провести анализ проявления лидерских способностей среди студентов, обучающихся в учебных учреждениях высшего медицинского образования

Методы. Анонимное тестирование 105 студентов-медиков разных факультетов и курсов по методике "Диагностика лидерских способностей" Жарикова Е.С. и Крушельницкого Е.Л.; описательная статистика.

Результаты. Выборку составили 105 студентов Курского государственного медицинского университета разных факультетов и курсов. Респонденту предлагалось ответить на пятьдесят вопросов в тестовой форме, с выбором лишь одного ответ из двух представленных. Один ответ из двух условно оценивался в один балл, и исходя из того, сколько суммарно баллов получал студентов, оценивалось проявление его лидерских способностей. Если сумма баллов меньше двадцати пяти, то качества лидера выражены слабо, в

пределах от двадцати шести до тридцати пяти - качества лидера выражены средне, в интервале от тридцати шести до сорока - лидерские качества выражены сильно, а если более сорока баллов, то данный лидер склонен к диктату.

Результаты исследования оказались следующими: «слабые» лидеры – 45 человек, «средние» лидеры – 55 человек, «сильные» лидеры – 5 человек. Среди «слабых лидеров» 1) По критерию курса: мужской – 84,4%, женский – 15,6%; 2) По критерию курс первый курс – 33,3%, второй курс – 60%, третий курс – 6,7%; 3) По критерию факультета: лечебное дело – 26,7%, клиническая психология – 31,1%, фармацевтический – 17,8%, педиатрический – 24,4%. Среди «средних» лидеров 1) По критерию пола: мужской – 80%, женский – 20%; 2) По критерию курса: первый курс – 14,5%, второй курс – 78,2%, третий курс – 5,5%, пятый курс – 1,8%; 3) По критерию факультета: лечебное дело – 25,5%, клиническая психология – 30,9%, фармацевтический – 21,8%, педиатрический – 20%, стоматологический – 1,8%. Среди «сильных» лидеров 1) По критерию пола: мужской – 20%, женский – 80%; 2) По критерию курса: первый курс – 20%, второй курс – 60%, третий курс – 20%; 3) По критерию факультета: лечебное дело – 80%, клиническая психология – 20%

Обсуждение. Среди студентов медицинского вуза немногие люди – «сильные» лидеры, почти все из которых – студенты факультета лечебного дела, а также – студенты 2 курса обучения. Среди студентов медицинского вуза, в основном, наблюдается среднее проявление лидерских качеств, многие же «средние» лидеры – студенты-женщины 2 курса обучения. Среди «слабых» лидеров многие – это студенты-мужчины 1 и 2 курса обучения. Наконец, «средние» и «слабые» лидеры почти одинаково распределены между одними и теми же факультетами

Заключение. Исследование показало, что среди студенты медицинского вуза нет большого количества людей, проявляющих высокую степень лидерских способностей. Однако данный результат можно считать нормальным, ведь, как показал проведенный нами анализ литературы, лидер – человек, который должен обладать определенным набором характеристик, данный от рождения не всем людям. Те же, кто располагает данными качествами, должен использовать их и в нужный момент и проявить их для создания новой или поддержания уже имеющейся группы, которая затем будет успешно функционировать в той или иной области, включая и здравоохранение.

Литература

1. Ануфриенко Л.В. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИДЕРСТВА В МИРОВОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2012. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-liderstva-v-mirovoy-psihologo-pedagogicheskoy-nauke> (дата обращения: 29.05.2023).
2. Бахтина О. А. Исследование современных теорий лидерства / О. А. Бахтина // НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ и ОТКРЫТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ : сборник статей победителей международной научно-практической конференции: в 2 частях, Пенза, 17 февраля 2017 года. Том Часть 2. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 339-342.
3. Блинова, К. В. Социально-психологические установки студентов-медиков в условиях профессиональноориентированной волонтерской деятельности / К. В. Блинова // Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход (с использованием дистанционных технологий) : Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 02–03 декабря 2021 года. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2021. – С. 133-136.
4. Груздов, А. Ю. Особенности репрезентативной системы студентов медицинского вуза / А. Ю. Груздов // Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход (с использованием дистанционных технологий) : Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 17–18 ноября 2022 года. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2022. – С. 141-145.
5. Каримова Г. В. Руководитель и лидер, сходства и различия // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rukovoditel-i-lider-shodstva-i-razlichiya> (дата обращения: 29.05.2023).
6. Карпович А. В. Феномен лидерства в медицинской профессии: институциональные изменения и социально-психологические паттерны / А. В. Карпович, А. Д. Доника. – Москва : Издательский Дом "Академия Естествознания", 2015. – 106 с. – ISBN 978-5-91327-339-0.
7. Краснояруженская Е.А. Лидерство как ценность современной молодежи // Наука. Инновации. Технологии. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liderstvo-kak-tsennost-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 29.05.2023).
8. Михайлова О. Б. Особенности лидерских способностей и инновационности у студентов бакалавриата / О. Б. Михайлова, Э. А. Каминская // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2015. – № 4(32). – С. 28-34.
9. Пашаева, З. С. Лидерство и мотивация как инструменты управления человеческими ресурсами организации / З. С. Пашаева, М. А. Батаева // Управление экономическими и социальными системами региона : сборник научных трудов / под ред. С. Ф. Дзагоева ; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Том Выпуск VI. – Владикавказ : Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2015. – С. 181-185.
10. Шарафутдинова, Н. В. Лидер, лидерство, руководитель и руководство: научные определения понятий / Н. В. Шарафутдинова // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 4-5. – С. 93-100.

11. Шебалов А.Д., Киселева Ю.А., Симагина А.Д. Основные качества лидера // Проблемы науки. 2017. №10 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kachestva-lidera> (дата обращения: 29.05.2023).
12. Howell Jon P., Bowen David E., Dorfman Peter W., Kerr Steven [и др.] Substitutes for leadership: Effective alternatives to ineffective leadership. [Электронный ресурс] // ScienceDirect, 1990. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/009026169090046R> (дата обращения: 29.05.2023).
13. Seong-Jae Min Leaderless Group Decisions. [Электронный ресурс] // Oxford Research Encyclopedia, 2019. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.976> (дата обращения: 29.05.2023).

References

1. Anufrienko L.V. HISTORY OF STUDYING LEADERSHIP IN WORLD PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCE // Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences. 2012. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-liderstva-v-mirovoy-psychologo-pedagogicheskoy-nauke> (date of access: 05/29/2023).
2. Bakhtina O. A. Research of modern theories of leadership / O. A. Bakhtina // SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS and DISCOVERIES OF MODERN YOUTH: collection of articles of the winners of the international scientific and practical conference: in 2 parts, Penza, February 17, 2017. Volume Part 2. - Penza: "Science and Education" (IP Gulyaev G.Yu.), 2017. - P. 339-342.
3. Blinova, K. V. Socio-psychological attitudes of medical students in the conditions of professionally oriented volunteer activity / K. V. Blinova // Psychology of health and disease: clinical and psychological approach (using remote technologies) : Materials of the XI All-Russian Scientific and practical conference with international participation, Kursk, 02-03 December 2021. – Kursk: Kursk State Medical University, 2021. – pp. 133-136.
4. Gruzlov, A. Yu. Features of the representative system of medical university students / A. Yu. Gruzlov // Psychology of health and disease: clinical and psychological approach (using remote technologies) : Materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Kursk, November 17-18, 2022. – Kursk: Kursk State Medical University, 2022. – pp. 141-145.
5. Karimova GV Head and leader, similarities and differences // Economics and management: analysis of trends and development prospects. 2013. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rukovoditel-i-lider-shodstva-i-razlichiya> (date of access: 05/29/2023).
6. Karpovich, A. V. The phenomenon of leadership in the medical profession: institutional changes and socio-psychological patterns / A. V. Karpovich, A. D. Donika. - Moscow: Publishing House "Academy of Natural History", 2015. - 106 p. – ISBN 978-5-91327-339-0.
7. Krasnoyarskaya E.A. Leadership as a value of modern youth // Science. Innovation. Technologies. 2008. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liderstvo-kak-tsennost-sovremennoy-molodezhi> (date of access: 05/29/2023).
8. Mikhailova O. B. Features of leadership abilities and innovation among undergraduate students / O. B. Mikhailova, E. A. Kaminskaya // Psychology of education in a multicultural space. - 2015. - No. 4 (32). - S. 28-34.
9. Pashaeva, Z. S. Leadership and motivation as tools for managing the human resources of an organization / Z. S. Pashaeva, M. A. Bataeva // Management of economic and social systems of

the region: a collection of scientific papers / ed. S. F. Dzagoeva; North-Osset. state un-t im. K. L. Khetagurova. Volume Issue VI. - Vladikavkaz: North Ossetian State University. K.L. Khetagurova, 2015. - S. 181-185.

10. Sharafutdinova, N. V. Leader, leadership, leader and management: scientific definitions of concepts / N. V. Sharafutdinova // Scientific Review. Series 2: Humanities. - 2014. - No. 4-5. - S. 93-100.

11. Shebalov A.D., Kiseleva Yu.A., Simagina A.D. The main qualities of a leader // Problems of science. 2017. No. 10 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kachestva-lidera> (date of access: 05/29/2023).

12. Howell Jon P., Bowen David E., Dorfman Peter W., Kerr Steven [etc.] Substitutes for leadership: Effective alternatives to ineffective leadership. [Electronic resource] // ScienceDirect, 1990. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/009026169090046R> (Date of access: 05/29/2023).

13. Seong-Jae Min Leaderless Group Decisions. [Electronic resource] // Oxford Research Encyclopedia, 2019. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.976> (date of access: 05/29/2023).

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Замотаева В.И.

*федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Курск, Россия
e-mail: zamotaevavera6@gmail.com*

Научный руководитель: ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Хахутадзе Н.М.К.

Аннотация. В статье представлена информация о нарушениях пищевого поведения, в частности наиболее детально рассматривается склонность к расстройствам пищевого поведения. Помимо этого, в статье проведён анализ эмпирического исследования особенностей самооценки, личной и ситуативной тревожности и механизмов психологической защиты у студентов-медиков мужского и женского пола от 18 до 26 лет с тенденциями к расстройствам пищевого поведения. С целью выявления индивидуально-личностных характеристик были использованы такие методики как: опросник пищевых предпочтений, ОПП-26 (Eating Attitudes Test, EAT-26), опросник Спилбергера-Ханина «Методика оценки тревожности», «Методики диагностики самооценки» Дембо-Рубинштейн в модификации А.М.Прихожан, опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля».

Ключевые слова: расстройство пищевого поведения, самооценка, защитные механизмы, тревожность.

THE RELATIONSHIP OF EATING DISORDERS AND INDIVIDUAL PERSONALITY CHARACTERISTICS

Zamotaeva V.I.

*Kursk state medical university Kursk, Russian Federation
e-mail: zamotaevavera6@gmail.com*

Scientific advisor: assistant of the department of health psychology and neuropsychology Khakhutadze N.M.K.

Abstract. The article presents information about eating disorders, in particular, the propensity to eating disorders is considered in the most detail. In addition, the article analyzes an empirical study of the features of self-esteem, personal and situational anxiety and psychological defense mechanisms in male and female medical students aged 18 to 26 with tendencies to eating disorders. In order to assess the psychoemotional state, such methods were used as: the questionnaire of food preferences, OPP-26 (Eating Attitudes Test, EAT-26), the Spielberger-Khanin questionnaire "Anxiety assessment Methodology", "Methods of self-assessment diagnostics" Dembo-Rubinstein modified by A.M.Parishioners, the Plutchik-Kellerman-Conte questionnaire "Index life style".

Keywords: eating disorder, self-esteem, defense mechanisms, anxiety

Введение. Социальная среда человека диктует и устанавливает высокие и в то же время неоднозначные требования к внешности, в частности к телосложению, весу и фигуре, которыми должен обладать современный человек. Отклонение от нормы во внешности достаточно часто приводит к болезненному восприятию себя и дисморфофобии, вызывает чувства беспокойства, неуверенности, психэмоциональные нарушения. Как правило, склонность к расстройствам пищевого поведения возникает в подростковом или юношеском возрасте и является значительным компонентом психических расстройств молодёжи. В связи с этим изучение проявлений пищевых поведенческих расстройств и их влияния на психологическое состояние у молодежи является актуальной проблемой.

Как известно, потребность в пище – одна из первичных биологических потребностей человека, направленная на поддержание постоянства внутренней среды. Люди едят с целью получить нужную организму энергию, воспроизводить клетки и создавать сложные химические реакции, необходимые для жизнедеятельности. В соответствии с теорией А. Маслоу, физиологические потребности, являющиеся необходимыми для выживания, должны получить удовлетворение на минимальном уровне, прежде чем станут актуальными любые потребности более высокого уровня. Пищевое поведение — ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса, поведение, ориентированное на образ собственного тела, и деятельность по формированию этого образа [2].

Нарушение пищевого поведения – серьёзная проблема, а не просто нездоровые привычки в питании. Расстройство пищевого поведения (далее – РПП) является заболеванием, требующим комплексного вмешательства медицинских, психологических и социальных специалистов. Для людей с РПП питание перестает быть естественной потребностью и превращается в предмет

страха и тревоги. Всё внимание человека фокусируется вокруг веса, фигуры и еды. Отметим, что студенческий возраст, как правило, характеризуется большим количеством трудных и тревожных жизненных ситуаций и в связи с этим включает в себя множество внутрличностных конфликтов и беспокойств, поэтому студенты являются группой риска формирования расстройств пищевого поведения. Основными проявлениями РПП являются булимия, анорексия, компульсивное переедание, нервная ортотексия, психогенная рвота и другие [1]. Характерной особенностью РПП является нарушение способности саморегуляции, то есть управления своим эмоциональным состоянием и поведением в соответствии с социальными мотивами. Кроме того, у людей с РПП наблюдается снижение опосредствования побуждений к контролю веса или употреблению пищи, изменение иерархии мотивов личности и, в конечном итоге, – редукция мотивов личности и снижение их опосредующей поведение роли [10]. С учетом вышесказанного, можно сделать вывод о необходимости системного подхода к диагностике и лечению РПП.

Однако помимо уже сформировавшихся заболеваний пищевого поведения существуют доклинические формы, которые определяются отсутствием полноценного набора тех диагностических критериев, которые позволяют поставить диагноз. Такие «доболезненные» состояния представляют особую важность изучения из-за того, что в ряде случаев они могут разворачиваться в клинические значимые виды нарушений приема пищи. В научных исследованиях встречаются несколько понятий (определений), обозначающих доклинические формы данных расстройств: «сверххранние признаки нарушений пищевого поведения», «склонность к нарушениям пищевого поведения», «инициация расстройств пищевого поведения» и т.п. [8].

Под термином «склонность к расстройствам пищевого поведения» понимается совокупность клинических признаков, не достигающих уровня психического расстройства, но характеризующихся когнитивно-поведенческой симптоматикой, соответствующей диагнозам расстройств пищевого поведения (ограничения в пище, компульсивное и эмоциогенное пищевое поведение). Комплекс указанных признаков включает в себя перфекционистские убеждения, стремление к идеальной телесной форме, неадекватное самооценивание, установки на контроль и ограничение поедания, а также стойкую ригидность пищевой поведенческой системы и повышенную концентрацию внимания на собственном физическом состоянии. Кроме того, указанные симптомы сопровождаются наличием субъективного дискомфорта, негативного отношения к собственному телу и социальными трудностями [9].

Расстройства пищевого поведения возникают по причине многих факторов. Один из главных факторов – это семейная обстановка. Исследования

показывают, что риск возникновения нарушений пищевого поведения наиболее высок при дезадаптивном семейном воспитании, так как дезадаптация оказывает отрицательное влияние на личностный рост ребенка, что может привести к различным деформациям. Некоторые исследователи считают, что нарушенное взаимодействие между младенцем и матерью также может приводить к пищевым расстройствам. Это может происходить, если мать не уделяет достаточно внимания потребностям младенца и ориентируется лишь на свои потребности. В такой ситуации, младенец не может выработать здоровое ощущение самости, что приводит к тому, что он начинает себя воспринимать лишь как продолжение матери, а не как автономное существо. Таким образом, семейная обстановка и ранние взаимоотношения между матерью и младенцем играют важную роль в формировании пищевого поведения. Для предотвращения нарушений пищевого поведения, необходимо обращать внимание на семейные отношения и прививать младенцам здоровые навыки и ощущение самости.

Важную роль играет эмоциональное состояние матери во время процесса кормления ребёнка. Существует немало исследований на эту тему. Так, по результатам исследований Р. Спиз было установлено, что нежелательно проводить регулярное кормление младенца, если оно не сопровождается соответствующим эмоциональным настроением у матери. Четверть из младенцев в детском доме, находящихся более 5 месяцев в таком режиме умирали от нарушений в пищеварении, остальная часть демонстрировала серьёзные душевные и физические нарушения. Однако, если количество сиделок воспитательниц, вовлеченных в процесс кормления младенцев, увеличивалось до такого уровня, что каждый ребенок мог быть обнят и прижат к себе при кормлении с одобрительной улыбкой, нарушения не возникали, а уже существующие у некоторых младенцев исчезали. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что кормление младенца является коммуникативным процессом, который должен сопровождаться соответствующим эмоциональным настроением у матери или сиделок [4].

Возникновение расстройств пищевого поведения может быть связано и с нарушенными ранними отношениями со значимыми для человека объектами, с наличием дефицита защищенности и любви. Такие факторы могут привести к тому, что у личности уже изначально будет нарушена способность ощущать сытость и удовлетворенность, а еда может стать своеобразным способом защиты от аффектов, вызванных депрессией и страхом. В результате может нарушиться контроль над употреблением пищи, проявляющийся в неконтролируемом поглощении еды или же в излишней преданности диетам [4]. Кроме того, склонность к сексуальному или физическому насилию,

диетические ограничения в семье, критические замечания в адрес фигуры и веса, а также давление окружающей среды могут также способствовать развитию расстройств пищевого поведения. Стоит отметить, что длительное придерживание диетических ограничений может оказывать негативное воздействие на психику человека и вызывать усталость, тревожность, переутомление, апатию и депрессию, что может стать предвестником нарушений пищевого поведения. Результаты экспериментов демонстрируют, что у тех, кто придерживается диет, риск развития расстройств пищевого поведения в 8 раз выше, чем у тех, кто этого не делает [11]. Общее понимание возможных факторов, влияющих на развитие и поддержание расстройств пищевого поведения, может помочь в разработке эффективных подходов к их ранней диагностике, лечению и профилактике.

В настоящее время появляется всё больше систематических обзоров, указывающих на связь между расстройствами пищевого поведения, включая их факторы риска, с проблемами психического здоровья и психэмоционального состояния.

В данной статье представлены результаты исследования, направленного на изучение связи склонности к расстройствам пищевого поведения с уровнем тревожности, механизмами психологической защиты и самооценкой среди студентов-медиков.

Цель исследования – выявить особенности механизмов психологической защиты, самооценки и показателей тревожности у студентов-медиков, имеющих склонность к расстройствам пищевого поведения.

Объект исследования — расстройства пищевого поведения.

Предмет исследования — специфика механизмов психологической защиты, параметров самооценки и уровня тревожности студентов-медиков, обладающих тенденцией к нарушениям пищевого поведения.

Методы. Выборку составили студенты-медики от 18 до 26 лет, обучающиеся на первом курсе факультета клинической психологии. Были использованы следующие методики:

1. Опросник пищевых предпочтений, ОПП-26 (Eating Attitudes Test, EAT-26) [5]. Разработан для оценки степени склонности к расстройствам пищевого поведения.

2. Опросник Спилбергера-Ханина «Методика оценки тревожности» [7]. Используется для оценки ситуационной и личностной тревожности.

3. «Методики диагностика самооценки» Дембо-Рубинштейн в модификации А.М.Прихожан [3]. Основана на непосредственном оценивании студентами ряда личных качеств, таких как здоровье, способности, характер и т. д.

4. Опросник Плутчика – Келлермана – Конте "Индекс жизненного стиля" [6]. Используется для диагностики различных механизмов психологической защиты.

Результаты. Выявлена положительная корреляционная связь на уровне тенденций умеренной силы в показателе "Пищевое поведение и отрицание" ($p\text{-level}=0,068$, $r=0,401$) и положительная корреляционная связь на уровне тенденций слабой силы в показателе "Пищевое поведение и проекция" ($p\text{-level}=0,069$, $r=0,249$). Наблюдается прямая связь данных показателей, т.е. чем больше люди склонны к наличию РПП, тем чаще у них встречается такие механизмы психологической защиты как отрицание и проекция.

Положительная корреляционная связь проявляется и на уровне тенденций умеренной силы в показателе "Пищевое поведение и Самооценка (Уверенность в себе)" ($p\text{-level}=0,059$, $r=0,330$), а также положительная корреляционная связь наблюдается на уровне тенденций умеренной силы в показателе "Пищевое поведение и Самооценка (Характер)" ($p\text{-level}=0,055$, $r=0,385$). Обнаруживается прямая связь между показателями. Это говорит о том, что чем больше выражена склонность к РПП, тем выше будут показатели уверенности в себе и характера.

Также была выявлена отрицательная корреляционная связь на уровне тенденций умеренной силы в показателе "Пищевое поведение и гиперкомпенсация" ($p\text{-level}=0,083$, $r (-0,461)$). Наблюдается обратная связь между показателями. Это значит, что чем больше люди склонны к наличию РПП, тем реже у них встречается такой механизм психологической защиты как гиперкомпенсация. Кроме того, была обнаружена отрицательная корреляционная связь на уровне тенденций слабой силы в показателе "Пищевое поведение и Самооценка (Умелые руки)" ($p\text{-level}=0,092$, $r=(-0,291)$). Чем выше склонность к РПП, тем ниже самооценка по шкале «Умелые руки».

Полученные результаты исследования по всем шкалам представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Корреляционная связь между шкалами пищевого поведения, механизмами психологической защиты и самооценкой

	Правиль	Spearman	t(N-2)	p-level
Пищевое поведение & Отрицание	15	0,401122	1,57885	0,068385
Пищевое поведение & Проекция	15	0,249553	0,92917	0,069732
Пищевое поведение & Гиперкомпенсация	15	-0,461352	-1,87488	0,083450
Пищевое поведение & Самооценка. Характер.	15	0,385792	1,50771	0,055540
Пищевое поведение & Самооценка. Умелые руки.	15	-0,291367	-1,09819	0,092046

Выводы. Таким образом, в ходе статистического анализа было обнаружено наличие положительной корреляционной связи у студентов-медиков на уровне тенденций в показателях "Пищевое поведение и отрицание" ($p\text{-level}=0,068$, $r=0,401$), "Пищевое поведение и проекция" ($p\text{-level}=0,069$, $r=0,249$), "Пищевое поведение и Самооценка (Уверенность в себе)" ($p\text{-level}=0,059$, $r=0,330$) и "Пищевое поведение и Самооценка (Характер)" ($p\text{-level}=0,055$, $r=0,385$). Отрицательная корреляционная связь наблюдается на уровне тенденций умеренной силы в показателе "Пищевое поведение и гиперкомпенсация" ($p\text{-level}=0,083$, $r (-0,461)$) и "Пищевое поведение и Самооценка (Умелые руки)" ($p\text{-level}=0,092$, $r=(-0,291)$).

Изучение уровня самооценки, тревожности и механизмов психологической защиты у людей с тенденциями к нарушениям пищевого поведения является необходимым условием для комплексного понимания данного расстройства. Исследование способов психологической защиты показало, что у лиц с РПП на разных этапах течения психического заболевания основной психологической защитой является Отрицание, что подразумевает игнорирование аффективных мотивов, отрицание социально-желательных установок и табуированных тем. Кроме того, у лиц, склонных к РПП, более выражен механизм психологической защиты Проекция, что свидетельствует о желании таких людей оправдать свою собственную агрессивность или недоброжелательность, которая проявляется как бы в защитных целях. Также, по результатам исследования, люди с высокой тенденцией к РПП обладают низким уровнем самооценки по шкале «Умелые руки», что означает негативное влияние нарушений пищевого поведения на оценку человеком своих возможностей и творческих навыков.

Литература

1. Гафурянова, А.С. Расстройство пищевого поведения — проблема современности / А. С. Гафурянова, А. М. Мялицина, А. В. Кустарева // Молодой ученый. — 2022. — № 51 (446). — С. 132-137.
2. Грицай А.О. Психологические причины расстройств пищевого поведения / А.О. Грицай, Ю.А. Панина, М.Ю. Жерихина//Ярославский психологический вестник.-2020.- №2(47)-С.101-104.
3. Дембо-Рубинштейн «Методика диагностика самооценки» в модификации А.М. Прихожан. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/sotsialnaya-pedagogika/library/2022/08/24/metodika-diagnostika-samootsenki-dembo-rubinshteyn> (дата обращения 22.04.2023)

4. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 288 с.
5. Опросник пищевых предпочтений, ОПП-26 (Eating Attitudes Test, EAT-26). – URL: <https://www.b17.ru/blog/244418/> (дата обращения 22.04.2023)
6. Опросник Плутчика – Келлермана – Конте "Индекс жизненного стиля". – URL: <https://psycabi.net/testy/310-oprosnik-plutchika-kellermana-konte-metodika-indeks-zhiznennogo-stilya-life-style-index-lsi-test-dlya-diagnostiki-mekhanizmov-psikhologicheskoy-zashchity> (дата обращения 22.04.2023)
7. Опросник Спилбергера-Ханина «Методика оценки тревожности». – URL: <https://psycabi.net/testy/179-test-na-trevozhnost-spilbergera-khaninametodika-otsenki-trevozhnosti-ch-d-spilbergera-i-yu-l-khanina> (дата обращения 22.04.2023)
8. Пономарёва Л.Г. Особенности эмоционально-ценностного компонента самосознания у женщин с признаками нарушений пищевого поведения/ Л.Г. Пономарёва//Азимут научных исследований: педагогика и психология . – 2019.-№4(29).- С.351-354.
9. Сагалакова О.А. Когнитивные стили при склонности к расстройствам пищевого поведения / О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев // Вектор науки ТГУ.-2011.-№4(7).-С.249-253.
10. Сагалакова О.А. Особенности произвольной саморегуляции при склонности к расстройствам пищевого поведения / Сагалакова О.А, Терре К.В.// Novsinfo.Ru. -2015.-№34.- С.243-246.
11. Скугаревский, О. А. Нарушения пищевого поведения : монография / О. А. Скугаревский. – Минск : БГМУ, 2007. – 340 с.

References

1. "Methods of self-assessment diagnostics" Dembo-Rubinstein modified by A.M.Parishioners. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/sotsialnaya-pedagogika/library/2022/08/24/metodika-diagnostika-samootsenki-dembo-rubinshteyn> (accessed 22.04.2023)
2. A.O. Gritsai, Yu.A. Panina, M.Yu. Zherikhina Psychological causes of eating disorders / A.O. Gritsai, Yu.A. Panina, M.Yu. Zherikhina//Yaroslavl Psychological Bulletin.-2020.-№2(47)- Pp.101-104.
3. Gafuryanova, A. S. Eating disorder — the problem of modernity / A. S. Gafuryanova, A.M. Myalitsina, A.V. Kustareva // Young scientist. — 2022. — № 51 (446). — Pp. 132-137.
4. L.G. Ponomareva Features of the emotional and value component of self-awareness in women with signs of eating disorders / L.G. Ponomareva//Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology . – 2019.-№4(29).- Pp.351-354.
5. O.A. Sagalakova, D.V. Truevtsev Cognitive styles with a tendency to eating disorders/ O.A. Sagalakova, D.V. Truevts//Vector of Science TSU.-2011.-№4(7).- P.249-253.
6. Questionnaire of food preferences, OPP-26 (Eating Attitudes Test, EAT-26). – URL: <https://www.b17.ru/blog/244418/> (accessed 22.04.2023)
7. Sagalakova O.A., Terre K.V. Features of arbitrary self-regulation with a tendency to eating disorders / Sagalakova O.A., Terre K.V.// Novsinfo.Ru . -2015.-No. 34.-pp.243-246.

8. Skugarevsky, O. A. Eating disorders : monograph / O. A. Skugarevsky. – Minsk : BSMU, 2007. – 340 p.
9. Spielberger-Khanin questionnaire "Methodology for assessing anxiety". – URL: <https://psycabi.net/testy/179-test-na-trevozhnost-spielbergera-khaninametodika-otsenki-trevozhnosti-ch-d-spielbergera-i-yu-l-khanina> (accessed 22.04.2023)
10. The Plutchik– Kellerman–Conte questionnaire "Lifestyle Index". – URL: <https://psycabi.net/testy/310-oprosnik-plutchika-kellermana-konte-metodika-indeks-zhiznennogo-stilya-life-style-index-lsi-test-dlya-dagnostiki-mekhanizmov-psikhologicheskoy-zashchity> (accessed 22.04.2023)
11. Zmanovskaya E. V. Deviantology: (Psychology of deviant behavior): Textbook for students. higher. studies. institutions. — M.: Publishing center "Academy", 2003. — 288 p.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ТРУДНОСТЕЙ МЕТОДАМИ ТРЕНИНГОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ У ПОДРОСТКОВ С ЛЁГКОЙ СТЕПЕНЬЮ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ

Захарова Е.С.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Курск, Россия

e-mail: z7958@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, д. психол. н., доцент Запесоцкая И.В.

Аннотация. В статье приведены классификации коммуникативных трудностей, раскрывается проблема трудностей общения у подростков с лёгкой степенью умственной отсталости. Представлены тренинговые взаимодействия с определенной группой обучающихся, сделаны выводы о возможности коррекции коммуникативных трудностей у подростков с лёгкой умственной отсталостью.

Ключевые слова: коммуникативные трудности, затрудненное общение, подростковый возраст, особенности коммуникативных трудностей у подростков с легкой степенью умственной отсталости.

ANTICIPATION AND PROGNOSTIC MECHANISMS OF SOCIAL INTELLIGENCE IN ADOLESCENTS WITH MILD MENTAL RETARDATION

Zakharova E.S.

Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation

e-mail: z7958@mail.ru

Scientific advisor: professor of the department of health psychology and neuropsychology, doctor of psychology, associate professor Zapesotskaya I.V.

Abstract. The article presents classifications of communicative difficulties, reveals the problem of communication difficulties in adolescents with a mild degree of mental retardation. Training interactions with a certain group of students are

presented, conclusions are drawn about the possibility of correcting communicative difficulties in adolescents with mild mental retardation.

Keywords: communication difficulties, difficult communication, adolescence, features of communication difficulties in adolescents with a mild degree of mental retardation.

Введение

В повседневной жизни коммуникативное взаимодействие, которое является важным условием социализации школьника, выступает нередко повреждающим аспектом, провоцирующим у них стрессовые ситуации, снижение самоуверенности, разрушающе-предохранительные типы общения[2].

В современном обществе существует достаточное количество материала по социальной психологии, включающего проблемы коммуникативных трудностей взрослого индивида. Но, поверхностно изучены феномены этих трудностей у детей школьного возраста, которые возникают еще на ранних этапах развития[2].

В психологии личности достаточно обширно обсуждалась проблематика становления детской коммуникации, однако проблема аномалии развития общения почти не рассматривалась.

Нарушение коммуникативного общения – это этап искаженных межличностных связей между индивидуумами, мешающий оптимальному преодолению проблемных ситуаций общения, сочетанным с появлением личностных переживаний участников взаимодействия; отсутствием взаимопонимания; отрицательными сдвигами во взаимоотношениях между партнерами[2].

В случаях нарушенного взаимоотношения между участниками общения, трудности могут возникать, как и у одного партнера, так и у всех.

Так, А.Г. Самохвалова выделила следующие пространства затрудненного общения:

1. «Трудно мне» - разноплановые отрицательные внутренние состояния индивида, возникающие в течение или в результате общения.

2. «Трудно другим» - заметная по внешнему виду, неудачность процесса общения индивида, проявляющаяся в «ненормальном» случае референтивном поведении; в разрушительных средствах влияния на собеседника.

3. «Трудно всем» - ненормальное поведение общения, «разрушительная» модель взаимовлияния, отсутствие возможности самореализации и выражения себя в деятельности общения беспокоят индивида

и способствуют возникновению отрицательным переживаниям, интрапсихические разногласия, состояния разочарования, понимание себя как «сложного собеседника». Или, наоборот, негативные переживания обновляют дестабилизированный защитный склад поведения общения, тем самым, приводящие к трудностям для собеседника[2].

В отечественной психологии не единожды совершались попытки классифицировать трудности общения.

Например, Б.Д. Парыгин, классифицировал психосоциальные барьеры: объективные – зависимые от определенных ситуаций и субъективные – зависимые от особенностей личности[4].

А, В.Н. Куницына классифицировала коммуникативные трудности, беря различные основы: по содержанию и функциям – субъективно-переживаемые и объективные; по обусловленным причинам – первичные и вторичные[4].

Также, в исследованиях ряда ученых (В.А. Лабунская, Е.Д. Бреус и др.) встречаются классификации коммуникативных трудностей более подробные: помимо вышеперечисленных, определяют ситуативные и устойчивые, общевозрастные и половые; словесные и несловесные и многие другие[2]. Таким образом, во-первых, классификация трудностей общения по различным основам представляет возможным четко описать характеристики и детали таких трудностей непосредственно при коммуникации, а, во-вторых, создает сложности в изучении коммуникативных трудностей, постольку-поскольку предполагает наиболее тщательно исследовать все стороны личности и процесс общения индивида.

Разнообразные случаи общения, способствующие возникновению при этом коммуникативным трудностям, «собирают» в подростковом отрицательный опыт взаимодействия. А, имея при этом поставленный диагноз, они накладываются друг на друга и, тем самым, усугубляют процесс общения с окружающими, уменьшая шансы успешной социализации таких подростков. Следовательно, дети с ментальными нарушениями самостоятельно преодолеть коммуникативные трудности не в силах, им необходима помощь со стороны специалистов и окружающих их людей[3].

На основании ранее проведенных исследований в ОКОУ «Школа-интернат №3» г. Курска для детей с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), с использованием методики экспертной оценки коммуникативных трудностей ребенка А.Г. Самохваловой, нами были выделены 10 подростков, имеющих наиболее «ярко выраженные» коммуникативные трудности. И, соответственно, целью исследования стала подборка тренинговых взаимодействий по созданию условий преодоления данных трудностей у подростков с легкой степенью умственной отсталости.

Объектом исследования – особенности коммуникативных трудностей у подростков с ментальными нарушениями.

Предмет – механизмы преодоления коммуникативных трудностей у подростков с ментальными нарушениями.

Методы:

Основным методом исследования выступил клинико-психологический метод: беседа, наблюдение.

Характеристика выборки.

В исследуемую выборку вошли обучающиеся ОКОУ «Школа-интернат №3» г. Курска с умственной отсталостью легкой степени в возрасте 12-16 лет (10 человек: 5 мальчиков, 5 девочек).

Тренинги были рассчитаны на 1,5 месяца, занятия проходили 2 раза в неделю. При этом продолжительность занятий варьировалась от 30 до 40 минут (таблица 1).

Таблица 1. План тренинговых занятий

№ п/п	Тренинг общения	Количество занятий
1.	Обоснование целей и задач	1
2.	Командный дух	1
3.	Сходства/различия	1
4.	Сплочение/доверие	1
5.	Слушание	1
6.	Взаимопонимание	1
7.	Общение	1
8.	Эмоции/чувства	2
9.	Конфликты/причины/решения	2
10.	Итоги	1

1. Обоснование целей и задач – вводное занятие.

На данном этапе стадия «Знакомство» в нашем случае была опущена, так как все обучающиеся находятся в данном образовательном учреждении с 1 класса, психологические занятия тоже проводит один и тот же человек на протяжении всего периода их обучения. Но, о чем мы будем заниматься на этих тренингах, и какую «выгоду» мы извлечем из них, детям было рассказано в монологической форме.

Далее, психолог проводит небольшое анкетирование. Она раздает бланки для ответов, с целью определения интересов участников (таблица 2).

Таблица 2. Бланки ответов

Совсем не хочу	Скорее не хочу	Не возражаю	Скорее хочу, чем нет	Очень хочу
1	...			

Перечень вопросов:

Хочу ли я:

1. Лучше узнать самого себя?
2. Научиться общаться с людьми легко и свободно?
3. Понять свои эмоции и чувства?
4. Понять, почему ругаемся?
5. Научиться «мириться»?

И в конце остается «Взаимное представление», где ребята рассказывают о своих увлечениях и мечтах[1].

2. Командный дух – на данном занятии могут использоваться любые упражнения, способствующие сплоченности групп и повышению интереса к занятию.

В нашем случае мы использовали упражнения: «Перетягивание каната», «Циферблат», «Паучки»[1].

Заканчивается занятие тем, что все садятся в круг и играют в игру «Встреча взглядов»[1].

3. Сходства/различия – на этом этапе продолжается работа по сплоченности участников тренинга и повышению интереса к занятиям.

На данном занятии использовались следующие упражнения: «Построение круга», «Поиск сходства», «На льдине», «Запоминание позы»[1].

Все вышеизложенные упражнения были адаптированы для обучающихся с умственной отсталостью – пояснения к выполнению того или иного задания максимально упрощены и понятны.

4. Сплочение/доверие – формирование атмосферы доверия на тренинге, продолжение работы по сплоченности участников.

В начале занятия проводилось упражнение «Скалолаз», затем «Передача движений», «Маятник» и «Круг доверия»[1].

5. Слушание – формирование умения слушать собеседника, установление взаимосвязей.

Для данного этапа использовались следующие упражнения:

- «Рисование по инструкции»,
- «Слушание в разных позах»[1].

6. Взаимопонимание – развитие навыков общения при непосредственном взаимодействии.

Для этого этапа использовались упражнения:

- «Копирование движений»,
- «Чужие коленки»,
- «Снежки»[1].

7. Общение – продолжение формирования эффективных коммуникативных навыков.

В этом занятии использовались упражнения: «Пишущая машинка», «Мячик», «Дистанция общения», «Поиск предметов», «Построимся»[1].

В середине занятия на данном этапе психологом проводился небольшой опрос с целью получения обратной связи и возможностью корректировки последующих тренингов (таблица 3).

Таблица 3. Бланк опроса

№ п/п	Закончи предложения:
1.	Среди группы я _____
2.	Я научилась/ся на занятиях _____
3.	Чтобы ты изменил/а в занятиях _____
4.	Чтобы ты хотел/а, чтобы было на занятиях _____

8. Эмоции/чувства – формирование умения выражать собственные эмоции и чувства в процессе общения.

Данный этап рассчитан на 2 занятия. На первом занятии использовались следующие упражнения:

- «Путаница»,
- «Угадай эмоцию»,
- «Польза и вред эмоций»[1].

На втором занятии использовались такие упражнения, как:

- «Хлопки по коленям»,
- «Внешние проявления эмоций»,
- «Домашнее задание»[1].

9. Конфликты/причины/решения – помочь участникам разобраться причины возникновения споров, конфликтов во время коммуникации и возможностями их преодоления.

Этот этап предполагает так же 2 занятия.

Упражнения на данном этапе 1 занятия:

- «Встреча на узком мостике»,
- «Финансовые авантюристы»,
- «Конфликты»[1].

Упражнения на данном этапе 1 занятия:

- «Толкачи»,
- «Живое препятствие»,
- «Бункер»[1].

10. Итоги – цель данного этапа: закрепить достигнутые результаты в ходе проведенных тренингов, подвести итоги о проделанной «работе».

Итоговые упражнения:

- «Протяни навстречу руку»,
- «Ладонка»[1].

В конце был проведен круглый стол, на котором выяснялись моменты:

- Что «получил» каждый от проведенных тренингов?,
- Кто и чему научился?,
- Кому и что больше всего запомнилось?,
- Что больше всего запомнилось и понравилось на наших занятиях?.

Выводы:

1. У подростков с ментальными нарушениями были явные сложности во взаимопонимании при общении с собеседниками, полностью отсутствовала готовность принятия помощи от другого.

2. В процессе тренинговых занятий проявлялись трудности в самоконтроле своего поведения, отсутствие умения анализировать его, не видят и не исправляют собственные ошибки при коммуникации.

3. Очень любят проявлять фантазию, выдают её как действительность.

4. По истечению занятий, методами беседы и наблюдений со стороны психолога, классного руководителя, воспитателя были отмечены значительные сдвиги в плане коммуникативного взаимодействия данной группы обучающихся: подростки стали чаще идти на контакт, начали проявлять больший интерес к процессу «общения», появилось умения дослушивать собеседника до конца. Все специалист отметили большой положительный скачок в процессе коммуникации участников группы тренингов.

Литература

1. Грецов А.Г. Тренинги развития с подростками: Творчество, общение, самопознание. – Санкт-Петербург: «Питер», 2011. – 298 с.
2. Самохвалова А. Г. Преодоление коммуникативных трудностей младших школьников средствами сказкотерапии / А. Г. Самохвалова // Перспективы Науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 200-213.
3. Самохвалова А. Г. Переживание подростками коммуникативных трудностей в межкультурном общении / А. Г. Самохвалова, Л. В. Куликов, О. Н. Вишневская // Вопросы психологии. – 2019. – № 4. – С. 100-114.
4. Сорокина Д. Б. Основные подходы к пониманию феномена «барьеры общения» в психологической науке / Д. Б. Сорокина // Мир Науки. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 1-7.

References

1. Gretsov A.G. Development trainings with teenagers: Creativity, communication, self-knowledge. – St. Petersburg: "Peter", 2011. – 298 p.
2. Samokhvalova A. G. Overcoming the communicative difficulties of younger schoolchildren by means of fairy-tale therapy / A. G. Samokhvalova // Prospects of Science and education. - 2013. – No. 4. – pp. 200-213.
3. Samokhvalova A. G. Teenagers' experience of communicative difficulties in intercultural communication / A. G. Samokhvalova, L. V. Kulikov, O. N. Vishnevskaya // Questions of psychology. – 2019. – No. 4. – pp. 100-114.
4. Sorokina D. B. Basic approaches to understanding the phenomenon of "communication barriers" in psychological science / D. B. Sorokina // The World of Science. – 2017. – Vol. 5. – No. 3. – pp. 1-7.

УДК: 616.899.3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КВЕСТ-ИГРЫ С ЭЛЕМЕНТАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТИВОПРАВНОГО И АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Калмыкова Е.А., Апалькова Д.А., Федюшина Т.Р., Ковалева А.А.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

e-mail: obor46@mail.ru

Аннотация: в статье представлены результаты работы по профилактике противоправного и агрессивного поведения у подростков с умственной отсталостью посредством квест-игры с элементами психологического тренинга, проанализированы различные психолого-педагогические подходы, дано методическое обоснование форм и методов психокоррекционной работы.

Ключевые слова: квест-игра, психологический тренинг, противоправное и агрессивное поведение, умственная отсталость.

THE USE OF A QUEST GAME WITH ELEMENTS OF PSYCHOLOGICAL TRAINING FOR THE PREVENTION OF ILLEGAL AND AGGRESSIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENTS WITH MENTAL RETARDATION

Kalmykova E.A., Apalkova D.A., Fedyushina T.R., Kovaleva A.A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kursk State University", Kursk, Russia

e-mail: obor46@mail.ru

Abstract. the article presents the results of work on the prevention of illegal and aggressive behavior in adolescents with mental retardation through a quest game with elements of psychological training, analyzes various psychological and pedagogical approaches, and gives a methodological justification of the forms and methods of psychocorrective work.

Keywords: quest game, psychological training, illegal and aggressive behavior, mental retardation.

На современном этапе развития общества особое внимания заслуживает проблема профилактики противоправного поведения лиц с ограниченными возможностями здоровья. Особую актуальность этой проблемы приобретает в отношении лиц с умственной отсталостью. Стоит отметить, что нарушение поведения часто сопровождается агрессией, что может привести к нанесению морального и физического вреда. Данный факт обуславливает необходимость профилактики противоправного и агрессивного поведения подростков с интеллектуальными нарушениями.

Анализ работ таких ученых как: Н.А. Рождественская, С.В. Соловьева, Я.Н. Николаенко, Н.К. Ржевская, Л.В. Токарская, Н.В. Карпушкина, И.А. Конева, Л.А. Самойлюк, К.Г. Логунова, А.Э. Юшкова, показал, что данный вопрос требует глубокой проработки психолого-педагогических подходов, методического обоснования, форм и методов психокоррекционной работы.

В своем исследовании Л.А.Самойлюк, К.Г. Логунова, А. Э. Юшкова пришли к выводу, что у подростков с умственной отсталостью, агрессивное поведение проявляется через нарушения эмоциональной саморегуляции. Также оно характеризуется неадекватными реакциями на раздражители, ригидностью аффекта и длительным восстановлением после негативного состояния [5].

Н.К. Ржевская отмечает, что среди противоправных действий подростков с умственной отсталостью достаточно часто встречаются правонарушения, которые предусматривают уголовную ответственность, при этом автор отмечает тот факт, что алкогольное опьянение присутствует более чем в половине изученных случаев [3].

Как указывает Сазонова Н.И., сочетание интеллектуального недоразвития, эмоционально-волевых расстройств и повышенной восприимчивости к внешне средовым влияниям у подростков с интеллектуальными нарушениями приводит к их дезадаптации, что может реализовываться в агрессивных действиях с их стороны [4].

Исследования Н.В. Карпушкиной и И.А. Коневой показали, что профилактика вышеуказанного поведения будет наиболее результативной при целенаправленной работе психолога в этом направлении. Также авторами была указана необходимость раннего выявления подростков с отклоняющимся поведением и своевременное проведение профилактических мероприятий [1].

В соответствии с заявленной темой нашего исследования, а также исходя из анализа психолого-педагогического опыта, мы пришли к выводу, что наилучшие результаты могут быть достигнуты при помощи разнообразных игровых технологий. Работа по формированию правовых компетенций, профилактики противоправного поведения должны строиться с учетом возрастных и психофизических особенностей обучающихся. Подростковый

возраст предъявляет особые требования к методам и формам коррекционной работы. Психология подростка требует новых ярких впечатлений. Квест-игры с элементами психологического тренинга позволяют не только заинтересовать и увлечь подростков, но и успешно применить все полученные знания на практике.

К.В. Чистякова определяет квесты (от английского слова «quest» - «поиск») как разновидность игр, требующих от игрока решения умственных задач для продвижения по сюжету [6]. Здесь стоит отметить, что все сюжетные повороты могут иметь не только один вариант решения, но и развиваться в соответствии с действиями участников, что приводит к нескольким возможным исходам. Такая игра обычно содержит в своей структуре элементы приключений, головоломки, увлекательные исследования и многое другое.

Использование квест-игры помогает не только в профилактике противоправного и агрессивного поведения подростков с умственной отсталостью, но и дает возможность развивать навыки командной работы, творческий потенциал и логическое мышление.

Такая игра способствует укреплению эмоциональной стабильности и учит самоконтролю, развивает умение взаимодействовать со своими сверстниками и решать конфликты в позитивном ключе. Квест затрагивает многие важные сферы жизнедеятельности, тем самым способствуя духовному и личностному развитию подростков. При проведении квест-игры участники, используя свои знания и навыки, проходят различные препятствия и решают задачи, что в конечном итоге укрепляет их самооценку и убеждение в своих силах.

Наиболее полное определение термина «психологический тренинг» дает В.В. Никандров. Под ним автор понимает метод игрового моделирования психогенных ситуаций в целях развития психологической компетентности и совершенствования различных психологических качеств, умений и навыков у людей, включенных в эти ситуации в роли участников или зрителей [2]. Психологический тренинг дает возможность подросткам с умственной отсталостью научиться конструктивным способам борьбы с гневом, агрессией, позволяет противостоять социальному давлению и многое другое.

Организация квест-игры с элементами психологического тренинга по профилактике противоправного и агрессивного поведения подростков с интеллектуальными нарушениями предполагает наличие четкой структуры.

Нами были выделены три основных блока, которые отражены в Рис.1.

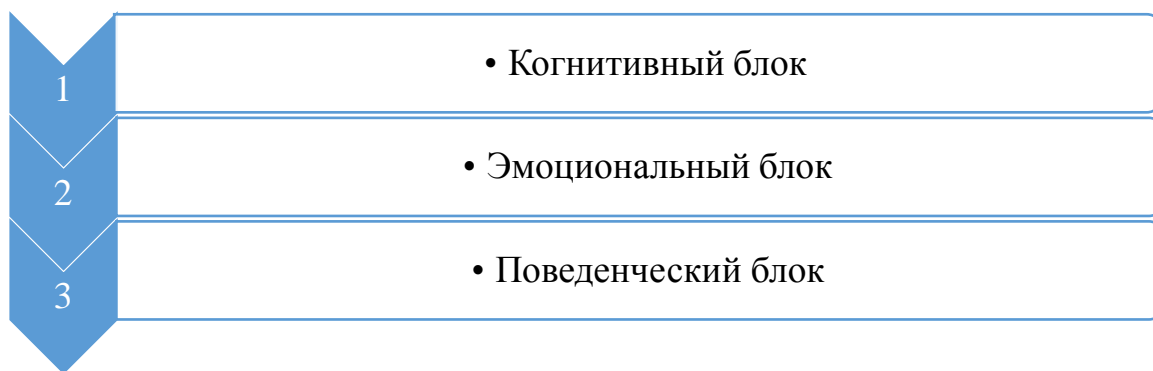

Рисунок 1. Блоки квест-игры с элементами психологического тренинга по профилактике противоправного и агрессивного поведения подростков с интеллектуальными нарушениями

Каждый блок состоит из упражнений с элементами тренинга, которые направлены на профилактику противоправного и агрессивного поведения у подростков с умственной отсталостью. Для достижения наилучшего результата рекомендуется использование наглядной и интерактивной демонстрации с музыкальным сопровождением.

Когнитивный блок представлен упражнениями, которые направлены на формирование знаний о законе, нормах, ответственности, устойчивости к негативному социальному давлению, способности выразить отказ приемлемым способом, умению отстаивать свое мнение.

Работа с обучающимся проводится в разной форме: беседа, рассказ, обсуждение, практическая деятельность. Так, например, в рамках когнитивного блока ведется беседа о видах юридической ответственности.

Эмоциональный блок предполагает формирование положительного отношения подростков с умственной отсталостью к законопослушному поведению. Например, для этого может быть использован рассказ, который вызывает эмоциональный отклик, что способствует развитию социальной восприимчивости.

Поведенческий блок представлен уже конкретными действиями, которые соответствуют общепринятым нормам и правилам. Как пример, в данном случае предполагается активная поисковая деятельность участников.

Среди основных результатов проведения квест-игры с элементами психологического тренинга можно выделить следующие:

1. Сформированность у подростков знаний в области права.
2. Сокращение случаев противоправного поведения подростков с умственной отсталостью.
3. Успешная социализация и адаптация подростков с интеллектуальными нарушениями.

4. Сформированность положительного отношения к правовому поведению.

5. Обучение подростков с умственной отсталостью психологическим техникам снятия негативных эмоциональных проявлений (гнев, злость, агрессия).

Таким образом, использование квест-игры с элементами психологического тренинга для профилактики противоправного и агрессивного поведения у подростков с умственной отсталостью является эффективным и инновационным подходом в работе с данной категорией детей. Этот метод может помочь укрепить личностные качества детей, развить навыки самоконтроля, уменьшить риск агрессивного и противоправного поведения, а также улучшить их возможности для успешной социализации в обществе.

Перспективным направлением нашей психокоррекционной работы мы считаем разработку программы профилактики противоправного поведения в условиях интегрированного (инклюзивного) образования.

На наш взгляд, совместная деятельность подростков с ограниченными возможностями здоровья, которые обучаются со сверстниками с нормотипичным развитием, будет способствовать не только формированию правовых компетенций, но и позволит решать важные вопросы лиц с ОВЗ.

Литература

1. Карпушкина, Н. В. Профилактика девиантного поведения у подростков с интеллектуальной недостаточностью / Н. В. Карпушкина, И. А. Конева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1539.

2. Никандров В.В. Психологическая сущность тренингов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2003. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-suschnost-treningov> (дата обращения: 29.05.2023).

3. Ржевская, Наталья Константиновна. Криминальная агрессия лиц с умственной отсталостью: структура, факторы риска, первичная психопрофилактика: автореферат дис.кандидата медицинских наук: 14.00.18 / Ржевская Наталья Константиновна; [Место защиты: Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского МЗ РФ]. – Москва, 2007. – 16 с.

4. Сазонова Н. И. Криминальная агрессия лиц с умственной отсталостью: некоторые причины и условия // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-agressiya-lits-s-umstvennoy-otstalostyu-nekotorye-prichiny-i-usloviya> (дата обращения: 29.05.2023).

5. Самойлюк Людмила Александровна, Логунова Кристина Геннадьевна, Юшкова Анна Эдуардовна Особенности проявлений агрессии у подростков с легкой степенью умственной отсталостью // Педагогический ИМИДЖ. 2021. №2 (51).

6. Чистякова К. В. Причины популярности квестов как формы досуга современных россиян // Человек в мире культуры. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-populyarnosti-kvestov-kak-formy-dosuga-sovremennyh-rossiyan> (дата обращения: 29.05.2023).

References

1. Karpushkina, N. V. Prevention of deviant behavior in adolescents with intellectual disability / N. V. Karpushkina, I. A. Koneva // Modern problems of science and education. – 2014. – No. 6. – p. 1539.

2. Nikandrov V.V. Psychological essence of trainings // Bulletin of St. Petersburg University. International relations. 2003. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-suschnost-treningov> (accessed: 05/29/2023).

3. Rzhetskaya, Natalia Konstantinovna. Criminal aggression of persons with mental retardation: structure, risk factors, primary psychoprophylaxis: abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences: 14.00.18 / Rzhetskaya Natalia Konstantinovna; [Place of protection: State Scientific Center of Social Sciences. and fate. psychiatry named after V.P. Serbsky of the Ministry of Health of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 16 p.

4. Sazonova N. I. Criminal aggression of persons with mental retardation: some causes and conditions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-agressiya-lits-s-umstvennoy-otstalostyu-nekotorye-prichiny-i-usloviya> (accessed: 29.05.2023).

5. Samoylyuk Lyudmila Aleksandrovna, Logunova Kristina Gennadievna, Yushkova Anna Eduardovna Features of aggression in adolescents with mild mental retardation // Pedagogical IMAGE. 2021. №2 (51).

6. Chistyakova K. V. Reasons for the popularity of quests as a form of leisure for modern Russians // Man in the world of culture. 2013. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-populyarnosti-kvestov-kak-formy-dosuga-sovremennyh-rossiyan> (accessed: 05/29/2023).

УДК: 159.9.072

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Карунин И.В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

e-mail: lucis.exquesitor@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития ИКПСР Захарова И.А

Аннотация. В наши дни мировая психология переживает глубокий методологический кризис. Одним из следствий данного кризиса выступает крайне низкая разработанность исследовательского инструментария в экзистенциальной психологии. Данная работа посвящена рассмотрению причин, приведших к подобной ситуации, обоснованию важности и эвристической ценности техник и методик, основанных на постулатах экзистенциальной неоклассической парадигмы. Автором постулируется необходимость разработки высоковалидной стандартизированной многофакторной методики, в основании которой располагались бы критерии, открытые и изученные в обозначенном психологическом направлении.

Ключевые слова: экзистенциальная психология, научные парадигмы, постнеклассическая парадигма, психодиагностика, психологический инструментарий, методологический кризис психологии.

RESEARCH TOOLS IN EXISTENTIAL PSYCHOLOGY

Karunin I.V.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

e-mail: lucis.exquesitor@mail.ru

Scientific advisor: senior lecturer department of general psychology and developmental psychology ICPSW Zakharova I.A.

Abstract. Nowadays, world psychology is going through a deep methodological crisis. One of the consequences of this crisis is the extremely low development of research tools in existential psychology. This work is devoted to the consideration of the reasons that led to such a situation, the justification of the importance and heuristic value of techniques and techniques based on the postulates of the existential neoclassical paradigm. The author postulates the need to develop a high-voltage standardized multifactorial methodology, which would be based on criteria that are open and studied in the designated psychological direction.

Keywords: existential psychology, scientific paradigms, post-non-classical paradigm, psychodiagnostics, psychological tools, methodological crisis of psychology.

Проблема кризиса в психологии, впервые озвученная Карлом Бюлером («Die Krise der Psychologie», 1927), а затем переосмысленная отечественными и зарубежными психологами в кризис методологии, не теряет своей актуальности до настоящего момента. Современная психология представляет собой не единую дисциплину, но несколько конфронтирующих направлений, подразделяющихся на множество школ. В связи со значительным развитием общества и науки методологический кризис XXI века проявился в более масштабной, многоуровневой и глубокой форме чем когда-либо. Современная психология остро нуждается в формулировании единой общепсихологической парадигмы, признаками которой станут универсальность объяснительного принципа для всех форм психики, а также появление эффективного инструментария, который обеспечит наиболее полное и фундаментальное понимание психики. Таким образом, наравне с разработкой теоретического основания новой парадигмы, важно создание соответствующей ей практической исследовательской методологии.

В.А. Мазиллов, анализируя современный методологический кризис, пришёл к выводу, что к наиболее существенным его проявлениями являются: противостояние естественно-научного и герменевтического (гуманистического, экзистенциального и др.) направлений, а также глубокая пропасть между академической психологией, примыкающей к естественно-научной парадигме, и практической психологией, активно развивающейся в рамках противостоящей парадигмы [5]. Дополнительно ситуацию усугубляют парапсихологические направления, ориентированные на эзотерические и мистические учения [5].

Со времён Декарта ведущую позицию в познании действительности продолжает удерживать классическая научная парадигма, среди психологии наиболее соответствующая академической, к которой относится обширная

семья когнитивно-поведенческих подходов [1, 8]. Классическая парадигма в психологии проявляется четким определением границ науки и претензиями психологии на самостоятельность, стремлением к точности и строгости естественных наук. Вследствие этого психодинамические направления, а в ещё большей мере экзистенциально-гуманистические, так называемая «третья сила психологии», активно подавляются и обесцениваются как на уровне теоретико-методологического пространства, так и в сфере психологического исследовательского инструментария. Для неклассической парадигмы, по мнению Т.В. Корниловой, ведущими основаниями стали: учёт субъективности перспективы первого лица и невозможность изучения свойств объекта вне взаимодействия свойств субъекта и объекта, а также принципы неопределенности и дополненности, сформулированные в квантовой физике [1, 3]. Одной из основных причин подавления направлений, принадлежащих к неоклассической парадигме, может выступать само основание академической психологии, базирующейся на картезианской (классической) научной парадигме, базовым принципом которой является догма о существовании объекта с конечным набором постигаемых объективно свойств. Экзистенциальная психология, в свою очередь, смотрит глубже субъект-объектного раскола, предполагая субъект не только воспринимающим, но и конституирующим объективную реальность [8]. Целью данной работы является обоснование важности переоценки постулатов экзистенциального направления и демонстрация эвристической ценности исследовательского инструментария, базирующегося на его постулатах. Так как философский, общенаучный и конкретно-научный уровни экзистенциальной психологии были более чем фундаментально обоснованы в трудах таких гениев как С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Р. Мэй, В. Франкл, К. Роджерс, А. Маслоу и других, позволю себе обоснование последнего – технического уровня.

Ещё в середине XX века В. Франкл отмечает, что всё более частые случаи самоубийства, наркомании, алкоголизма, растущая преступность и гиперинфляция сексуальности могут рассматриваться как маскированные формы течения экзистенциального невроза [7]. В настоящее время перечисленные проблемы имеют более серьёзные масштабы, однако их детерминанты, описанные и изученные в экзистенциальной психологической парадигме, практически не принимаются в подобной интерпретации [8]. В этой же парадигме формулируется понятие экзистенциального статуса личности, по большей части включающего все эти детерминанты. Рассмотрим подробнее само понятие.

Под экзистенциальным статусом следует понимать глубинные реакции личности на собственное существование в различных точках пространственно-

временного континуума. Выраженный индивидуализм современной культуры приводит к эгоистической озабоченности самоактуализацией, самооценкой и социальной значимостью, жизнь становится вопросом патологического поиска ценностей и смыслов, что приводит к деструктивным изменениям экзистенциального статуса [10]. Расширяя концепцию экзистенциального (ноогенного) невроза В. Франкла, Ф. Торн описывает двенадцать экзистенциальных состояний: актуализацию, вакуум, пресыщение, усталость, фрустрацию, деморализацию, инверсию, дезинтеграцию, отчуждение, кризис, конфликт двойной связи и состояние трансценденции себя [10]. Каждое из перечисленных состояний может переходить в экзистенциальный невроз, который, в свою очередь, способен принять любую клиническую невротическую форму. Кроме того, нарушения экзистенциального статуса могут проявляться в виде психических и соматических нарушений, в основе которых лежит изменение экзистенции [5, 7, 10]. Таким образом, каждое из перечисленных состояний могло бы стать стимулом для разработки техник и методик их исследования в различных психологических направлениях, не исключая и академические. Именно интегративный постнеклассический подход представляется наиболее эффективным в решении настолько фундаментальных проблем, как проблемы, описанные выше. Но что может увидеть современный исследователь, обратившись к сфере исследовательского инструментария экзистенциального подхода?

Рассматривая методы исследования и диагностики экзистенциальных состояний, можно отметить их крайне низкую распространенность в мировой психологии. Особенно четко техническая нехватка ощущается в российском психологическом пространстве. Благодаря усилиям группы авторов, таких как Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова, С.В. Кривцова, В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осин, Я.Д. Лупандина, К.В. Карпинский и некоторых других, отечественная психология обладает качественными адаптированными и оригинальными русскоязычными инструментами исследования экзистенциальных состояний. Тем не менее количество подобных инструментов столь незначительно, а применение их столь редко, что говорить о создании высоковалидной стандартизированной многофакторной методики, в основании которой располагались бы критерии, открытые и изученные в экзистенциальной психологической парадигме, на данный момент нельзя. Однако говорить об этом необходимо и крайне важно. Всё более распространяющийся феномен смыслоутраты, в основе которого лежат изменения экзистенциального статуса личности, позволяет постулировать необходимость создания подобной методики [6]. Кроме негативной роли самого кризиса и тормозящего влияния психологического академизма,

существует проблема внутри экзистенциальной парадигмы. Она состоит в высокой сложности инструментального исследования экзистенциальной сферы личности, которая выходит за пределы психологической и биологической плоскостей изучения человека [7]. И снова здесь важно упомянуть об интегративном подходе, о переходе к постнеклассической парадигме, когда различные психологические направления образуют общую сеть, которая позволит решить задачи, превосходящие возможности каждого подхода в отдельности [1, 2].

Таким образом, обозначив значимость некоторых теоретических представлений и возможности их практического приложения, автор с необходимостью заключает, что постнеклассическая переоценка положений экзистенциальной психологии и разработка психодиагностических и психотерапевтических методик и техник, базирующихся на данных положениях, могут способствовать появлению эффективных способов совладания с негативными реакциями экзистенциального статуса личности. Можно предположить, что создание надёжного и высоковалидного диагностического инструментария и его интеграция в исследовательскую практику приведут к более глубокому пониманию, а, следовательно, и снижению невротических, психотических и соматических заболеваний, уменьшению числа самоубийств, снижению распространённости аддиктивного поведения, преступности и прочих негативных явлений, в основе которых лежат различные экзистенциальные состояния. Из этого следует, что необходимость реализации подобного инструментария выступает проблемой, решение которой может способствовать началу нового этапа развития психологии и медицины, а также всей науки в целом.

Литература

1. Асмолов А.Х. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. – М.: «Смысл», 2002
2. Гусельцева М.С. Методологические кризисы и типы рациональности в психологии // Вопросы психологии. – 2006. – № 1. – С. 3-15.
3. Корнилова, Т.В. Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2007.
4. Карунин И. В. Значение тревоги в манифестации шизофрении с позиций экзистенциально-аналитического направления / И. В. Карунин, Т. Р. Саноян // Глобальные проблемы современности. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 35-38.
5. Мазилев В.А. Проблема предмета и метода в психологии // Вопросы психологии. – 2007. – № 1. – С. 12-16.
6. Осин Е.Н. Смыслоутрата и отчуждение / Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев // Культурно-историческая психология. – 2007. – Том 3. – № 4. – С. 68-77.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. М.: Прогресс, 1990.

8. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М.: Класс, 1999.
9. Maddi S.R. The existential neurosis // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1967. – V. 72. – N 4. – P. 311-325.
10. Thorne F.C. Diagnostic classification and nomenclature for existential state reactions // *Journal of clinical psychology*. – 1970. – V. 26. – N 4. – P. 403-420.

References

1. Asmolov A.H. On the other side of consciousness. Methodological problems of non-classical psychology. - М.: "Sense", 2002
2. Guseltseva M.S. Methodological crises and types of rationality in psychology // *Questions of psychology*. - 2006. – No. 1. – pp. 3-15.
3. Kornilova, T.V. Methodological foundations of psychology. – St. Petersburg: Peter, 2007.
4. Karunin I. V. The meaning of anxiety in the manifestation of schizophrenia from the standpoint of existential-analytical direction / I. V. Karunin, T. R. Sanoyan // *Global problems of modernity*. – 2022. – Vol. 3, No. 2. – pp. 35-38.
5. Mazilov V.A. The problem of subject and method in psychology // *Questions of psychology*. - 2007. – No. 1. – pp. 12-16.
6. Osin E.N. Smysloutrata and alienation / E.N. Osin, D.A. Leontiev // *Cultural and historical psychology*. - 2007. – Volume 3. – No. 4. – pp. 68-77.
7. Frankl V. Man in search of meaning / Translated from English and German by D.A. Leontiev, M.P. Papusha, E.V. Eidman. М.: Progress, 1990.
8. Yalom I. Existential psychotherapy / Translated from engl. T.S. Drabkina. М.: Klass, 1999.
9. Maddy S.R. Existential neurosis // *Journal of Abnormal Psychology*. - 1967. – Vol. 72. – N 4. – pp. 311-325.
10. Thorn F.S. Diagnostic classification and nomenclature of reactions to existential states // *Journal of Clinical Psychology*. - 1970. – Vol. 26. – N 4. – With..sources.

УДК: 316.623

НОМОФОБИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ЗАВИСИМОСТИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Ковалева С. М.

*федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Курск, Россия
e-mail: faedx2344332@yandex.ru*

Научный руководитель: ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Хахутадзе Н.М.К.

Аннотация. В статье представлена информация о номофобии – фобии XXI века, которая характеризуется тотальной зависимостью от смартфонов. Помимо этого в статье указаны результаты исследования, направленного на выявление зависимости от электронных гаджетов среди студентов-медиков. Выборка составляет 20 человек от 17 до 25 лет, исследование проводилось с использованием теста В. Леуса «Склонность к девиантному поведению», а также анкета на определение зависимости от мобильного телефона.

Ключевые слова: номофобия, аддиктивное поведение, зависимость, мобильный телефон, тревожность, девиантное поведение.

NOMOPHOBIA AS A NEW FORM OF ADDICTION AMONG MEDICAL STUDENTS

Kovaleva S. M.

*Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation,
e-mail: faedx2344332@yandex.ru*

Scientific advisor: assistant of the department of health psychology and neuropsychology Khakhutadze N.M.K.

Referense. The article provides information on nomophobia, a phobia of the XXI century, which is characterized by total dependence on smartphones. In addition, the article indicates the results of a study aimed at identifying addiction to electronic gadgets among medical-students. The sample is 20 people from 17 to 25

years old, the study was conducted using the test B. Leus "Deviant Behavioral Disposition", as well as a questionnaire to determine cell phone addiction.

Keywords: nomophobia, addictive behavior, addiction, cell phone, anxiety, deviant behavior.

Введение

Человечество никогда не стоит на месте. Постоянное развитие приносит в жизнь людей множество новых идей и технологий. Двадцать первый век подарил нам смартфон — мобильное устройство, оснащенное функциями умного телефона. Этот электронный гаджет перевернул жизнь всего человечества, мы можем без проблем общаться с друзьями и близкими, с легкостью получать необходимую информацию, следить за ситуациями в мире с помощью социальных сетей, слушать музыку, смотреть фильмы, оплачивать счета онлайн, заказывать еду и многое другое. Но не все так просто, чрезмерное использование телефона может превратиться в проблему, а именно перерасти в зависимость.

Зависимость от телефона принято называть номофобией (аббревиатура от «no mobile phone phobia»), что с английского языка переводится как страх остаться без смартфона. Впервые о номофобии заговорили в 2010, когда по заказу Post Office Ltd (почтовая компания Великобритании) британской компанией YouGov было проведено исследование, определяющее причины тревоги у пользователей мобильных устройств. По результатам опроса 53% опрошенных жителей Великобритании испытывали беспокойство и даже панику при отсутствии возможности с помощью смартфона поддерживать контакт с людьми.

Номофобия — это навязчивый страх остаться без телефона, который зачастую сопровождается сильной тревожностью. Человек погружается в состояние, при котором мобильное устройство становится предметом культа, он бессознательно может совершить звонок только ради самого звонка, считает смартфон частью себя и без него ощущает чувство неполноценности [2]. Повышенное использование в повседневной жизни мобильных телефонов можно отнести к категории аддикции. Аддиктивное (зависимое) поведение является видом деструктивного поведения, при котором человек стремится избегать реальность путем изменения своего психического состояния посредством принятия некоторых веществ или фиксации внимания на определенном виде деятельности, что сопровождается развитием сильных эмоций [4]. Мобильная аддикция — относительно новая психологическая зависимость, о которой все чаще стали говорить в обществе. Ц. П. Короленко классифицировал зависимость на:

- Химическую (зависимость от психоактивных веществ).
- Нехимическая (зависимость от конкретных видов деятельности), к которой относится номофобия – зависимость от мобильных телефонов [4].

Зависимость от телефонов, неконтролируемое использование и злоупотребление ими негативно сказывается как на психическом, так и физическом здоровье человека, что может привести к сложностям в социальной сфере. Сегодня каждый второй житель планеты обладает и пользуется смартфоном независимо от пола, социального положения, финансового достатка и возраста. Из этого следует, что номофобия может быть свойственна человеку любого возраста, ошибочно думать, что мобильная зависимость появляется только у молодого процента населения. Люди, страдающие номофобией, становятся раздражительными, испытывают панические атаки, тошноту, стресс, боли в грудной клетке и голове, нехватку кислорода, чрезмерно потеют. Но стоит различать действительную зависимость и необходимость в мобильном устройстве. Если деятельность человека непосредственно связана с использованием электронного гаджета и он не испытывает панику, страх, тревогу от отсутствия или поломки телефона, то не стоит говорить о номофобии [3]. Чтобы более подробно разобраться в особенности мобильной аддикции, необходимо как можно лучше познакомиться с ее причинами и признаками.

К причинам появления мобильной зависимости можно отнести следующее:

Страх изоляции. Зачастую именно боязнь быть изолированным подталкивает человека постоянно проверять наличие телефона в своем кармане куртки или сумки. Чаще всего эта причина возникает у людей пожилого возраста, живущих в маленьких городах, сельской местности. Из-за отсутствия телефона она боятся оказаться беспомощными.

Страх одиночества. Обычно данная причина относится к людям с низкой самооценкой, слишком застенчивым, не умеющих выстраивать контакты с окружающими, они боятся быть непонятыми, незаметными, отверженными. Социальные сети позволяют таким людям без труда общаться с другими, создавая необходимый образ [3].

Дефицит внимания. В наше время именно социальные сети позволяют привлечь как можно больше внимания. Популярность, возможность быть услышанным и стать примером для других помогают человеку повысить свою значимость, что сказывается на самооценке.

Семейное неблагополучие. Эта причина актуальна среди подростков. Плохие отношения с родителями, недопонимание с их стороны, отсутствие

интереса к жизни своего ребенка, шейминг в школе может привести к тому, что подросток будет больше погружаться в мир компьютерных игр.

Бегство от реальности. Аддиктивное поведение нередко связано со стремлением человека уйти от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством принятия некоторых веществ или фиксации внимания на определенных видах деятельности. Этому способствует зависимость от компьютерных игр, социальных сетей, Интернета, что невозможно без современных технологий. Отсюда появляется номофобия [4].

Окружение. Номофобия может развиваться у тех, чьи близкие страдают фобией или другим видом беспокойства.

Немаловажную роль в появлении мобильной зависимости играет Интернет-зависимость. На сегодняшний день на планете проживает около 8 миллиардов человек, согласно ежегодному отчету Global Digital на 2022 год больше две трети (67,1%) людей в мире пользуются мобильными телефонами, к началу 2022 года число пользователей смартфонами достигло 5,31 миллиарда. Статистика показывает, что за последние 10 лет число интернет-пользователей увеличилось более чем вдвое — с 2,18 миллиардов на начало 2012 года до 4,95 миллиардов в начале 2022 года. С приходом Интернета в жизни людей появились социальные сети, за последнее десятилетие количество пользователейросло в среднем на 12% в год, на сегодняшний день аудитория социальных сетей составляет около 4,62 миллиарда человек [5]. Если говорить о России, то на 2022 год 89% страны пользуется Интернетом, это около 129,8 миллионов человек, среди них 102 миллиона являются пользователями социальных сетей. С каждым годом все больше людей погружается в виртуальный мир социальных сетей, игр, чему способствуют компьютеры, ноутбуки и конечно же мобильные телефоны.

К проявлению мобильной зависимости можно отнести следующие явления:

- человек никогда не выходит из дома без смартфона;
- постоянно проверяет работоспособность электронного гаджета;
- испытывает паник и страх, головокружение и учащенное сердцебиение при потере смартфона;
- отказывается от пребывания в местах, где отсутствует сеть;
- постоянно следит о новостях в мире технологий и регулярно меняет свой телефон на более новую модель;
- оставляет смартфон включенным даже во время сна;
- внимательно следит за уровнем заряда батареи и наперед оплачивает услуги сотовой связи;
- утрачивает интерес к иным сферам жизни;

- отказывается от реального «живого» общения;
- человек постоянно держит телефон в руках, проверяет социальные сети, электронную почту, пропущенные звонки;

Одним словом человек проводит с телефоном 24 часа в сутки, ни на минуту не выпуская его из рук. Частое злоупотребление мобильным устройством может плохо отразиться на здоровье человека и вызвать такие симптомы как:

- проблемы с концентрацией и вниманием;
- нарушения когнитивных функций;
- сложности в принятиях решений;
- частые головные боли;
- боли в спине и шеи;
- тревожность;
- снижение социальной активности;
- нарушения сна;
- проблемы с социализацией.

Если во время не заняться лечением мобильной зависимости, то может наступить цифровая деменция, официально не признанная, но очень серьезная болезнь. Данный термин был введен немецкий нейробиологом М. Шпитцером в 2012 году. Развивается благодаря чрезмерному использованию гаджетов и может распространяться у людей в возрасте от 10 до 30 лет [6]. Основными признаками цифровой деменции являются проблемы с осанкой, кратковременная потеря памяти, отсутствие социальной активности и малоподвижность, депрессивные расстройства и постоянная усталость, нелогичность действий. К симптомам, которые могут встречаться среди детей с цифровой деменцией, обычно относят задержки в развитии и проблемы с памятью, беспричинные вспышки гнева и проблемы с обучением [7].

В данной статье представлены результаты исследования, направленного на изучение феномена мобильной зависимости среди студентов-медиков.

Цель исследования – выявление наличия или отсутствия мобильной зависимости среди студентов-медиков.

Объект исследования – зависимость от смартфона.

Предмет исследования – номофобия как новая зависимость среди студентов-медиков.

Методы. Выборку составили студенты-медики от 17 до 25 лет, обучающиеся на первом курсе факультета клинической психологии. Выявление склонности к отклоняющемуся поведению проводилось с помощью теста В. Леуса «Склонность к девиантному поведению» [1]. Методы количественной и

качественной обработки информации проводились с помощью программы «Statistica 6.0» (критерий Спирмена).

Результаты. Диагностика номофобии у студентов-медиков проводилась с помощью анкеты на определение зависимости от мобильного телефона. Полученные результаты исследования по всем шкалам представлены в (Таблица 1).

Таблица 1. Корреляционная связь между шкалами, обозначающими склонность к девиантному поведению, и зависимостью от смартфона

Шкалы	Правиль	Spearman	t(N-2)	p-level
Номофобия & Социально обусловленное поведение	20	0,230036	1,002856	0,329222
Номофобия & Делинквентное поведение	20	0,167176	0,719393	0,481135
Номофобия & Аддиктивное поведение	20	0,122661	0,524365	0,606423
Номофобия & Агрессивное поведение	20	0,206700	0,896309	0,081919
Номофобия & Самоповреждающее поведение	20	0,328623	1,476219	0,057166

Выявлена положительная корреляционная связь на уровне тенденций слабой силы в показателе «Номофобия и агрессивное поведение» ($r=0,21$; $p\text{-level}=0,08$). Здесь видна прямая связь данных показателей. Чем больше выражена номофобия, тем выше уровень агрессивного поведения.

Так же выявлена положительная корреляционная связь на уровне тенденций слабой силы в показателе «Номофобия и самоповреждающее поведение» ($r=0,32$; $p\text{-level}=0,05$). Здесь то же видна прямая связь данных показателей. Чем больше выражена номофобия, тем выше уровень самоповреждающего поведения.

Выводы. Таким образом, в ходе статистического анализа было обнаружено наличие положительной корреляционной связи у студентов-медиков на уровне тенденций в показателе «Номофобия и агрессивное поведение» ($r=0,21$; $p\text{-level}=0,08$) и «Номофобия и самоповреждающее поведение» ($r=0,32$; $p\text{-level}=0,05$).

Исследование номофобии выявило влияние смартфонов на эмоциональную и поведенческую сферу жизни студентов-медиков. Оставшись без телефона, человек испытывает стресс, поэтому с помощью внешней агрессии или аутоагрессии пытается снять возникшее напряжение.

Литература

1. Гаврилова Т. Н. Развитие цифровой деменции: к теории вопроса / Т. Н. Гаврилова // UNIVERSUM: ПСИХОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ. — 2022. — №3 (93) — С. 46-47.
2. Городецкая И.М. Мобильная зависимость как форма зависимого поведения современных студентов / И. М. Городецкая, И. Р. Исламгулов // Вестник казанского технологического университета. — 2014. — №24 — С. 328-330.
3. Мазниченко Д.В. Проблема «Номофобии» в современном обществе / Д. В. Мазниченко, А.П. Попов, Б. В. Брыкина // Автономия личности. — 2020. — №2 (22) — С. 49-54.
4. Методика диагностики склонности к девиантному поведению. — URL: <http://psy-centre-31.ru/images/docs/1.6.11-posobie-gr-soc-riska.pdf> (дата обращения 18.02.2023 г.)
5. Нефедова А. В. Психология девиантного поведения // Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. — 42 с.
6. Статистика интернета и социальных сетей на 2022 год — цифры и тренды из отчета Global Digital 2022. — URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения 22.02.2023 г.)
7. Шенявский Н.И. Номофобия и цифровая зависимость / Н. И. Шенявский, М. А. Третьяк, М. Д. Пивоваров, М. А. Шевченко, Е. В. Пиневиц // Научные дискуссии в эпоху нестабильности: пути совершенствования. — 2022. — УДК 656.2 — С. 103-105.

References

1. Gavrilova T. N. Development of digital dementia: towards the theory of the question / T. N. Gavrilova // UNIVERSUM: PSYCHOLOGY AND EDUCATION. — 2022. — №3 (93) — Pp. 46-47.
2. Gorodetskaya I.M. Mobile dependence as a form of dependent behavior of modern students / I. M. Gorodetskaya, I. R. Islamgulov // Bulletin of Kazan Technological University. - 2014. - No.24 - pp. 328-330.
3. Maznichenko D.V. The problem of "Nomophobia" in modern society / D. V. Maznichenko, A.P. Popov, B. V. Brykina // Autonomy of personality. — 2020. — №2 (22) — Pp. 49-54.
4. Methods of diagnosing the tendency to deviant behavior. - URL: <http://psy-centre-31.ru/images/docs/1.6.11-posobie-gr-soc-riska.pdf> (accessed 18.02.2023)
5. Nefedova A.V. Psychology of deviant behavior // Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov. - Vladimir: Publishing House of VISU, 2015. — 42 p.
6. Internet and Social Media statistics for 2022 - figures and trends from the Global Digital 2022 report. — URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-internet>
7. Shenyavsky N.I. Nomophobia and digital addiction / N. I. Shenyavsky, M. A. Tretyak, M. D. Pivovarov, M. A. Shevchenko, E. V. Pinevich // Scientific discussions in the era of instability: ways of improvement. - 2022. - UDC 656.2 - pp. 103-105.

УДК 159.99

СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Колеватова А.С.

*федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Курск, Россия
e-mail: emelianova2015@mail.ru*

Научный руководитель: заведующий кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии, к. психол.н., доцент Кузнецова А.А.

Аннотация. В статье приводятся основные результаты изучения проблемы социально-психологических факторов формирования ценностей личности и социума; выделены и определены три основных; интерпретируются особенности их взаимодействия. Приводятся основные взгляды ученых на проблему формирования системы ценностей. Определены факторы развития индивидуальной системы ценностей человека. Описаны нарушения ценностной системы у лиц с алкогольной зависимостью.

Ключевые слова: социально – психологические факторы, личность, социум, ценности, алкогольная зависимость.

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIO – PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE FORMATION OF VALUES

Kolevatova A. S.

*Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation
e-mail: emelianova2015@mail.ru*

Scientific advisor: head of the department of health psychology and neuropsychology, candidate of psychology, associate professor Kuznetsova A.A.

Abstract. The article presents the main results of the study of the problem of socio-psychological factors of the values of the individual and society; isolated and identified three main; interpreted their interaction. Describes the views of scientists on the problem of formation of system of values. The factors of development of the

individual system of human values. Violations of the value system in people with alcohol dependence are described.

Keywords: socio – psychological factors, personality, society, and values, alcohol addiction

Проблема формирования ценностей освещается в работах психологов, социологов, педагогов, но в каждом научном труде мы можем встретить разные определения понятия «ценности», в зависимости от того, в каком направлении пишет автор.

Актуальность проблемы формирования ценностных ориентаций индивида остается актуальной в настоящее время, поскольку «ценность» является междисциплинарным понятием.

С точки зрения психологии можно определить ценность как понятие, которое используется в философско-социологическом аспекте с точки зрения обозначения явлений и их свойств или же как абстрактные идеи [10].

Хью Л. понимала ценность как благо или как мотив для различных действий; и как некое качество, которое придает особый смысл жизни; и как один из потенциальных вариантов выбора деятельности или некий поведенческий стандарт [10, 11].

Несмотря на многообразие определений, все они подразумевают то, что ценности представляют собой не что иное, как некий более высокий уровень человеческих потребностей.

В. А. Ядова в своих работах подчеркивает, что исследование ценностных ориентаций личности позволяет описать социальные детерминанты мотивации поведения человека, формирование которой происходит ежедневно в обществе. [14].

В разный возрастной период преобладают те или иные ценностные ориентации. Выбор механизмов и способов их реализации определяется как общий уровень развития системы ценностей. Следовательно, психологические факторы тесно связаны с процессом личностного развития.

Начиная с ранних этапов развития человека, складывается и наша психическая деятельность, что отражается на отношении к окружающей среде. Сюда относят идеалы, потребности, интересы, ценности и т.д.

По мнению Бехтерева, личность представляет собой две взаимосвязанные структуры. Первая – органическая, а вторая тесно связана с социальной средой.

У каждого человека в какой-то степени преобладает та или иная часть. В зависимости от того, какая структура доминирует, мы можем говорить об эгоизме или альтруизме.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ценности представляют собой иерархию сложной системы понятийного аппарата и убеждений, которые формируются на границе личностных мотивов, психологических, биологических, социальных потребностей личности.

Ценности, являясь устойчивыми убеждениями человека, определяют его жизненные ориентиры.

Опираясь на анализ теоретического базиса различного рода исследований в области социально-психологических и философских изысканий по данному вопросу, мы с уверенностью можем констатировать тот факт, что выборка инструментария в области изучения ценностей и ценностных ориентаций обширен и многообразен. И здесь важно понимать, что ценности и ценностные ориентации априори определяемы как существенные и важные компоненты личности.

Кроме того, как отмечают ряд ученых, если производить сравнительный анализ психологических механизмов с действующими факторами данных понятий, то можно отметить их более элементарный характер, представляющими собой сложно организованные системные образования.

На принятие групповых ценностей влияют такие факторы, как уровень самооценки, самоопределения, характер человека, уровень социализации личности, мотивационную составляющую в достижении успеха или в избегании неудачи, волевые качества.

Говоря о том, насколько определена отдельной личностью степень принятия групповых ценностей, необходимо учитывать такой важный фактор, как конформность, уровень которой определяется целым комплексом внутренних и внешних по отношению к человеку факторов.

Согласно нашим предположениям, уровневое развития некоторых волевых качеств возможно определять, опираясь на внутренние источники активности личности, которые, в свою очередь, имеют в качестве вектора направления некоторые цели, в том числе на оценку окружающей действительности и на выработку личностной системы ценностей.

Данный вопрос в своих работах освещает Г. Келмен, подчеркивая, что отношения личности к ценностям группы выражаются в доминировании одного из «процессов социального влияния», такие как подчинение, идентификация или интернализация [12].

Таким образом, отметим, что уровень конформности может быть определен особенностями ценностной системы через выбор преимущественных способов ее наполнения общественными ценностями.

Говоря о внешнем факторе развития индивидуальной системы ценностей, необходимо отметить ценности социального окружения, являющиеся

источником ценностных ориентации личности. К данным факторам можно отнести семью, учебные учреждения, социальное окружение, а также средства массовой информации.

Одно из важнейших влияний на формирование системы ценностей личности, бесспорно, оказывает семейное окружение, являющаяся одним из наиболее главных источников формирования критериев оценки, которые являются основой развития ценностных представлений человека.

В процессе изучения семейных факторов развития личности важно уточнить, что основополагающими в формировании ценностной системы личности являются такие факторы, как: иерархический состав семьи; типы воспитания и стили родительского поведения; взаимоотношения между родителями; социальный статус и уровень образования родителей; социокультурные, религиозные и этнические корни семьи.

На формирование ценностей влияет также трудовой коллектив. Данную проблему рассматривали Е. А. Климова, И. Данч, Э. Ф. Зеер, О. М. Краснорядцева, Б. Г. Кривопалова, В. Е. Гаврилова и многих других авторов, чаще акцентируя свое внимание на исследовании педагогических коллективов и групп представителей иных профессий в системе «человек — человек».

Антисоциальная среда также является одним из факторов формирования ценностей. По мнению Б.С. Братусь, в данном случае не об игнорировании человеком ценностей, одобряемых обществом, а о формировании достаточно жесткой системы ценностей «отрицательных» [5, с. 92-93].

Психотерапия или психологическое консультирование могут выступать, как факторы формирования, закрепления и изменения системы ценностей через успешное разрешение различного рода психологических кризисов и невротических расстройств.

Особенности развития всей системы ценностей в целом определяет взаимодействие внешних социальных и внутренних психологических факторов.

Большое количество исследователей сходятся во мнении относительно того, что значимую роль оказывает влияние ценностной системы ориентированности личности на способность успешной адаптированности и самореализации в обществе, что, в свою очередь, напрямую зависит от личностных ценностей и объекта-цели, куда они направлены.

Следовательно, мы можем говорить о том, что одна из причина девиантного поведения, состоит в формировании специфической структуры ценностной системы индивидуума (Лисецкий К. С., Литягина Е. В.).

Зачастую можно встретить нарушения системы ценностей, что может выражаться в противоречивости этой системы, ее неустойчивости. Данная проблема часто встречается у лиц с алкогольной зависимостью.

Данной проблеме посвящено не мало исследований. Грузд Л.В., которая описала различия между ценностями, установленными в обществе и связанными с удовлетворением потребности в потреблении алкогольных напитков.

Грязнов И.М. описывал нарушения в иерархии ценностей, ее хаотичность и трудности в выборе предпочтений у лиц с алкогольной зависимостью.

В рамках отношения к здоровью и мотивации на выздоровление и лечение проблему нарушения системы ценностей исследовала Константинова В.В., которая указывала, что ценность здорового образа жизни и здоровья в целом для многих высказывалась ими в рамках социальной желаемых ответов, что можно расценить как проявление психологических защит.

Исследование Буяновой В.В. показало, что имеются различия в ценностных ориентациях у лиц с алкогольной зависимостью в стадии обострения и в стадии ремиссии.

В своем исследовании она пришла к выводу о том, что у первой группы больных, которые находились в стадии обострения, ценности мало структурированы и дифференцированы, имели узко личную гедонистическую направленность, недалекую временную перспективу, тогда как у больных второй группы, которые были в стадии ремиссии, ценности характеризуются большей структурированностью и иерархизированностью, личностно-социальной направленностью, нацеленностью в будущее.

Таким образом, мы можем выделить основные факторы формирования ценностей личности – природная биологическая среда человека, социальное взаимодействие с окружающими, индивидуально-личностный субъективный выбор в условиях специфической взаимосвязи двух первых.

Фактор природной биологической среды человека является базой для формирования всей системы ценностей в целом.

Второй фактор обуславливает то, как будут осуществляться индивидуальные потребности человека в условиях социального взаимодействия. В процессе социальных коммуникаций вырабатываются ценности как удовлетворяющие группу наиболее значимые потребности и определяются их социальные значения и субъектные смыслы.

Говоря о социальных отношениях, также необходимо отметить мотивационную составляющую ценностей в поведении личности. Кроме того, актуализация переживания удовлетворения потребностей посредством реализации ценности смысла, так называемый, обратный процесс, также определяет мотивацию достижения ценностей.

И ещё один немаловажный фактор, определяющий степень влияния отдельно взятого субъекта на формирование системы социально-культурных

ценностей группы (на наш взгляд, непосредственно он будет являться условием формирования социальных ценностей) - ценности влияют на смысловую регуляцию личности и социальных межличностных и межгрупповых взаимодействий.

При алкогольной зависимости у больных наблюдается нарушение ценностной системы. Так, на первый план выходят ценности, которые так или иначе определены влечением к спиртным напиткам.

Происходит фактическое нарушение всей системы ценностей. При этом нарушается личностное ценностно-ориентационное единство личности. Ценностно-смысловые ориентации тесно связаны с личностными особенностями у лиц, страдающих алкогольной зависимостью, и негативно влияют на их жизнедеятельность.

У лиц с алкогольной зависимостью в стадии ремиссии ценностно-смысловая сфера менее деформирована, и эти позитивные тенденции можно и нужно использовать в процессе вторичной профилактики алкогольной зависимости и реабилитации данной категории больных.

Литература

1. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. 1984. С. 63–70.
2. Благуш П. Факторный анализ с обобщениями: Пер. С чешек. - М.: Финансы и статистика, 1989. - 248 с.
3. Буянова В.В. Особенности ценностных ориентаций лиц, страдающих алкогольной зависимостью // КПЖ. 2019. №6 (137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnyh-orientatsiy-lits-stradayuschih-alkogolnoy-zavisimostyu> (дата обращения: 09.06.2023).
4. Гуркина, А. Л. Основы формирования ценностных ориентаций личности // Молодой ученый. — 2016. — № 26 (130). — С. 648-651. — URL: <https://moluch.ru/archive/130/35994/> (дата обращения: 05.06.2023).
5. Константинова В. В., Яровинская А. В. Ценностные ориентации и социально-психологическая адаптация больных алкоголизмом // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-i-sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-bolnyh-alkogolizmom> (дата обращения: 09.06.2023).
6. Петровский А.В. Психология. Словарь. / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1990. 494 с.
7. Серый А. В. Ценностные ориентации как фактор формирования и развития системы личностных смыслов индивида // Вопросы общей и дифференциальной психологии. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. - С.354-360.
8. Серый А. В. Ценностные ориентации личности в структуре профессионально значимых качеств школьных практических психологов: Автореф. дис... канд. психол. наук. - Иркутск, 1996. - 25 с.
9. Хритинин, Д. Ф. Лекции по психиатрии: учебное пособие / Д. Ф. Хритинин. - М. : Медицина , 2011. 160 с.

10. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.,1997. С. 24.
11. Хью Л. Свободна ли наука от ценности? Ценности и научное понимание. – М., 2001. 47 с.
12. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методические проблемы социальной психологии. - М., 1975.
13. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.
14. Kelman H. C. Three processes of social influence // Public Opinion Quarterly, 1961. -V.25. - P.57-78.

References.

1. V. G. Alekseev Value orientation as a factor of life and personal development // Psychology. Sib. 1984. S. 63-70.
2. Buyanova V.V. Features of value orientations of persons suffering from alcohol addiction // KPJ. 2019. No.6 (137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnyh-orientatsiy-lits-stradayuschih-alkogolnoy-zavisimostyu> (accessed: 06/09/2023).
3. Blagus P. Factor analysis with generalizations: Per. With the cheshek. - M.: Finance and statistics, 1989. - 248 p.
4. Gurkin, A. L. basis for the formation of valuable orientations of the person // the Young scientist. — 2016. — № 26 (130). — P. 648-651. URL: <https://moluch.ru/archive/130/35994/> (date of access: 05.06.2023).
5. Petrovsky A.V. Psychology. Dictionary. / Under the general editorship of A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. – М., 1990. 494 p.
6. Seriy A.V. Value orientations as a factor in the formation and development of the system of personal meanings of an individual // Questions of general and differential psychology. - Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999. - p.354-360.
7. Seriy AV Values of the personality in the structure of professionally important qualities of the school of practical psychologists: author. dis.. Cand. the course of studies. Sciences. - Irkutsk, 1996. - 25 p
8. Kretinin, D. F. Lectures on psychiatry: a textbook / D. F. Kretinin. - M. : Medicine , 2011. 160 p.
9. Kh'ell L., Ziegler D. theories of personality. SPb.,1997. P.24.
10. Hugh L. Free the science from values? Values and scientific understanding. – М., 2001. 47 p
11. Yadov V. A. dispositional regulation of social behavior personality // Methodological problems of social psychology. - М., 1975.
12. Janicki, M. S. Values of the personality as a dynamic system. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. 204 p
13. Kelman H. C. Three processes of social influence // Public Opinion Quarterly, 1961. -V.25. - P.57-78.
14. Konstantinova V. V., Yarovinskaya A.V. Value orientations and socio-psychological adaptation of alcoholism patients // Actual problems of humanities and natural sciences. 2010. No.9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-i-sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-bolnyh-alkogolizmom> (accessed: 06/09/2023).

УДК: 159.955

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ ПСИХОЛОГОВ: РЕШЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Куклин Я.А.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

e-mail: y.kuklin@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития ИКПСР Захарова И.А

Аннотация. О существующем кризисе внутри психологического знания имеют представление студенты уже на первом курсе клинической психологии. О нем нам говорят преподаватели, учителя прошлого в своих работах и собственный опыт, полученный в процессе практического применения к жизни научного или около научного психологического опыта. С каждым годом, для заинтересованного данной наукой человека, проблема кризиса, слово бельмо на глазу, становится все более и более личной. Погружаясь в сферу психического, он вынужден обнаружить, серьезный методологический произвол фундаментальных оснований психологического знания. Это становится еще более актуальным, учитывая тенденцию к поляризации любого мнения, обеспеченную глобальной сетью коммуникации. Таким образом, молодой психолог в наше время, не просто сталкивается с разобщённостью психологического знания, но и зачастую становится защитником определенного «правильного» понимания психики, формируя исключительную, узкую картину мира, которую он назовет «мнением», обеспечивающую ему в перспективе ощущение методологического вакуума, профессиональную радикализацию и деградацию. Чтобы избежать такого сценария, любому начинающему психологу, необходимо иметь целостное представление о предмете психологии, об эволюции этого представления и рефлексии о роли текущего кризиса в процессе формирования новой личности.

Ключевые слова: системное мышление, методология.

THE DEVELOPMENT OF SYSTEMS THINKING IN THE EDUCATION OF PSYCHOLOGISTS: SOLVING METHODOLOGICAL PROBLEMS IN MODERN PSYCHOLOGY

Kuklin Y. A.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

e-mail: y.kuklin@gmail.com

Scientific advisor: senior lecturer department of general psychology and developmental psychology ICPSW Zakharova I.A.

Abstract. Students already in the first year of clinical psychology have an idea about the existing crisis within psychological knowledge. Teachers, teachers of the past tell us about it in their works and their own experience gained in the process of practical application of scientific or near-scientific psychological experience to life. Every year, for a person interested in this science, the problem of the crisis, the word eyesore, becomes more and more personal. Plunging into the sphere of the psychic, he is forced to discover a serious methodological arbitrariness of the fundamental foundations of psychological knowledge. This becomes even more relevant, given the tendency to polarization of any opinion provided by the global communication network. Thus, a young psychologist in our time, not only faces the disunity of psychological knowledge, but also often becomes a defender of a certain "correct" understanding of the psyche, forming an exceptional, narrow picture of the world, which he will call "opinion", providing him with a sense of methodological vacuum, professional radicalization and degradation in the future. To avoid such a scenario, any novice psychologist needs to have a holistic view of the subject of psychology, the evolution of this view and reflection on the role of the current crisis in the process of forming a new personality.

Keywords: system thinking, methodology.

Обилие различных психологических подходов, как правило производит не лучшее впечатление на стороннего наблюдателя, который смотрит на это, как на буффонаду, разведенную группой шарлатанов, не сумевших договориться сами с собой. Это особенно актуально в обществах, где уже существуют исторически оправданные страхи относительно людей, так или иначе связанных с изучением психики [3]. К примеру, в нашей стране, в истории которой имеются прецеденты «карательной психиатрии», у многих людей

абсолютно обосновано присутствует тревога относительно людей, анализирующих их внутренний мир. Часто эта тревога и нежелания подробно разбираться в этом вопросе, вследствие его определённой сложности, опредмечивается в форму глобального отношения ко всей категории «психолог», как к «шарлатанам». Эта ситуация обостряется еще и тем, что даже сегодня, когда психологическая наука развивается строго в рамках античной и романтической этики, до сих пор нет общепринятого психологического знания. В то время как психолог, долго и кропотливо изучая этот вопрос способен формировать для себя определённые смыслы этого периода, человек не обременённый таким опытом, видит в этом лишь коллапс идеи о возможности объективного изучения и последовательного влияния на внутренний мир человека. Многие, как указывалось выше, не только видят это, но и главное хотят это видеть, желая оставить тень тенью. За счет этого и других существенных факторов, таких как отсутствие единых стандартов аттестации, недостаток государственной поддержки, категория «психолог» теряет свои границы в общественном сознании, что влечет за собой заполнение этой категории натуральными шарлатанами [3]. Ведь несмотря на наличие большого количества противников психологии, в мире все же отмечается положительная динамика отношения к этой науке. Спрос на услуги психолога, значительно возрос за последние десятилетия. Все больше людей обращаются за профессиональной помощью в решении различных проблем, связанных с психическим здоровьем, отношениями, работой и др. При этом если учитывать увеличения спроса на данные услуги и отсутствие четких рамок категории «психолог» в общественном сознании, то вряд ли может казаться удивительным тот факт, что профессионального психолога ставят на одну полку с нумерологами, экстрасенсами и прочими магами и колдунами. Для психологии это действительно серьезное испытание, напрямую влияющее на климат внутри профессионального сообщества, для которой у категорий также отсутствуют четкие границы. К примеру, отечественной психологии, имевшей когда-то мощную психологическую школу и оригинальные методологические основания, сегодня отводится лишь роль транслятора западных идей, но не развитие собственных. Более того, до сих пор не было систематически проанализировано наследие советской эпохи. Поэтому не удивительно что сегодня дела обстоят так, что профессионалы пишут цитатники, а шарлатаны «исцеляют» людей.

Со всеми этими проблемами может справиться лишь строгий отбор и последовательное системное обучение молодых специалистов [7]. Только строгий отбор способен создать правильную внутригрупповую студенческую динамику, когнруирующую исследовательский мотив. Именно в условиях

общей заинтересованности студенты способны формировать целостную картину предмета психологии, создавать оригинальные идеи и формировать стойкие межличностные связи. Последовательное формирование представление о предмете, позволяет воспринимать психику как систему [7]. Абстрактное понимание того, что представляет из себя система, системные свойства необходимое знания, для психолога в наши дни, внимание к которому абсолютно не уделяется в рамках обучения в ВУЗе. Именно это понимание, которого сегодня лишен как сторонний наблюдатель, так и студент, обеспечивает структурирование методологической разобщенности в единую систему [1,5]. Только сформировав системное представление, овладев системным мышление, человек может считаться профессионалом в своей области. Только профессионал, может уверенно утверждать, что не на какие вопросы не может быть однозначных ответов, особенно в эпоху постклассической науки. Такой человек способен выходить на уровень метанауки и замечать логические противоречия в системе научного знания. Без системного мышление невозможна целостная интеграция и развитие такого сознания, способного заниматься решением современных научных вызовов. И это касается не только психологии, но и любого другого ВУЗа в принципе. Это необходимый шаг в системе образование, фундаментальное знание, которым должен обладать каждый разумный человек для адекватного развития в современном мире [7].

На данный момент действительно нет общепризнанной системы знаний. Но является ли это на самом деле проблемой? Опять же, для стороннего наблюдателя, лишённого в принципе системного понимания психики на все вопросы должны быть однозначные ответы. Их отсутствие является свидетельством некомпетентности, а их избыточность внутри профессионального сообщества свидетельством глубокого кризиса. Однако для специалиста плюрализм подходов это прежде всего арсенал инструментов, разработанных для изучения столь сложного и неуловимого объекта, как психика. Поскольку до сих пор, наша наука не обзавелась собственными непосредственными методами изучения психического, мы наблюдаем картину, которая многими интерпретируется как кризис. В результате переизбытка на рынке различных методологических средств мы получаем фрагментарную и раздробленную картину психики. Отсутствие на текущий момент возможности непосредственного изучения психики, во много и является причиной этого переизбытка. Создания адекватного инструмента, позволившего проникать во внутренний мир другого человека, является наиболее актуальной задачей на пути развития психологического знания. Именно поэтому сегодня как никогда актуально междисциплинарное взаимодействие между психологией и

нейронаукой. Особенно это актуально для отечественной психологии, основания которой содержатся в философии диалектического материализма. Функционально-системный подход, как раз и является одним самых перспективных направлений в решении этой методической задачи [1,2]. Его современное развитие со все большим вовлечением современных технологии, способно сделать шаг к формированию инструмента, позволившего проникать в область психического. Поэтому необходимость профессионалов, обладающих устойчивым исследовательским мотивом и системным мышлением для решение это задачи является критически важной [7]. Только молодые специалисты, обладающие широким профилем умений, способны быстро осваивать и применять современные технологии для решения актуальных проблем. Поддержка их исследовательского мотива должна совершаться на основаниях той социально-экономической системы, в которой мы живем. Данные выводы до сих пор не проходят в область практического применения. Отсутствие финансовой поддержки внутри университета в современном мире ведет к невозможности применения современных технологий в исследовательском процессе [4, 6].

Подводя итоги, можно сказать, что методологический кризис в психологии — это системное явление. У него нет единой причины, его явление обязана лишь совокупности условий, в которых оно существует. Планомерная работа с каждым из этих условий, начиная от реформации системы образования юных психологов и заканчивая формированием фондов, агрегаторов и инвестиционных площадок, для поддержания самых оригинальных и перспективных идей мотивированных студентов, может оказать положительное влияния на динамику развития отечественной методологии, способной оказать воздействие на формирование общепризнанного психологического знания, и расширения понимания человека самого себя.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2-х томах / Под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова. - М.: Педагогика, 1980.
2. Беломестнова Н. В. Системный подход в психологии // Вестник ОГУ. 2005
3. Забродин Ю.М. Проблемы и перспективы развития практической психологии в России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия "Гуманитарные и социальные науки". - 2017. - Т. 8, № 3. - С. 11-19
4. Касаткин А. В. Проблемы финансирования высшего образования в современной России // Вестник Волгоградского государственного технического университета. - 2013. - № 1. - С. 137-143.
5. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / – Москва : Директ-Медиа, 2008. – 1174 с

6. Овчинникова О. П. , Овчинникова Н. Э. Финансирование высшего образования в развитых странах и России: анализ современных тенденций // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. - 2016. - Том 9. - № 1. - С. 63-72.77-87.

7. Панов А. В. Федорова М. А. Формирование системного мышления // Научный журнал "Инновационная наука" - 2020. - Т. 8, № 2. - С. 12-17.

References

1. Ananyev B.G. Selected psychological works: in 2 volumes / Edited by A.A. Bodalev, B.F. Lomov. - M.: Pedagogika, 1980.

2. Belomestnova N. V. System approach in psychology // Bulletin of OSU. 2005

3. B.F. Lomov Methodological and theoretical problems of psychology / – Moscow : Direct-Media, 2008. – 1174 s

4. Panov A.V. Fedorova M. A. Formation of system thinking // Scientific journal "Innovative Science" - 2020. - Vol. 8, No. 2. - pp. 12-17.

5. Kasatkin A.V. Problems of financing higher education in modern Russia // Bulletin of the Volgograd State Technical University. - 2013. - No. 1. - pp. 137-143.

6. Ovchinnikova O. P., Ovchinnikova N. E. Financing of higher education in developed countries and Russia: Analysis of modern trends // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. - 2016. - Volume 9. - No. 1. - pp. 63-72.77-87.

7. Zabrodin Yu.M. Problems and prospects of development of practical psychology in Russia // Scientific Journal of ITMO Research Institute. The series "Humanities and Social Sciences". - 2017. - Vol. 8, No. 3. - pp. 11-19.

УДК: 159.99

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В СЕМЕЙНОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Лачёва А.П.

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: alexalacheva@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития ИКПСР Захарова И.А

Аннотация: Изучение психологии семьи является важной и актуальной областью психологической науки. Важной в рамках этой сферы также является проблема психологической работы с семьями. Данная статья посвящена вопросу системного подхода в семейном психологическом консультировании. На основе историко-психологического анализа представлены основные модели данного подхода, доминирующие в разные периоды времени. По мнению автора, применение принципа системности повышает эффективность семейного психологического консультирования и имеет перспективу широкого распространения.

Ключевые слова: системный подход, принцип системности, семейное консультирование, семейная система.

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF A SYSTEMATIC APPROACH IN FAMILY COUNSELING

Lacheva A.P.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: alexalacheva@mail.ru

Scientific advisor: senior lecturer department of general psychology and developmental psychology ICPSW Zakharova I.A.

Abstract. The study of family psychology is an important and relevant area of psychological science. The problem of psychological work with families is also important in this area. This article is devoted to the issue of a systematic approach in family psychological counseling. On the basis of historical and psychological analysis, the main models of this approach, dominating in different periods of time, are presented. According to the author, the application of the principle of systematic increases the effectiveness of family psychological counseling and has the prospect of wide dissemination.

Keywords: systematic approach, principle of systematic, family counseling, family system.

Семья как социальный институт и малая группа, в которой складываются и осуществляются основные отношения между людьми, выполняет важные функции в жизни общества. Психологи, социологи и другие специалисты, изучающие семью, отмечают, что семья, несмотря на все свои сложности, остается важнейшей ячейкой общества, где происходит первичная социализация детей, формируются их представления о добре и зле, о нравственности, формируется отношение к людям и к самому себе. Психология семьи является актуальной областью научного знания в настоящее время. Она имеет свою историю, в рамках которой были сформулированы теоретические подходы к исследованию взаимоотношений в семье, а также различные подходы в семейном консультировании. Одним из них является системный подход [7].

Изначально системный подход развивался в целом как научно-методологическое направление, основание которого заключается в исследовании любого объекта как целостной, иерархически организованной системы взаимосвязанных элементов [1]. Общая теория систем получила развитие во многих областях науки. В их число входят кибернетика, биология, антропология, культурология и, конечно, психология. Исходя из такого концептуального основания системного семейного консультирования, как Общая теория систем, семья в данном контексте рассматривается с точки зрения следующих принципов ее существования [2]:

- Целостность. Система выступает как единое, цельное образование, отделяемое от окружающей ее среды.
- Структурность. Система состоит из комплекса элементов, взаимосвязанных определенной структурой.
- Открытость. Система не изолирована от окружающей среды и осуществляет с ней взаимообмен.

- **Функциональность.** Система во взаимодействии со средой проявляет определенные свойства (функции).
- **Эмерджентность.** Свойства системы не сводятся к свойствам элементов, из которых она состоит, и отличаются качественно новыми признаками.

На развитие семейного консультирования оказали влияние первые шаги к разработке системного подхода Н. Аккерманом и М. Боуэном; теория привязанности Дж.Боулби; системная психотерапия В. Сатир и пр. Большую роль в развития отечественной практики семейного консультирования сыграли труды таких психологов, как Э.Г. Эйдемиллер, А.Я. Варга, В.В. Столин, А.А. Бодалев, А.С. Спиваковская [7].

Э.Г. Эйдемиллер и А.Я. Варга дают следующее определение семьи, в котором отражаются основные системные принципы: семья как система – это некоторое образование, состоящее из множества взаимосвязанных элементов, которые как единое целое взаимодействуют с внешней средой и реализуют общие функции [3].

Системный подход в семейном консультировании, как и многие другие научные феномены, с момента своего возникновения активно развивался и претерпел значительные изменения. В целом, если обратиться к историческому аспекту системного семейного консультирования, то определенные теоретические модели, доминирующие в отдельные периоды времени, можно отметить как точки на оси возрастания «системности» в семейном психологическом консультировании.

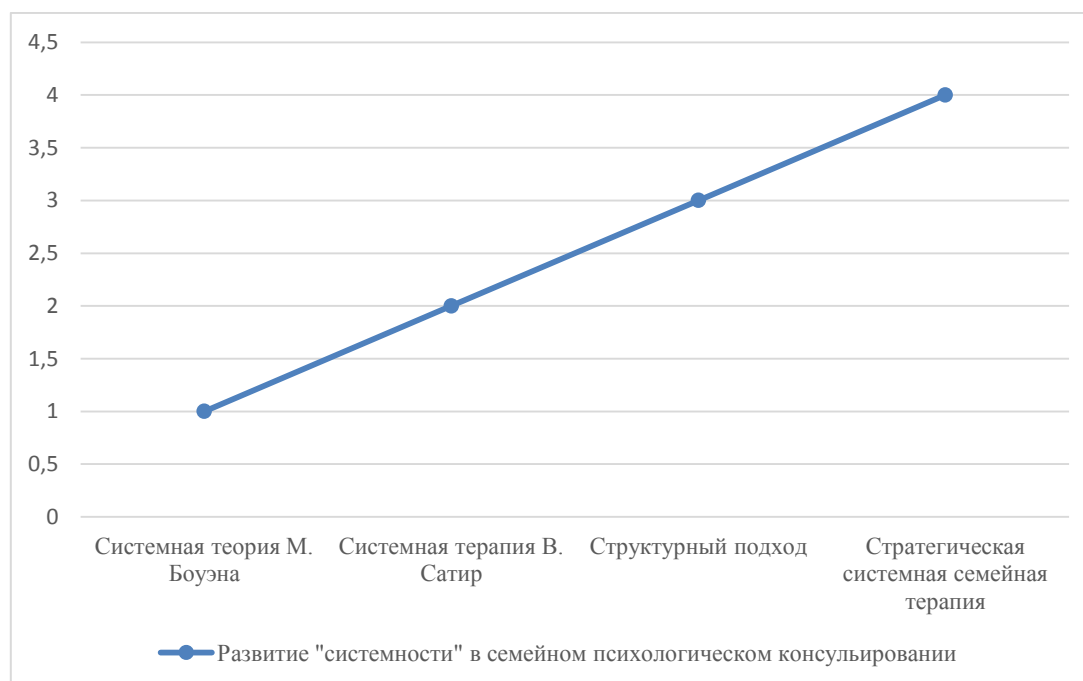

Рисунок 1. Развитие «системности» в семейном психологическом консультировании.

Своим возникновением теория семейных систем обязана американскому психиатру, системному семейному психотерапевту XX века – Мюрю Боуэну. М. Боуэн разработал психологическую теорию, которая описывает системные процессы, влияющие на эмоциональное состояние членов семьи. Одним из важных принципов его теории стал принцип дифференциации, который рассматривает параметр «дифференциации Я» (степени разделения интеллекта и эмоций) как показателя адаптивности семьи в целом и отдельных ее членов. Кроме того, согласно Боуэну, сила возбуждения всей семьи как системы влияет на эмоциональное реагирование каждого отдельного ее члена таким образом: чем больше сила возбуждения, тем более автоматизирована и менее осмыслена эмоциональная реакция [11]. Теория семейных систем М. Боуэна стала фундаментом для дальнейшего развития системного подхода в семейном консультировании.

Следующей точкой на оси возрастания «системности» становится системная семейная психотерапия Вирджинии Сатир, американского психолога, психотерапевта. В. Сатир в своем подходе рассматривает семью как целостную систему, обладающую всеми характеристиками и свойствами открытой системы. Важным положением теории В. Сатир стал постулат о том, что семья как система стремится к равновесию. Сатир определила, что рассогласованные семейные системы для поддержания равновесия прибегают к навязыванию ролей, комплексам запретов и правил, а также нереалистичным ожиданиям [9]. Кроме того, Сатир была адептом клиент-центрированного подхода Карла Роджерса и отражала его идеи в семейном консультировании. Она принимала семьи целиком, а также концентрировала внимание на текущих отношениях между членами семьи и тем самым реализовывала базовый принцип клиент-центрированного подхода «здесь и теперь» [8]. Вирджиния Сатир является автором целого ряда методик, упражнений, процедур, которые позволяют членам семьи осознать неэффективность тех позиций, которые они применяют, а также обучиться более гармоничной коммуникации внутри семейной системы.

Следующий «перевалочный пункт» - структурный подход. Представителями данного подхода являются С. Минухин, Б. Монтальво, Б. Герни, Б. Розман, К. Джонсон. Основатель структурной школы семейного консультирования Сальвадор Минухин построил свой подход, на анализе следующих аспектов семейной системы: структура семьи, подсистемы семьи и внутрисемейные границы. Под структурой семьи Минухин понимает совокупность неформальных требований и способов взаимодействия в семье, формирующих предсказуемые стереотипы поведения ее членов. Подсистемы

подразумевают под собой подгруппы внутри семьи (например, подсистема супружеской пары, подсистема родителей, подсистема детей). Внутрисемейные границы, в свою очередь, являются правилами, определяющими характер и уровень контактов между подсистемами, тем самым регулируя отношения между ними [5]. Таким образом, согласно данному подходу, психолог изучает стиль жизни семьи, анализирует особенности коммуникации в ней и впоследствии консультирования трансформирует ее структуру в более эффективную.

К четвертому условному этапу возрастания «системности» относятся два подхода ярких подходов. Первый подход – стратегическая системная семейная терапия, также она называется «проблеморешающая», «короткая» или «Problem solving approach». Такие названия были даны ей не случайно. Стратегическая системная семейная терапия направлена, главным образом, на разработку стратегии для решения имеющейся проблемы. Психолог концентрирует свое внимание на системном симптоме, исследует факторы, обеспечивающие его устойчивость, и вырабатывают комплекс задач, необходимых для снятия этого симптома [13]. Яркими представителями стратегической школы являются Джей Хейли и Клу Маданес. Вторым подходом в рамках четвертой точки на оси развития «системности» выступает Миланская школа семейной психотерапии (Мара Сельвини-Палаццоли, Луиджи Босколо, Джанфранко Чеккин, Джулиана Прата). Представители данного подхода работают с убеждениями и ожиданиями членов семьи, целью консультирования является формирование общего видения проблемы для возможности ее решения. В большей степени миланская школа работает с семейными мифами и правилами, таким образом перестраивая семейные закономерности [12].

В конце XX века была проведена большая методологическая и теоретическая работа, которая привела к значительным изменениям в психологической науке, в том числе в семейном консультировании. Социальный конструктивизм бросил гносеологический вызов системным теориям [4]. Перечень системных подходов в семейном консультировании пополнился рядом новых, постклассических направлений. Одним из таких направлений является нарративный подход, базирующийся на положении о том, что человек организует свою жизнь посредством нарративов. Нарративы (истории) – это особые формы восприятия окружающего мира, структурирования и упорядочивания личного опыта. В контексте семейной системы под нарративом подразумевается семейная история, к которой в процессе консультирования психолог должен найти доступ, проанализировать внутрисемейное функционирование [11]. Постклассический подход помимо клиентской системы рассматривает также систему «консультант плюс

клиентская система», в которой консультант вместе с клиентской системой осуществляют деятельность по формированию смысловых значений. Постклассические направления, с одной стороны, являются системными, но с другой, принципиально отличаются от системного подхода в его первоначальном виде [6].

Таким образом, исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что системный подход в семейном консультировании является перспективным направлением, развитие которого будет сопровождаться увеличением его эффективности. Одним из векторов является развитие и распространение принципа системности в нарративном подходе, что может создать новые возможности для психологической работы с семьями.

Литература

1. Берталанфи, Л. фон. История и статус общей теории систем / Л. фон. Берталанфи // Системные исследования: ежегодник. – М., 1973. – С. 20–36.
2. Блауберг, И. В. Системный подход в современной науке / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Ю. Г. Годин // Проблемы методологии системного исследования: сборник. – М., 1970.
3. Варга, А. Системная семейная психотерапия / А. Варга. – М., 2009.
4. Джерджен, К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. статей / К. Дж. Джерджен. – Минск : БГУ, 2003. – 232 с.
5. Минухин, С. Техники семейной терапии / С. Минухин, Ч. Фишман. – М. : Класс, 1998.
6. Николс, М. Семейная терапия. Концепция и методы / М. Николс, Р. Шварц. – М. : Эксмо, 2004. – 960 с.
7. Основы психологии семьи и семейного консультирования / под ред. Н. Н. Посысоева. – М. : Владос, 2004.
8. Рождерс, К. Искусство консультирования и психотерапии / К. Рождерс. – М. : ЭКСМО, 2002.
9. Сатир, В. Вы и Ваша семья / В. Сатир. – М. : Апрель-Пресс, Эксмо-пресс, 2000.
10. Теория семейных систем Мюррея Боуэна / под ред. К. Бейкер, А. Варга. – М. : Когито-Центр, 2004.
11. Уайт, М. Карты нарративной практики: введение в нарративную терапию / М. Уайт. – М. : Генезис, 2010. – 326 с.
12. Хейли Д. и др.. Эволюция психотерапии: Том 1. "Семейный портрет в интерьере": семейная терапия / Пер. с англ. Т.К. Кругловой — М.: Независимая фирма "Класс", 1998. — 304 с.
13. Хейли, Дж. Необычайная психотерапия. Психотерапевтические техники Милтона Эриксона/ Дж. Хейли. – СПб., 1995.

References

1. Bertalanfi, L. von. History and status of the general theory of systems / L. von. Bertalanfi // System research: yearbook. – М., 1973. – pp. 20-36.

2. Blauberg, I. V. System approach in modern science / I. V. Blauberg, V. N. Sadovsky, Yu. G. Godin // Problems of methodology of system research: collection. – M., 1970.
3. Varga, A. Systemic family psychotherapy / A. Varga. – M., 2009.
4. Jerjen, K. J. Social constructionism: knowledge and practice: collection of articles / K. J. Jerjen. – Minsk : BSU, 2003. – 232 p.
5. Minukhin, With Techniques of family therapy / S. Minukhin, Ch. Fishman. – M. : Class, 1998.
6. Nichols, M. Family therapy. Concept and methods / M. Nichols, R. Schwartz. – M. : Eksmo, 2004. – 960 p.
7. Fundamentals of family psychology and family counseling / edited by N. N. Posysoeva. – M. : Vlado, 2004.
8. Rogers, K. The art of counseling and psychotherapy / K. Rogers. – M. : EKSMO, 2002.
9. Satyr, V. You and Your family / V. Satyr. – M. : April-Press, Eksmo-Press, 2000.
10. Murray Bowen's Theory of family systems / edited by K. Baker, A. Varga. – M. : Kogito-Center, 2004.
11. White, M. Maps of narrative practice: an introduction to narrative therapy / M. White. – M. : Genesis, 2010. – 326 p.
12. Haley D. et al.. Evolution of psychotherapy: Volume 1. "Family portrait in the interior": family therapy / Translated from English by T.K. Kruglova — M.: Independent firm "Class", 1998. — 304 p.
13. Haley, J. Extraordinary psychotherapy. Psychotherapeutic techniques of Milton Erickson/ J. Haley. – St. Petersburg, 1995.

УДК 159.942.5

ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Саможенова К.В.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Курск, Россия

e-mail: kristina24042003@gmail.com

Научный руководитель: ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Колчина О. С.

Аннотация. В статье представлен библиометрический анализ проблемы эмоционального выгорания работников медицинской сферы. Осуществлен теоретический обзор актуальности и освещенности данной проблемы в научной литературе за последнее десятилетие. Представлен графический анализ данных агрегаторов научных статей “Киберленика” и “Elibrary” по вопросу эмоционального выгорания медицинских работников с применением программного обеспечения для построения и визуализации библиометрических сетей “VOSviewer”. Сделан вывод о высокой степени актуальности и заинтересованности исследователей данной проблемой.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, медицинские работники, библиометрический анализ, эмоциональное выгорание.

THE PROBLEM OF EMOTIONAL BURNOUT OF MEDICAL WORKERS: BIBLIOMETRIC ASPECT

Samozhenova K.V.

Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation

e-mail: kristina24042003@gmail.com

Scientific advisor: assistant of the department of health psychology and neuropsychology Kolchina O. S.

Abstract. The article presents a bibliometric analysis of the problem of emotional burnout of medical workers. A theoretical review of the relevance and coverage of this problem in the scientific literature over the past decade has been

carried out. A graphical analysis of the data of the aggregators of scientific articles "Cyberlenika" and "Elibrary" on the issue of emotional burnout of medical workers using the program for building and visualizing bibliometric networks "VOSviewer" is presented. The conclusion is made about the high degree of relevance and interest of researchers in this problem.

Keywords: medical workers, burnout, burnout syndrome, risk factors, bibliometric analysis.

Введение. Медицинские работники подвержены постоянной усталости и стрессу, вызванными однообразным и напряженным ритмом работы и взаимодействию с людьми, что приводит к синдрому эмоционального выгорания.

Наибольшую актуальность данное понятие обрело во время пандемии COVID-19, когда количество заболевших с каждым днем увеличивалось, достигая нескольких десятков тысяч заболевших в день, при этом медицинскими работниками приходилось работать по 12 часов в день непрерывно [7]. Из-за колоссального объема работ привлекались ординаторы и студенты медицинских образовательных организаций, у которых также начали появляться первые признаки эмоционального выгорания [8].

Данное понятие включает в себя состояние физического и психического истощения, появляющееся в результате эмоционального перенапряжения при взаимодействии с людьми и в процессе осуществления трудовой деятельности. В структуре выгорания выделяют расстройство самовосприятия и умаление собственных достижений и достоинства.

Провоцируют выгорание такие факторы как отсутствие отдыха и поддерживающих отношений с близкими, недостаток сна, стремление возложить на себя большую нагрузку. Сам человек при этом склонен к перфекционизму, пессимизму, постоянному контролю над окружающим, чрезмерной самостоятельностью. Тогда в результате отсутствия вознаграждения за труд, однообразия и монотонности задач, а также неоправданных ожиданий велика вероятность выгорания.

На практике выгорание проявляется как совокупность поведенческих и физических, эмоциональных и социальных симптомов, а также интеллектуального состояния в частности: хронической усталостью, повышенной заболеваемостью, апатией, безразличием к происходящему вокруг, потерей мотивации, негативно-циничным восприятием окружающих, чувством неудовлетворения и собственной несостоятельности.

Аналитический литературный обзор. В конце 19 века, когда производство стремительно развивалось, возникли первые исследования по

психологии труда и трудовой гигиене, которыми занимались как отечественные (Сеченов И.М., Ананьев Б.Г., Бойко В.В. и др.), так и зарубежные ученые (Ф.Г. Брэдли, С.Ф. Джексон, К. Маслач и др.) [1,3,4].

Сеченов И.М. обосновал роль психики и ЦНС при переутомлении, а также выдвинул принцип “активного отдыха”. В 1969 году Ф. Брэдли в своих работах использует понятие “выгорание”. В 1974 году Г. Фрейденберг вводит понятие “синдром эмоционального выгорания”, заключающее в себе процесс нарастающего эмоционального истощения. Ниже рассмотрены основополагающие теоретические подходы.

В настоящее время используется трехфакторная модель, разработанная учеными К. Маслач и С. Джексоном. Она включает в себя 3 состояния. Применительно к медицинским работникам данная модель имеет следующий вид:

1. Эмоциональное истощение, являющееся основной составляющей выгорания. Оно проявляется в высокой истощаемости, уменьшении интереса к работе, пресыщением и перегруженностью.

2. Деперсонализация. Данное состояние проявляется в виде отсутствия заинтересованности в работе, высоком уровне безразличия к пациентам и коллегам, негатив и цинизм при взаимодействии с окружающими.

3. Редукция профессиональных достижений. Она показывает неудовлетворенность результатами врачебной деятельности, достижениями и успехами при лечении пациентов.

Таким образом, в результате эмоционального выгорания организм включает “защитную” реакцию на стрессовые воздействия путем исключения эмоций.

В 1982 году ученые Е. Хартман и Б. Перлман рассмотрели синдром эмоционального выгорания с точки зрения стресса. Получившаяся модель отражает три основные категории стресса (физическую, эмоциональную и поведенческую) и содержит следующие факторы:

1. Способствование рабочей обстановки стрессовым состояниям в результате несоответствия навыков сотрудника и предъявляемым требованиям труда, либо несоответствие ожиданий работника и действительности.

2. Способность человека воспринимать и переживать стресс.

3. Поведенческие, аффективно-когнитивные и физиологические реакции индивида на стресс.

4. Последствия стресса, в том числе и синдром эмоционального выгорания [2].

В 1992 году Медицинской Британской Ассоциацией проведено исследование, в ходе которого установлено стремление врачей к смене

профессии ввиду разочарования в сфере деятельности, вызванного затяжным стрессом.

Цель. Определение степени актуальности исследования проблемы синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников в России и за рубежом, определение вектора исследований, проводимых в данной области.

Методы исследования. Проведение библиографического анализа на основе данных национальной медицинской библиотеки “PubMed”, агрегаторов научных статей “Киберленика” и “Elibrary”, статистико-библиографический метод с использованием программы для построения и визуализации библиометрических сетей “VOSviewer”, аналитический метод, теоретико-категориальный метод, библиометрический метод.

Результаты. В рамках работы выбран временной интервал с 2013 по 2023 год. Библиографический анализ зарубежных источников проведен в два этапа.

Первый этап необходим для установления места медицинских работников в роли объектов исследований синдрома эмоционального выгорания, поэтому ключевым словом для поиска использовано “emotional burnout” (эмоциональное выгорание). Выборка составила 5873 работы, и как видно из результатов статистической обработки, установлена следующая кластеризация: “человек”, “депрессия”, “COVID-19”, “профессиональное выгорание” (Рис. 1).

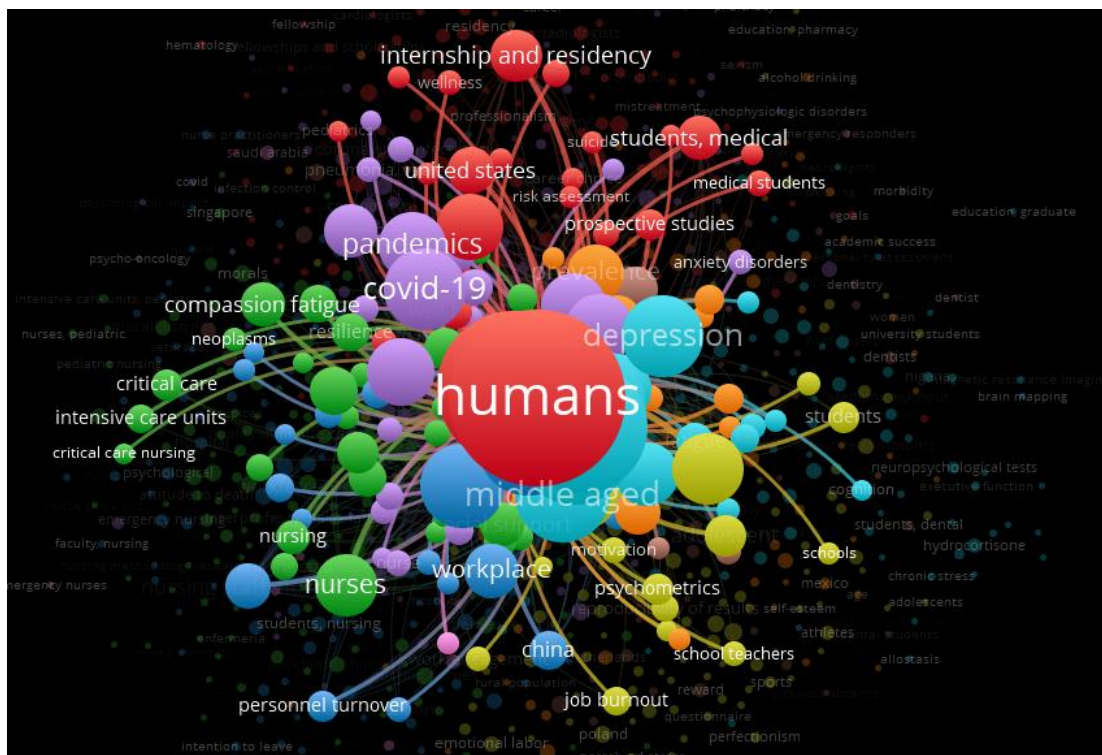

Рисунок 1. Основные виды кластеров при исследовании понятия “emotional burnout” (“эмоциональное выгорание”)

подверженности синдрому эмоционального выгорания ординаторов и студентов старших курсов медицинских образовательных организаций.

Литература

1. Бердяева И.А., Войт Л.Н. Синдром эмоционального выгорания у врачей различных специальностей // Дальневосточный медицинский журнал. -Том 2. - 2012. - 117 с.

2. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика : практическое пособие / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 299 с.

3. Молчанова, Л. Н. Взаимосвязи способов совладающего поведения и психического выгорания волонтеров-медиков в условиях профессионально ориентированной волонтерской деятельности (в период пандемии COVID-19) / Л. Н. Молчанова, К. В. Блинова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 202-213.

4. Молчанова, Л. Н. Социально-психологический тренинг как инструмент профилактики психического выгорания волонтеров-медиков в профессионально-ориентированной волонтерской деятельности / Л. Н. Молчанова, К. В. Блинова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 178-195.

5. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. -Том 22. - № 1. - 2001. - 90-101 с.

6. Холмогорова А.Б., Петриков С.С., Суроегина А.Е., Микита О.Ю. Профессиональное выгорание и его факторы у медицинских работников, участвующих в оказании помощи больным COVID-19 // Журнал имени Н.В. Склифосовского. - Том. 9. - № 3. - Москва, 2020. - с. 321–337 с.

7. Худова И.Ю., Улумбекова Г.Э. Выгорание у медицинских работников: диагностика, лечение, особенности в эпоху COVID-19. // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. - Том 7, № 1. - Москва, 2021. - 42-63 с.

References

1. Berdyayeva I.A., Voit L.N. Burnout syndrome in doctors of various specialties // Far Eastern Medical Journal. - Volume 2. - 2012. - 117 p.

2. Vodopyanova N. E. Burnout syndrome. Diagnosis and prevention: a practical guide / N. E. Vodopyanova, E. S. Starchenkova. - 3rd ed., Rev. and additional - Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. - 299 p.

3. Molchanova, L. N. Interrelations of coping behavior and mental burnout of medical volunteers in the conditions of professionally oriented volunteer activity (during the COVID-19 pandemic) / L. N. Molchanova, K. V. Blinova // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy. – 2021. – Vol. 11, No. 4. – pp. 202-213.

4. Molchanova, L. N. Socio-psychological training as a tool for the prevention of mental burnout of medical volunteers in professionally-oriented volunteer activity / L. N. Molchanova, K. V. Blinova // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – pp. 178-195.

5. Orel V.E. The phenomenon of "burnout" in foreign psychology: empirical research and perspectives // Psychological journal. - Volume 22. - No. 1. - 2001. - 90-101 p.

6. Kholmogorova A.B., Petrikov S.S., Suroyegina A.E., Mikita O.Yu. Occupational burnout and its factors in medical workers involved in providing care to patients with COVID-19 // Journal named after N.V. Sklifosovsky. - Volume. 9. - No. 3. - Moscow, 2020. - p. 321–337 pp.

7. Khudova I.Yu., Ulumbekova G.E. Burnout in healthcare workers: diagnosis, treatment, features in the era of COVID-19. // ORGZDRAV: news, opinions, training. Vestnik VSHOUZ. - Volume 7, No. 1. - Moscow, 2021. - 42-63 p.

УДК: 159.922.6:159.923.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И УСПЕВАЕМОСТИ У ПОДРОСТКОВ

Семенякина Е.В.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» министерства здравоохранения Российской Федерации, Курск, Россия
e-mail: vitalevna.03@list.ru

Научный руководитель: ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Касьянова К.В.

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь самооценки и успеваемости подростков. Для исследования самооценки использована методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейна для подростков, для изучения успеваемости был взят средний балл по предметам. Статистические методы: описательная статистика. Выборку составило 25 человек. Выявлено, что большинство детей имеют низкий уровень самооценки и низкую успеваемость.

Ключевые слова: самооценка, подростковый возраст, успеваемость.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SELF-ESTEEM AND ACADEMIC PERFORMANCE IN ADOLESCENTS

Semenyakina E.V.

Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation
e-mail: vitalevna.03@list.ru

Scientific advisor: assistant of the department of health psychology and neuropsychology Kasyanova K.V.

Abstract. The article examines the relationship between self-esteem and academic performance of adolescents. To study self-esteem, the Dembo-Rubinstein method of measuring self-esteem for adolescents was used, an average score in subjects was taken to study academic performance. Statistical methods: descriptive statistics. The sample consisted of 25 people. It was revealed that the majority of children have a low level of self-esteem and low academic performance.

Keywords: self-esteem, adolescence, academic performance.

Подростковый возраст – это момент жизни человека, когда от этапа детства он переходит на этап юности. Является самым важным периодом в становлении в жизни человека, ведь оно наполнено различными событиями и переменами, в совершении ошибок и в поисках себя. В психологии личности одна из самых значимых проблем является становление нормальной самооценки. Это время, когда надо быть для ребенка другом, принимать его, давать ему советы, больше общаться с ним, ведь очень важно помогать ребенку становиться на правильный путь.

Подросток проводит очень много времени в школе, в окружении сверстников, именно школа оказывает большое влияние на самооценку тинейджера. Есть гипотезы, которые предполагают, что развитие самооценки у подростков происходит к девятому классу. Это обусловлено изменением ее структуры и влиянием школьной успеваемости.

Чтобы разобраться в вопросе взаимосвязи самооценки и успеваемости у подростков, важно рассмотреть такие понятия и сущность самооценки, определить формирование, развитие, пути и уровни самооценки личности, определить психологические особенности, а также изучить ее становления

Важная роль в создании адекватного или завышенного (заниженного) степени самооценивания лежит в отметках, окружающих личности индивида и его достижений. В психологии главные положительные старания выучить натуру самооценки и особенности ее создания предпринял американский психолог и мыслитель Уильям Джеймс, который отдал многие личные работы разработке проблематики «Я» [3].

У. Джеймс разработал специальную формулу самооценки: «Самооценка = Успех / Уровень притязаний» [3, с.189].

Формула описывает компонентную составляющую самооценки: уровень, которому стремиться человек в разных сферах жизнедеятельности, или идеальная цель, и достижение этой цели. Автор предполагает, что «самооценку можно повысить, путем повышения результативности действий или снижением уровня притязаний» [2].

По мнению Джеймса, самооценка может быть следующего рода:

1. Самодовольство. Характеризуется в проявление высокомерии, тщеславии, гордости и заносчивости
2. Недовольство. Находит свое проявление в смущении, неуверенности, отчаянии, униженности.

Л.В. Бороздина исследовала процессы связи самооценки подростка и успешности его обучения. Было выявлено, что уровень самооценки оказывает влияние, как на качественные показатели результативности интеллектуальной

работы, так и на время ее осуществления, если в обстоятельствах присутствуют эмоциональные факторы. Был выдвинут интересный тезис о главенствующих внешних факторах формирования самооценки подростков – школе и семье.

Т.В. Галкина считала, что важную роль в развитии самооценки играет сравнения идеального «Я» с действительным образом «Я». Три важных этапа сравнения [1]:

1. представление о собственном идеальном образе;
2. оценка себя человеком, ведь так, по его мнению, его оценивают другие;
3. анализ эффективности собственных поступков.

В теории К. Роджерса принятие себя подростком осуществляется при слиянии безупречного «Я» и «Я» в личном восприятии. Если данный процесс нарушен или ему что-либо препятствует, то происходит изменение самооценки определенных качеств, ее искажение, снижение самоуважения, приверженность к самонаблюдению и эгоцентризму.

К. Роджерс описывает 3 вида самооценки у подростков. Так, подростки с адекватной самооценкой характеризуются расширенным полюсом интересов, целенаправленной активностью, умеренные и рациональные социальные контакты с элементами познания, как себя, так и собеседников.

При завышенной самооценке у подростков сужается круг интересов, наблюдается неадекватная целенаправленная активность, малосодержательное общение с различными людьми с принижением их, возникновение чувства надменности.

Понятие успеваемости рассматривается как «способность ребенка достигать высоких результатов в научении чему-либо, а значит быть успешным в деятельности и в жизни в целом» [Пезешкиан Н.].

Успехи в школе оказывают значимое влияние на деятельность и отношения взрослого человека, они обеспечивают чувство уверенности в собственных силах, способствуют развитию в высокой позитивной самооценки.

Низкая самооценка проявляется в депрессивных тенденциях, сужение круга общения, отгороженностью, снижение активности.

Целью является изучение взаимосвязи самооценки и успеваемости у детей подросткового возраста. В качестве гипотезы послужило предположение о том, что школьная успеваемость имеет связь с самооценкой подростков. Объектом исследования будет являться самооценка.

Предмет исследования – взаимосвязь самооценки и успеваемости в подростковом возрасте.

Методы исследования. Для исследования самооценки использована методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейна для подростков, для

изучения успеваемости был взят средний балл по всем предметам. Статистические методы: описательная статистика. Выборку составило 25 человек. Базой исследования выступила МОУ «Разуменская СОШ №1».

Результаты и обсуждение. Исследование самооценки показало, что 61 % подростков имеют заниженную самооценку (Таблица 1). Она преобладает над высокими самооценками. Дети с неохотой посещают школу, пропускают занятия, на уроках занимаются посторонними делами, играют. Дети испытывают затруднения в учебной деятельности, находиться в неустойчивой адаптации в школе.

Таблица 1. Уровень самооценки у подростков, %

Уровень самооценки	Завышенная	Адекватная	Заниженная
Количество детей	15,5	23,5	61

Учебную успеваемость можно рассматривать в качестве среднего балла обучающихся по всем предметам. Высоким уровнем будет балл более 4.5, средним – диапазон менее 4.5, но более 3.5, низкий – менее 3.5.

Было выявлено, что большинство детей составили в группу с низким уровнем успеваемости (Таблица 2), что может быть связано с низкой адаптированностью детей к школе, с низкой готовностью к обучению, с неумением следовать требованиям учителя, с новой незнакомой для них обстановкой.

Таблица 2. Уровень успеваемости у подростков,%

Уровень успеваемости	Высокий	Средний	Низкий
Количество детей	23,5	13,5	63

Проанализировав полученные результаты, мы видим, что в группе учащихся с высоким уровнем успеваемости представлены следующие уровни самооценки: завышенная и адекватная самооценка (Таблица 3).

Таблица 3. Процентное соотношение уровня самооценки и успеваемости у подростков, %

	Высокий уровень успеваемости	Средний уровень успеваемости	Низкий уровень успеваемости
Завышенная самооценка	15.5	0	0
Адекватная самооценка	8	10,4	5
Заниженная самооценка	0	3	58

Так, если у подростков высокий уровень успеваемости и завышенная самооценка, то дети отличаются высокомерным надменным отношением к

другим людям, стремлением всегда быть лидером в любых видах деятельности, особенно в школе. Дети с адекватным уровнем самооценки могут, соответственно, реально оценить свои силы, присутствует высокая мотивация к обучению.

В группе детей со средним уровнем успеваемости представлены два вида самооценки: адекватная и заниженная. При этом преобладает адекватный уровень, то есть подростки стараются успешно справляться с учебной деятельностью, реалистично оценивают свои силы и способности. Впервые представлен заниженный уровень самооценки, который предполагается в данном возрастном периоде. Таким детям достаточно трудно адаптироваться, они часто себя критикуют, бояться ошибок в своих начинаниях, достаточно закрытые и необщительные.

Низкий уровень успеваемости представлен адекватной и заниженной самооценкой. В данном уровне преобладает больше заниженный уровень самооценки. Такие дети посещают школу неохотно, предпочитают пропускать занятия. На уроках часто занимаются посторонними делами, играми. Испытывают серьезные затруднения в учебной деятельности. Находятся в состоянии неустойчивой адаптации к школе.

Обобщая данные различных литературных источников, мы можем прийти к выводу, что становление самооценки очень важный этап в нашей жизни, особенно в подростковом возрасте. В этот период человек становится личностью. Так как тинейджер большую часть проводит школьной социальной среде, то на его самооценку влияет не только контакт со сверстниками, с учителями, а также его успеваемость, его оценки. Именно в подростковом возрасте оценки связаны с самооценкой, а также становлением полноценной личности. По успеваемости в школе можно судить о том, что тревожит ребенка, выявить его проблемы и помочь ему, ведь большинство комплексов формируются именно в школьный период. Очень важно проследить развитие школьников, чтобы при необходимости оказать им в помощь, а иногда и послужить опорой для того, чтобы ребенок стал полноценной личностью с адекватной самооценкой.

Литература

1. Адлер, А. Понять природу человека / Пер. Е.А. Цыпина. – СПб.: «Академический проект», 2013, – 256 с.
2. Майер, Д. Социальная психология / Д. Майер. – СПб.: Питер, 2015.- 688 с.
3. Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013, 288 с.

References

1. Adler, A. To understand the nature of man / Per. E.A. Tsygina. – St. Petersburg: "Academic Project", 2013, 256 p.
2. Mayer, D. Social psychology / D. Myers. – St. Petersburg: Peter, 2015.- 688 p.
3. Personality psychology. Texts / Edited by Yu.B. Gippenreiter, A.A. Puzyreya. - M.: Publishing House of Moscow. un-ta, 2013, 288 p.

**БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КООРДИНАЦИИ У СЛАБОСЛЫШАЩИХ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

Цурина Т.Г.

*федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Курский государственный медицинский университет»
министерства здравоохранения Российской Федерации, Курск, Россия
e-mail: tstrina@bk.ru*

**Научный руководитель: профессор кафедры психологии
здоровья и нейропсихологии, д.психол.н., доцент Молчанова Л.Н.**

Аннотация. В статье нами рассмотрена проблема пространственной координации у слабослышащих младших школьников, а также описаны результаты анализа данной проблемы на базе данных электронных библиотек Cyberleninka.ru, eLibrary.ru, PubMed, с применением программного инструмента VOSviewer для визуализации библиометрических связей. Анализ осуществлялся по таким критериям как год публикации, тематические рубрики, авторы в промежутке с 2013 по 2023 год. Выявлены наиболее популярные и эффективные пути коррекции описанной проблемы у детей с нарушениями слуха.

Ключевые слова: Слабослышащие, тугоухость, младший школьный возраст, координационные функции, пространственная координация

**BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF THE PROBLEM OF SPATIAL
COORDINATION IN HEARING-IMPAIRED PRIMARY SCHOOL
CHILDREN**

Tsurina T.G.

*Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation
e-mail: tstrina@bk.ru*

**Scientific advisor: professor of the department of health psychology and
neuropsychology, doctor of psychology, associate professor Molchanova L.N.**

Abstract. In the article we have considered the problem of spatial coordination in hearing-impaired younger schoolchildren, and also described the results of the analysis of this problem on the database of electronic libraries Cyberleninka.ru , eLibrary.ru , PubMed, using the VOSviewer software tool for visualizing bibliometric links. The analysis was carried out according to criteria such as the year of publication, thematic headings, authors in the period from 2013 to 2023. The most popular and effective ways of correcting the described problem in children with hearing impairments have been identified.

Keywords: Hearing impaired, hearing loss, primary school age, coordination functions, spatial coordination

Актуальность. Исследования Н.А. Бернштейна доказали, что слух неразрывно связан с движениями [5]. Слуховые стимулы принимают участие в регуляции разного рода движений, поэтому выключение слуха из системы анализаторов приведет не просто к изолированному «выпадению» одной сенсорной системы, а к нарушению всего функционирования психики. Так, часто можно наблюдать нарушения гнозиса, праксиса, памяти, внимания и других психических функций. В том числе снижение слуха отражается и на двигательной сфере, а именно на пространственной координации.

По данным ВОЗ, около 360 миллионов человек имеют слуховые нарушения. В России снижением слуха разной степени страдают 13 миллионов человек. Из них 1 миллион — это дети и подростки до 18 лет. Такого рода нарушения неминуемо сказываются на адаптации и коммуникации с окружающей средой [9].

Дети с частичным поражением слуха, обычно, не владеют внушительным двигательным опытом. Их физическое развитие протекает специфично. Простые физические упражнения такие как бег и прыжки вызывают у них ряд трудностей [7]. Наблюдается нарушение функций вестибулярного и кинестетического анализаторов, как следствие нарушается координация движений, равновесие, снижается пространственная ориентировка в новой обстановке, в измененных условиях [1,10]. При слуховой депривации с трудом удается контролировать сразу несколько координационных компонентов, таких как темп, точность, время реакции, ритмичность движений и другие [6]. Также, у большинства из них можно наблюдать запаздывание в развитии артикуляционного аппарата, мелкой моторики.

Пространственные координации – выполнение движений, двигательных действий в соответствии с видением своего тела в пространстве, умение точно определять и изменять положение тела, а также осуществлять движение в нужном направлении.

Упомянутые нами ранее нарушения в развитии координации различных видов движений приводят к проблемам в формировании моторных навыков. Потому важной задачей является совершенствование двигательных и моторных навыков, помощь в адаптации таких детей в социальной среде [2, 3,4].

Потеря слуха у детей по статистике чаще всего сопровождается задержкой моторного развития (в 80% случаев), реже дисгармоничным физическим развитием (62%), что говорит об актуальности изучения данной темы с целью построения более точной картины нарушения и на основе этого создания качественных методов и программ коррекции.

Цель исследования – изучение освещенности проблемы пространственной координации у слабослышащих младших школьников отечественными и зарубежными учеными.

Методы. Исследование проводилось с использованием информационных баз Cyberleninka, Elibrary.ru, PubMed. Информационно-аналитический обзор публикационной активности заданной проблемы осуществлялся с помощью метода библиометрического анализа по критериям: год, база данных, тематические направления, во временной период с 2013 по 2023 год. Наглядные карты и визуализация библиометрических данных осуществлена в программе VOSviewer 1.6.17.

Результаты. С помощью библиометрического анализа на основе электронной библиотечной системы eLibrary.ru проанализировали проблему пространственной координации. В результате анализа ключевых слов «пространственная координация» в период за 2013-2023 годы было найдено 10667 научных работ (это составляет 0,00024039%). Поиск по ключевым словам «пространственная координация у младших школьников» выявил 670 статей (что составляет 0,00001509% от общего количества статей).

Анализ публикационной активности по годам показал, что наибольший пик исследований проблемы пространственной координации у слабослышащих пришёлся на 2018 год (108 публикаций) (см. табл. 1).

Таблица 1.

Анализ частоты публикационной активности с 2013 по 2023 годы на базе eLIBRARY.RU по ключевому слову «пространственная координация у слабослышащих»

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Кол-во статей	10	41	54	39	62	108	63	48	54	58	7

Результаты анализа по тематическим рубрикам, представленные в таблице 2, показали, что психология (61 публикация) стоит на третьем месте по частоте изучения данной тематики. Первое место занимает народное образование и педагогика (312 публикаций).

Таблица 2.

Анализ частоты публикационной активности с 2013 по 2023 годы по тематическим рубрикам на базе eLIBRARY.RU по ключевому слову «пространственная координация у слабослышащих»

Тематическая рубрика	Кол-во статей
Народное образование. Педагогика	312
Физическая культура и спорт	131
Психология	61
Медицина и здравоохранение	34
Биология	16
Культура. Культурология	14
Строительство. Архитектура	12
Социология	11
Экономика. Экономические науки	11
Искусство. Искусствоведение	10

Наиболее активно тему пространственной координации и координационных функций изучают авторы: Грабчук К.М., Баутин Д.А., Дерябина Г.И., Макеева Д.Р. и другие.

Нами был проведен анализ публикационной активности по годам в рубрике психология. Результаты данного анализа освещены в таблице 3.

Таблица 3.

Анализ частоты публикационной активности с 2013 по 2023 годы на базе eLIBRARY.RU с отметкой «психология» по ключевому слову «пространственная координация у слабослышащих»

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Кол-во статей	3	8	1	0	2	21	3	2	3	5	2

Наибольшая публикационная активность также приходится на 2018 год. Среди авторов, чаще исследующих данную тематику, можно выделить Кравченко А.В., Воцилова Н.В., Коган Б.М., Свистунова Е.В. и других.

Библиотека Cyberleninka.ru по ключевому слову «пространственные координации у слабослышащих» в промежуток с 2013 по 2023 выдала 77 результатов.

Поиск в англоязычной библиотеке PubMed по ключевым словам «пространственные координации», «пространственные координации у слабослышащих» нашла 1795 работ по первому запросу и 10 по второму в период за 2013-2023 года. Данные анализа представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Анализ частоты публикационной активности с 2013 по 2023 годы на базе PubMed по запросу

запрос «пространственная координация у слабослышащих»											
Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Кол-во статей	0	1	1	1	3	1	0	2	1	2	0
запрос «пространственная координация»											
Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Кол-во статей	172	18	204	183	175	208	167	231	26	231	8

Пик исследовательской активности по теме пространственных координаций выпал на 2020 год, а данная проблема в контексте слабослышащих наиболее активно изучалась в 2017 году.

Данные, полученные на базе библиотеки PubMed мы проанализировали с помощью программного продукта VOSviewer. В результате кластерного анализа по ключевому слову «пространственные координации у слабослышащих» мы получили результаты, отраженные на рисунке 1, а данные по запросу «пространственные координации» показаны на рисунке 2. С учетом совокупности ключевых слов в границах 2013-2023 гг. были получены результаты частоты встречаемости отдельных понятий: от синего к желтому кластеру.

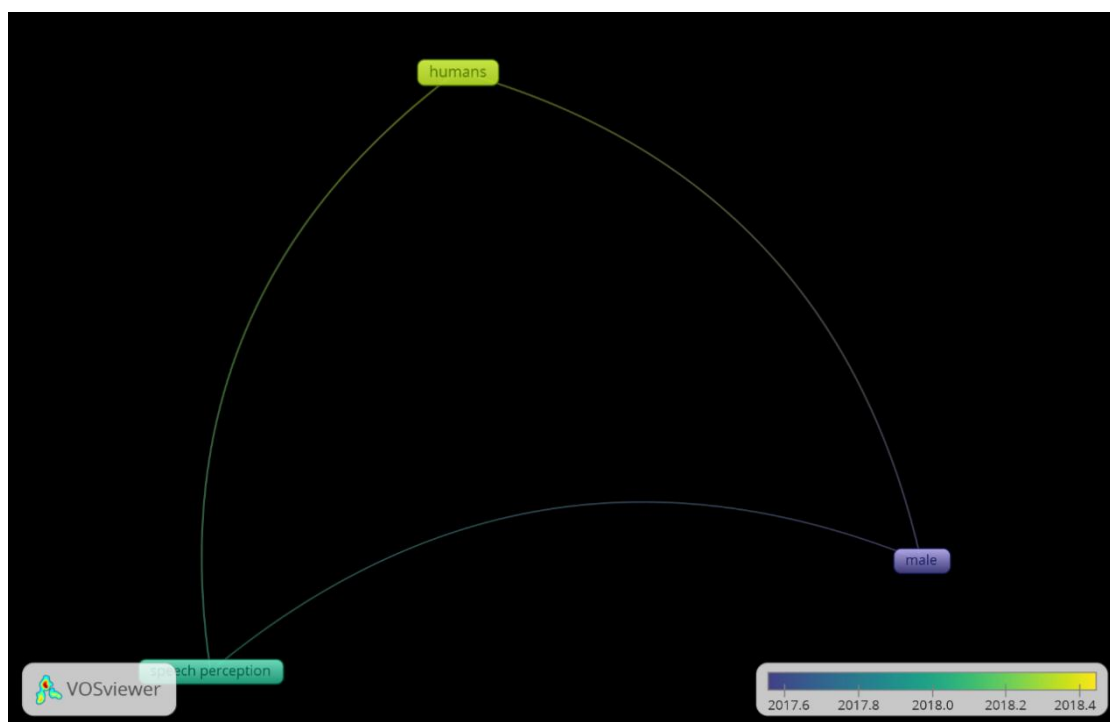

Рисунок 1. Частота встречаемости понятий на основе кластерного анализа по ключевому слову «пространственные координации у слабослышащих»

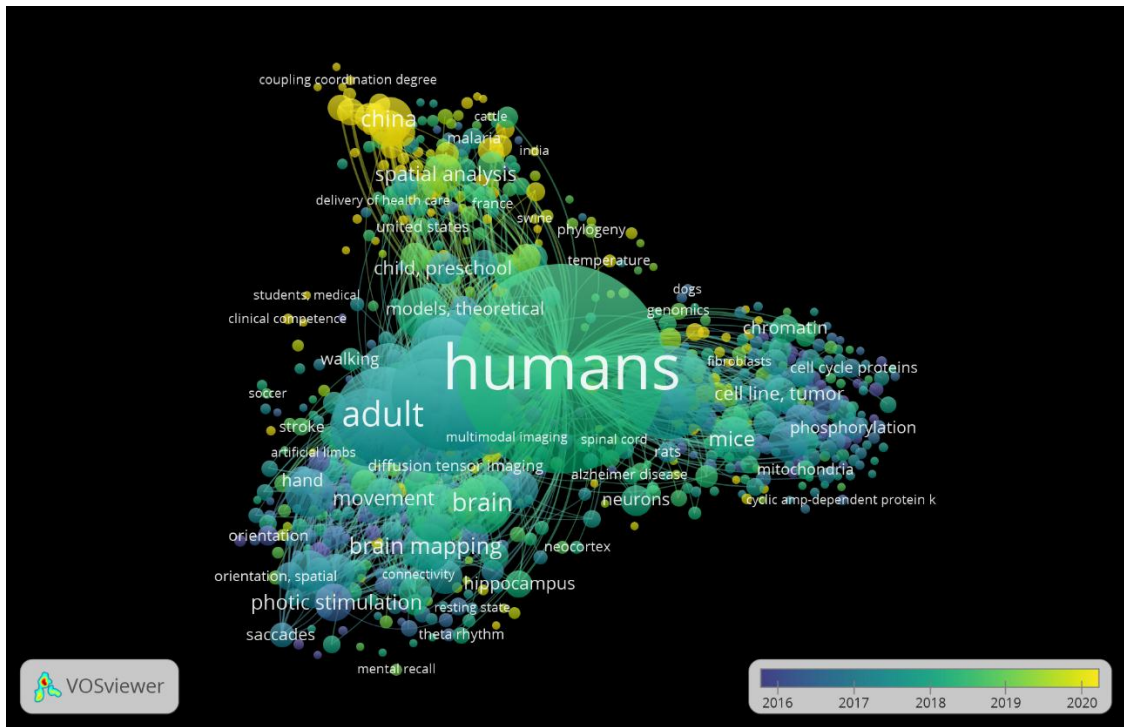

Рисунок 2. Частота встречаемости понятий на основе кластерного анализа по ключевому слову «пространственные координации»

Заключение и выводы. Таким образом, среди российских исследователей проблема изучения координационных функций, в том числе пространственной координации, сохраняет актуальность. В зарубежной литературе данная тематика мало изучена. Возможно, это обусловлено тем, что публикации на тему пространственной координации у слабослышащих чаще освещаются в других источниках, нежели в медицинской библиотеке.

Итак, особую важность приобретает проблема полноценного развития детей с ограниченными возможностями здоровья, чтобы обеспечить полноценное функционирование, не отставая от здоровых сверстников. Работать над решением данной проблемы нужно начинать уже с раннего детского возраста. Существенную роль в успешности интеллектуального и психофизического развития таких детей играет в том числе и сформированная моторика, так как именно она оказывает влияние на такие высшие психические функции как внимание, мышление, память (зрительная и двигательная), экспрессивная и импрессивная речь [11].

В коррекционных упражнениях и полноценных программах предпочтение отдается подвижным играм разной тематики и содержания. Важно, чтобы игры были адаптированы к персональным особенностям слабослышащего ребенка. Стоит также заметить, что подвижные игры создают благоприятные условия для выработки у детей привычки регулярно заниматься физическими упражнениями, что является важнейшим фактором включения

глухих и слабослышащих детей в общество здоровых сверстников [7,8]. Также, полезно привлекать детей к занятиям легкой атлетикой, йоге, дыхательным упражнениям, применять упражнения с ограничителями движений – это положительно сказывается на интеллектуальном и двигательном мышлении, компенсирует отстающие показатели координационных способностей, быстроту и кинестетические ощущения, а также влияет на физическое здоровье в целом [12].

Литература

1. Акатова А.А., Федорова Т.А. Развитие координации и мышления у обучающихся с нарушением слуха 11-12 лет // Наука-2020. 2020. №7 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-koordinatsii-i-myshleniya-u-obuchayuschisya-s-narusheniem-sluha-11-12-let> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Балашова, В. Ф. Адаптивное физическое воспитание детей с нарушением слуха / В. Ф. Балашова, А. В. Раева // Наука и образование: новое время. – 2018. – № 2 (9). – С. 34-37.
3. Белова О.А. Уровень развития мелкой моторики и зрительно-моторных координаций у учащихся младших классов, депривированных по слуху // Образовательный вестник «Сознание». 2013. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-razvitiya-melkoy-motoriki-i-zritelno-motornyh-koordinatsiy-u-uchaschihsya-mladshih-klassov-deprivirovannyh-po-sluhu> (дата обращения: 11.05.2023).
4. Блинова, К. В. Нейропсихологические особенности схемы тела на уровне параметров пространственных представлений у слабослышащих детей младшего школьного возраста с правым профилем латеральной организации / К. В. Блинова, Л. Н. Молчанова // Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход : Материалы IX Всероссийской конференции с международным участием., Курск, 21–22 ноября 2019 года / Под редакцией П.В. Ткаченко. Том Часть I. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2019. – С. 21-25.
5. Дерябина Г. И. Особенности проявления координационных способностей у лиц с нарушением слуха / Дерябина Г. И., Лернер В.Л., Филаткин А.С. и др. // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-koordinatsionnyh-sposobnostey-u-lits-s-narusheniem-sluha> (дата обращения: 13.05.2023).
6. Зерниченко А.А. Особенности развития двигательной сферы у слабослышащих детей / Зерниченко А.А., Лебедева Н.А. // Вестник науки. 2021. №6 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-dvigatelnoy-sfery-u-slaboslyshaschih-detey> (дата обращения: 18.05.2023).
7. Молчанова, Л. Н. Особенности схемы тела у слабослышащих детей младшего школьного возраста / Л. Н. Молчанова, К. В. Блинова // Клиническая и специальная психология. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 76-94. – DOI 10.17759/cpse.2021100206.
8. Мукина Е.Ю. Подвижные игры как средство интеграции глухих и слабослышащих детей младшего школьного возраста / Мукина Е.Ю., Карвацкий А.В. // Вестник ТГУ. 2012. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podvizhnye-igry-kak-sredstvo-integratsii-gluxih-i-slaboslyshaschih-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta>

[integratsii-gluhih-i-slaboslyshaschih-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta](#) (дата обращения: 15.05.2023).

9. Платонова Я.В. Возрастные особенности в развитии и коррекции координационных способностей детей с нарушениями слуха / Платонова Я.В., Селитреникова Т.А., Дерябина Г.И., Логинова В.И. // Гаудеамус. 2018. №4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozzrastnye-osobennosti-v-razviti-i-korreksii-koordinatsionnyh-sposobnostey-detey-s-narusheniyami-sluha> (дата обращения: 13.05.2023).

10. Санташова О. В. Уровневый подход Н. А. Бернштейна в изучении психомоторики младших школьников с нарушениями слуха // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urovnevyy-podhod-n-a-bernshteyna-v-izuchenii-psihomotoriki-mladshih-shkolnikov-s-narusheniyami-sluha> (дата обращения: 16.05.2023).

11. Селитреникова Т.А. К вопросу формирования и совершенствования координационных способностей младших школьников с нарушениями слухового анализатора / Селитреникова Т.А., Дерябина Г.И., Платонова Я.В. и др. // Наука и спорт: современные тенденции. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-formirovaniya-i-sovershenstvovaniya-koordinatsionnyh-sposobnostey-mladshih-shkolnikov-s-narusheniyami-sluhovogo> (дата обращения: 16.05.2023).

12. Шатунов Д.А. Коррекционно-оздоровительная программа физического воспитания младших школьников с нарушением слуха // Наука и спорт: современные тенденции. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreksionno-ozdorovitel'naya-programma-fizicheskogo-vospitaniya-mladshih-shkolnikov-s-narusheniem-sluha> (дата обращения: 18.05.2023).

References

1. Akatova A.A., Fedorova T.A. Development of coordination and thinking in students with hearing impairment 11-12 years old // Nauka-2020. 2020. №7 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-koordinatsii-i-myshleniya-u-obuchayuschih-sya-s-narusheniem-sluha-11-12-let> (date of application: 10.05.2023).

2. Balashova, V. F. Adaptive physical education of children with hearing impairment / V. F. Balashova, A.V. Raeva // Science and education: new time. – 2018. – № 2 (9). – Pp. 34-37.

3. Belova O.A. The level of development of fine motor skills and visual-motor coordination in elementary school students deprived of hearing // Educational bulletin "Consciousness". 2013. No.7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-razvitiya-melkoy-motoriki-i-zritelno-motornyh-koordinatsiy-u-uchaschihsya-mladshih-klassov-deprivirovannyh-po-sluhu> (accessed: 05/11/2023).

4. Blinova, K. V. Neuropsychological features of the body schema at the level of spatial representation parameters in hearing-impaired primary school children with the right profile of lateral organization / K. V. Blinova, L. N. Molchanova // Psychology of health and disease: clinical and psychological approach : Materials of the IX All-Russian Conference with international participation., Kursk, November 21-22 2019 / Edited by P.V. Tkachenko. Volume Part I. – Kursk: Kursk State Medical University, 2019. – pp. 21-25.

5. Deryabina G. I. Features of the manifestation of coordination abilities in persons with hearing impairment / Deryabina G. I., Lerner V.L., Filatkin A.S. et al. // Physical culture. Sport. Tourism. Motor recreation. 2018. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-koordinatsionnyh-sposobnostey-u-lits-s-narusheniem-sluha> (accessed: 13.05.2023).

6. Zernichenko A.A. Features of the development of the motor sphere in hearing-impaired children / Zernichenko A.A., Lebedeva N.A. // Bulletin of Science. 2021. No.6 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-dvigatelnoy-sfery-u-slaboslyshaschih-detey> (date of appeal: 05/18/2023).

7. Molchanova, L. N. Features of the body scheme in hearing-impaired children of primary school age / L. N. Molchanova, K. V. Blinova // Clinical and special psychology. – 2021. – Vol. 10, No. 2. – pp. 76-94. – DOI 10.17759/cpse.2021100206.

8. Mukina E.Yu. Outdoor games as a means of integration of deaf and hard of hearing children of primary school age / Mukina E.Yu., Karvatsky A.V. // Bulletin of TSU. 2012. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podvizhnye-igry-kak-sredstvo-integratsii-gluhih-i-slaboslyshaschih-detey-mladshogo-shkolnogo-vozrasta> (accessed: 05/15/2023).

9. Platonova Ya.V. Age-related features in the development and correction of coordination abilities of children with hearing impairments / Platonova Ya.V., Selitrenikova T.A., Deryabina G.I., Loginova V.I. // Gaudeamus. 2018. No. 4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnye-osobennosti-v-razvitii-i-korreksii-koordinatsionnyh-sposobnostey-detey-s-narusheniyami-sluha> (accessed: 13.05.2023).

10. Santashova O. V. N. A. Bernstein's level approach in the study of psychomotor skills of younger schoolchildren with hearing impairments // Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen. 2009. No.102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urovnevyy-podhod-n-a-bernshteyna-v-izuchenii-psihiomotoriki-mladshih-shkolnikov-s-narusheniyami-sluha> (accessed: 05/16/2023).

11. Selitrenikova T.A. On the issue of formation and improvement of coordination abilities of younger schoolchildren with hearing analyzer disorders / Selitrenikova T.A., Deryabina G.I., Platonova Ya.V. et al. // Science and sport: modern trends. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-formirovaniya-i-sovershenstvovaniya-koordinatsionnyh-sposobnostey-mladshih-shkolnikov-s-narusheniyami-sluhovogo> (accessed: 05/16/2023).

12. Shatunov D.A. Correctional and health program of physical education of younger schoolchildren with hearing impairment // Science and sport: modern trends. 2015. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreksionno-ozdorovitel'naya-programma-fizicheskogo-vospitaniya-mladshih-shkolnikov-s-narusheniyami-sluha> (accessed: 05/18/2023).

УДК: 159.922.8

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУППАХ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Чуприкова А.А.

*федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» министерства здравоохранения Российской Федерации, Курск, Россия
e-mail: chuprikova.alina@outlook.com*

Научный руководитель: ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Касьянова К.В.

Аннотация. В статье рассмотрена структура социально-психологического климата в группах на примере факультетов клинической психологии и лечебного дела. Выявлены особенности микроклимата, суммарной оценки психологической атмосферы, уровня сплоченности у студентов медицинского университета.

Ключевые слова: социально-психологический климат, межличностные отношения, малая группа, коллектив, студенческая группа.

FEATURES OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE IN STUDENT GROUPS OF MEDICAL SPECIALTIES

Chuprikova A.A.

*Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation
e-mail: chuprikova.alina@outlook.com*

Scientific advisor: assistant of the department of health psychology and neuropsychology Kasyanova K.V.

Abstract. The article examines the structure of the socio-psychological climate in groups on the example of the faculties of clinical psychology and medical science. The features of the microclimate, the total assessment of the psychological atmosphere, the level of cohesion among students of the medical university are revealed.

Keywords: socio-psychological climate, interpersonal relations, small group, collective, student group.

В каждом коллективе существует определенная обстановка, которая формируется при взаимодействии сотрудников между собой, с руководителем или лидером группы, при влиянии на коллектив бытовых условий (рабочее место, помещение). Эта атмосфера может быть благоприятной или неблагоприятной для каждого или только для некоторых людей. Она существует повсеместно, например, в детском коллективе, в школьном классе, в студенческой группе, на работе и в других малых группах, то есть это и есть их социально-психологический климат (СПК). Но СПК каждой группы отличается, он складывается в различных условиях, на которые стоит обратить внимание при исследовании СПК. Наиболее интересным является то, что коллективы, которые находятся в относительно одинаковых условиях (окружающая обстановка, санитарно-гигиенические условия), могут иметь разный социально-психологический климат, так как существенную роль в его формировании играют межличностные взаимодействия. Именно поэтому для изучения предложенной темы были проведены и описаны в данной статье исследования социально-психологического климата двух групп медицинских специальностей, но разных факультетов.

В любом коллективе и в любой малой группе, участники которой объединены выполнением общей цели, производительность труда и эффективность рабочего времени определяются различными факторами и окружающей обстановкой. Но кроме санитарно-гигиенических условий: температурного режима, освещенности, влажности, просторности помещения, в котором работают или учатся люди, комфорт на рабочем месте обеспечивают косвенные факторы влияния. Одним из таких является социально-психологический климат в группе.

Социально-психологический климат - это состояние группового настроения и качественная сторона межличностных отношений в группе, проявляющихся в виде совокупности психологических условий, способствующих либо препятствующих продуктивной совместной деятельности. Данная характеристика определяется многими факторами. Например, удовлетворенностью работой членов коллектива, отношениями между ними и неформальным общением, отношением их к руководителю, личностными установками и предпочтениями каждого. Часто для оценки обстановки в группе и коллективе применяют термин «социально-психологический климат», но иногда данное понятие разделяют на две части. Так одни исследователи данной области считают, что «социально-психологический климат» отражает взаимодействие личности с социальной средой и определяет межличностные отношения как психологические условия

жизнедеятельности. А «психологический климат» есть результат взаимодействия с социальной и с физической средой, то есть он отражает психическое состояние членов коллектива [1].

В каждом коллективе выделяют его структуру, представляющую собой совокупность реально существующих отношений членов коллектива, формирующихся в процессе их взаимодействия. Данную структуру можно представить в виде двух уровней: формальном и неформальном. Формальная структура обусловлена должностным статусом членов группы и упорядоченными служебными отношениями, а неформальная структура складывается на основе отношений, обусловленных психологическими особенностями членов группы. В соответствие с данными, социально-психологический климат также имеет свою структуру.

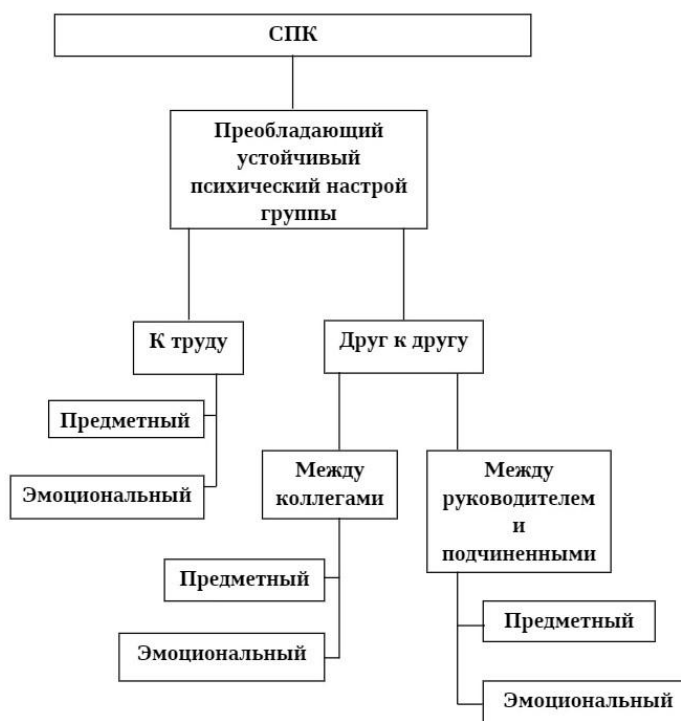

Рисунок 1. Структура социально-психологического климата

Согласно Рис.1 , отношения к труду и к друг другу у членов коллектива определяются предметным и эмоциональным настроением. Под последним понимают настроения людей, их переживания, волнения и чувство удовлетворённости, а предметный настрой определяется характером восприятия человеком его работы, вниманием к деятельности.

Выделяют положительный и отрицательный климат в группе. Положительный является благоприятным и полезным и характеризуется следующим:

- В группе преобладают доброжелательные отношения, сотрудничество, оптимизм, поддержка, благоприятный настрой на работу;
- Здоровая конкуренция между сотрудниками и их участие в совместной деятельности;
- Участники группы качественно выполняют свою работу, стремятся улучшить результаты деятельности и повысить свой профессиональный статус;
- В группе существуют отношения, подчиненные определенным нормам и правилам, которые удовлетворяются большинством;
- Каждый член группы объединен с другими общими групповыми ценностями, целями и задачами.

Отрицательный климат в группе характеризуется:

- Подавленное, пессимистическое настроение преобладает в группе;
- Среди членов группы наблюдается конфликтность, враждебность, подозрительность, апатии, ссоры, нездоровая конкуренция, разрушающая отношения;
- Равнодушие к успехам и неудачам коллектива и к отдельным сотрудникам;
- Отсутствие правил и норм группы, несоблюдение их большинством;
- Неконструктивная критика с целью обидеть или задеть кого-то;
- Задачи выполняются участниками формально, без инициативы, пассивно, они не стремятся улучшить свою работу и работу всей группы.

Социально-психологический климат играет очень важную роль в группе и оказывает на неё большое влияние. Благоприятная или неблагоприятная обстановка в коллективе воздействует не только на каждого его участника по отдельности, но и на коллектив в целом. Так, например, межличностные отношения влияют на групповую сплоченность и на производительность труда. Отсутствие дружественных связей, гармонии, согласия между членами коллектива снижает эффективность проделанной работы и приводит к застою, неудачам и невозможности профессионального роста, получения новых знаний и навыков. В следствие этого, изучение социально-психологического климата необходимо для удачной и продуктивной работы. Часто благоприятная или неблагоприятная обстановка в малой группе формируется сама по себе в процессе межличностных взаимодействий участников, но иногда, чтобы повысить статус группы и поднять её на новый уровень, надо изучать СПК и разрабатывать методы по его улучшению.

СПК студенческой группы играет важную роль для каждого её члена, так как в процессе обучения в коллективе должна быть благоприятная обстановка, ведь она улучшает настроение студентов, способствует сотрудничеству, как с

сокурсниками, так и с преподавателями, восприятию учебного материала, а также проявлению творческого потенциала личности. Важнейшей проблемой в изучении социально-психологического климата является выявление факторов (макро- и микросреды), которые его формируют. Для студенческих групп в первую очередь стоит обратить внимание на факторы микросреды, к которым относятся как объективные факторы (экономические, санитарно-гигиенические, управленческие), так и субъективные (характер межличностных отношений, индивидуальные особенности каждого члена группы, специфика восприятия и понимания членами коллектива различных сторон его жизни и деятельности и т.д.).

При изучении климата необходимо учитывать два его уровня. Первый уровень – динамический, меняющийся, колеблющийся. Это каждодневный настрой студентов на процесс учебы, их определенное психологическое настроение. Для описания данного уровня часто используется понятие «психологическая атмосфера». Она зависит от многих параметров окружающей среды, может изменяться в течение дня, влиять на настроение и работоспособность студентов. Накопление количественных изменений в психологической атмосфере ведет к переходу ее в иное качественное состояние, к изменению во втором статическом, относительно постоянном уровне – в социально-психологическом климате [3].

Социально-психологический климат группы зависит от его участников, соответственно, учитываются как личные особенности, так и профессиональные склонности и направления. Специфичность направления подготовки обуславливает психологический микроклимат группы. Так, существует предположение о том, что группы студентов с медицинскими специальностями имеют меньше климатических возмущений, положительный эмоциональный фон в группе, благоприятную социально-психологическую обстановку, более интегрированы в виду особой специфичности «помогающих» профессий.

Цель исследования: изучение особенностей социально-психологического климата в студенческих группах медицинских специальностей.

Объектом является социально-психологический климат.

Предметом исследования выступает - социально-психологический климат у студентов медицинских специальностей.

Задачи исследования:

-изучение особенностей на обстановки в группах и удовлетворенность студентами обстановки в коллективе;

- категории, выделяющиеся в группах.

Методы исследования: методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А.Ф.Фидлеру) [4], социометрический тест Дж. Морено [2], обработка данных проводилась с помощью описательной статистики.

Выборку составили студенты факультетов клинической психологии и лечебного дела.

Результаты и обсуждение. По методике Фидлера были опрошены люди из каждой группы и получены следующие результаты (Таблица 1).

Суммарная оценка психологической атмосферы в группе лечебного факультета – 36. Для этой группы характерен благоприятный социально-психологический климат, хорошие межличностных отношений среди студентов, высокая продуктивность и сплоченность.

Таблица 1. Результаты опроса по Фишеру

	лечебный факультет	факультет клинический психологии
Дружелюбие - Враждебность	4	5
Согласие - Несогласие	4	3
Удовлетворённость - Неудовлетворённость	4	2
Продуктивность – Непродуктивность	4	3
Теплота – Холодность	4	2
Сотрудничество – Несогласованность	3	3
Взаимоподдержка-Недоброжелательность	4	3
Увлечённость - Равнодушие	3	4
Занимательность - Скука	3	3
Успешность - Безуспешность	3	3
Суммарная оценка психологической атмосферы	36	28

Суммарная оценка психологической атмосферы в группе факультета клинической психологии - 28. Социально-психологический климат данной группы благоприятный. Наблюдается сплочённость, дружелюбные взаимоотношения, полезные межличностные отношения.

В двух группах 2 курса разных факультетов был проведён социометрический тест, на основе которого были составлены диаграммы (Рис.2 и Рис.3), отражающие количество выборов в группе. Согласно результатам, люди в группах разделились на следующие категории:

Рисунок 2. Социометрический статус членов группы

Группа факультета клинической психологии имеет 1 лидера, 15 предпочитаемых, 1 пренебрегаемого и 1 изолированного (Рис.2). Коэффициент сплочённости равен 0,05, что говорит об очень низкой сплочённости группы.

Рисунок 3. Социометрический статус членов группы

Группа лечебного факультета имеет 1 лидера, 12 предпочитаемых и 2 изолированных. Коэффициент сплоченности в группе равен 0,3 (в норме 0,6-0,7), что свидетельствует о низкой сплочённости в группе.

Выводы. После проведения исследования социально- психологического климата в двух группах медицинских специальностей и анализа полученных результатов выяснилось, что группа 2 курса факультета клинической психологии КГМУ имеет очень низкую сплочённость (коэффициент

сплочённости-0,05; в норме 0,6-0,7). Можно предположить, что это связано со следующими факторами: индивидуальные особенности членов группы; отсутствие или недостаток общих интересов, связывающих одноклассников вне университета; нежелание отдельных участников включаться в совместную деятельность; недовольство коллективом и другие психологические и материальные факторы.

Анализ группы 2 курса лечебного факультета КГМУ дал лучшие показатели (коэффициент сплочённости-0,3; в норме 0,6-0,7). Более высокую сплочённость данной группы по сравнению с группой факультета клинической психологии можно объяснить, предположительно, наличием хороших межличностных отношений, благоприятной обстановки, включённости в работу каждого члена группы, о чем свидетельствует оценка СПК группы по методике Фишера.

Таким образом, в обеих изучаемых группах наблюдается благоприятный социально-психологический климат, но низкая групповая сплочённость. Для исследования причин данного факта необходимо более подробно изучить взаимодействие членов группы между собой, с лидером группы, а также индивидуальные особенности каждого. Но на данном этапе исследования можно лишь предположить, какими факторами обусловлены полученные результаты и дать рекомендации по улучшению СПК.

Рекомендации по совершенствованию социально - психологического климата в коллективе:

- лидеру следует уделять больше внимания членам группы, их деятельности, а так же давать возможность активно участвовать в решении задач;
- предотвращение назревающих конфликтов и разрешение уже возникших, с наименьшим ущербом;
- каждому участнику группы необходимо проявлять гибкость и умение идти на компромисс в общении с другими, проявлять терпимость;
- улучшение мотивации к совместной полезной деятельности, организация совместных мероприятий;
- формирование традиций в коллективе;
- улучшение общения в свободное время в соответствии с общими интересами;
- контроль эмоций, проявление своих только хороших качеств в коллективе.

Литература

1. Бугаева, В. А. Понятие социально-психологического климата в отечественной и зарубежной психологии / В. А. Бугаева // . – 2017. – № 11-2(74). – С. 40-41.
2. Ионова, М. С. Особенности лидерских качеств студентов с разным социометрическим статусом / М. С. Ионова, Н. В. Резепова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 1.
3. Нечаенко, И. Я. Понятие социально - психологического климата малой социальной группы / И. Я. Нечаенко // Педагогика и психология: актуальные проблемы исследований на современном этапе : сборник материалов XII международной научно-практической конференции, Махачкала, 20 ноября 2016 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью "Апробация", 2016. – С. 29-30.
4. Сытник, А. А. Методы диагностики уровня социально-психологического климата организации / А. А. Сытник, П. В. Куренков, М. А. Баклашова // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 1(150). – С. 1305-1309. – DOI 10.34925/EIP.2023.150.1.267.

References

1. Bugaeva, V. A. The concept of socio-psychological climate in domestic and foreign psychology / V. A. Bugaeva // . – 2017. – № 11-2(74). – Pp. 40-41.
2. Ionova, M. S. Features of leadership qualities of students with different sociometric status / M. S. Ionova, N. V. Rezepova // The world of science. Pedagogy and psychology. – 2021. – Vol. 9, No. 1.
3. Nechaenko, I. Ya. The concept of the socio -psychological climate of a small social group / I. Ya. Nechaenko // Pedagogy and psychology: actual problems of research at the present stage : collection of materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, November 20, 2016. – Makhachkala: Limited Liability Company "Approbation", 2016. – pp. 29-30.
4. Sytnik, A. A. Methods of diagnostics of the level of socio-psychological climate of the organization / A. A. Sytnik, P. V. Kurenkov, M. A. Baklashova // Economics and entrepreneurship. – 2023. – № 1(150). – Pp. 1305-1309. – DOI 10.34925/EIP.2023.150.1.267.

УДК: 159.922:159.944.4

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ И УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО СТРЕССА

Шопина А. Е., Соколова О. В.

*федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Курск, Россия
e-mail: shopina.ae.ksmu@mail.ru , os.sokololya@gmail.com.*

Научный руководитель: ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии Колчина О.С

Аннотация. В данной статье рассматривается тревожность в условиях эмоционального стресса и её взаимосвязь с уровнем успеваемости студентов. Представлены результаты эмпирического исследования тревожности студентов в условиях экзаменационного стресса, а так же различия уровня тревожности среди обучающихся на 1 курсе и на 5-6 курсах.

Ключевые слова: студент, тревожность, психология, экзаменационный стресс, успеваемость.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEVEL OF ANXIETY AND ACADEMIC PERFORMANCE STUDENTS UNDER EXAM STRESS

Shopina A. E., Sokolova O. V.

*Kursk state medical university, Kursk, Russian Federation
e-mail: shopina.ae.ksmu@mail.ru , os.sokololya@gmail.com.*

Scientific advisor: assistant of the department of health psychology and neuropsychology Kolchina O.S.

Abstract. This article examines the reaction of anxiety in conditions of emotional stress and its relationship with the level of student achievement. The results of an empirical study of students' anxiety under exam stress are presented, stating the relationship between the level of anxiety and student performance under exam stress, as well as differences in the level of anxiety among students in the 1st year and in the 5th-6th courses.

Keywords: student, anxiety, psychology, exam stress, grade.

Введение. Экзаменационная сессия является одним из важнейших элементов образовательного процесса. Во время экзаменационной сессии студенты должны продемонстрировать все свои знания и умения, приобретенные за учебный период. Для многих студентов, независимо от уровня подготовки, данный процесс может быть затруднительным и напряженным. Экзаменационный стресс – это широко распространенное явление, которое негативно влияет на различные системы органов человека, и может привести к различным психологическим и физическим проблемам у студентов. Он мешает концентрации и памяти, ухудшает настроение, снижает мотивацию и силу воли, что затрудняет подготовку к экзаменам и может отразиться на результате сдачи экзамена. Подготовка к экзаменационной сессии требует тщательного планирования и организации, приобретения навыка управления временем, т.к. необходимо иметь достаточное количество времени на подготовку к предмету [1].

Экзаменационный стресс может привести к различным проблемам у студентов, включая сонливость и усталость, нарушения пищеварения, раздражительность и беспокойство. Он также может вызывать панические атаки, приводить к снижению иммунитета и увеличенному уровню адреналина, что может привести к головной боли и даже сердечной аритмии. При слишком сильном стрессе может возникнуть обратная реакция - общая заторможенность и скованность, которые могут привести к отказу от деятельности [3].

Методы. Для исследования по данной теме использовалась методика “Определение уровня личностной и ситуативной тревожности” (Ч. Д. Спилберг, Ю. Л. Ханин). В исследовании приняли участие студенты 1 курса и 5-6 курсов педиатрического факультета Курского государственного медицинского университета в количестве 60 человек.

При интерпретации показателей по методике Спилберга были использованы следующие ориентировочные оценки тревожности: до 30 баллов – низкая, 33-44 балла – умеренная, 45 и более – высокая.

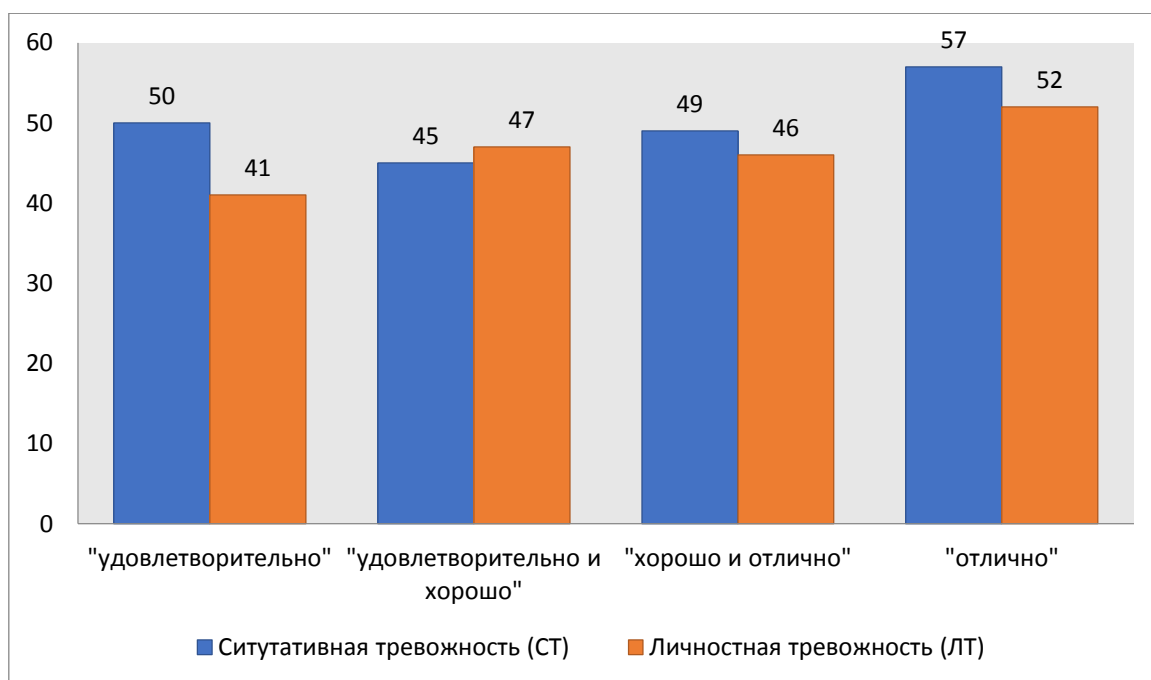

Рисунок 1. Взаимосвязь уровня тревожности и успеваемости среди студентов 1 курса педиатрического факультета КГМУ в условиях экзаменационного стресса

При анализе результатов итоговые показатели студентов 1 курса выглядят следующим образом: студенты с академической успеваемостью на оценку «удовлетворительно» имеют показатели ситуативной тревожности (СТ) – 50 баллов и личностной тревожности (ЛТ) – 41 балл. Студенты с оценками «удовлетворительно» и «хорошо» имеют показатели СТ – 45 баллов и ЛТ – 47 баллов. Студенты, успевающие на «хорошо» и «отлично», имеют уровень СТ 49 баллов, а ЛТ – 46 баллов. Показатели СТ и ЛТ студентов учащихся только на «отлично» распределились таким образом: 57 баллов и 52 балла соответственно (Рис.1). Полученные результаты говорят о зависимости уровня тревожности от успеваемости, так как здесь наблюдается повышенная тревожность учеников, чья академическая успеваемость только «отлично», в остальных случаях тревожность варьируется на «умеренном» уровне и нижнем пороге «высокого» уровня соответственно.

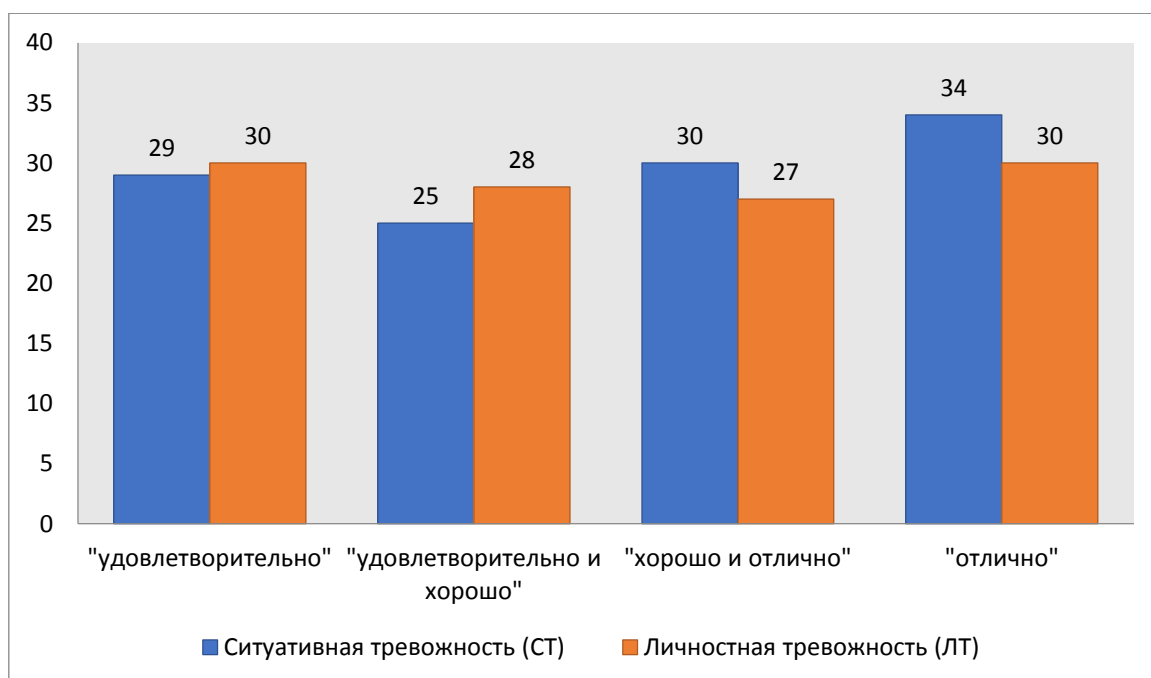

Рисунок 2. Взаимосвязь уровня тревожности и успеваемости среди студентов 5-6 курсов педиатрического факультета КГМУ в условиях экзаменационного стресса

Среднегрупповой показатель среди студентов 5 и 6 курсов выглядит так: студенты, которые учатся на оценку «удовлетворительно» имеют показатели ситуативной тревожности – 29 баллов и личностной тревожности – 30 баллов. Студенты, обучающиеся на «удовлетворительно» и «хорошо» имеют показатели СТ – 25 баллов и ЛТ – 28 баллов. Студенты со средней академической успеваемостью на «хорошо» и «отлично» имеют уровень СТ - 30 баллов, а ЛТ – 27 баллов. Показатели СТ и ЛТ у студентов учащихся только на «отлично» распределились таким образом: 34 балла и 30 баллов соответственно (Рис.2). Полученные результаты позволяют сделать вывод о снижении уровня тревожности у студентов старших курсов, причём у обучающихся с разной успеваемостью показатель тревожности не превысил верхний порог «умеренного» уровня тревожности.

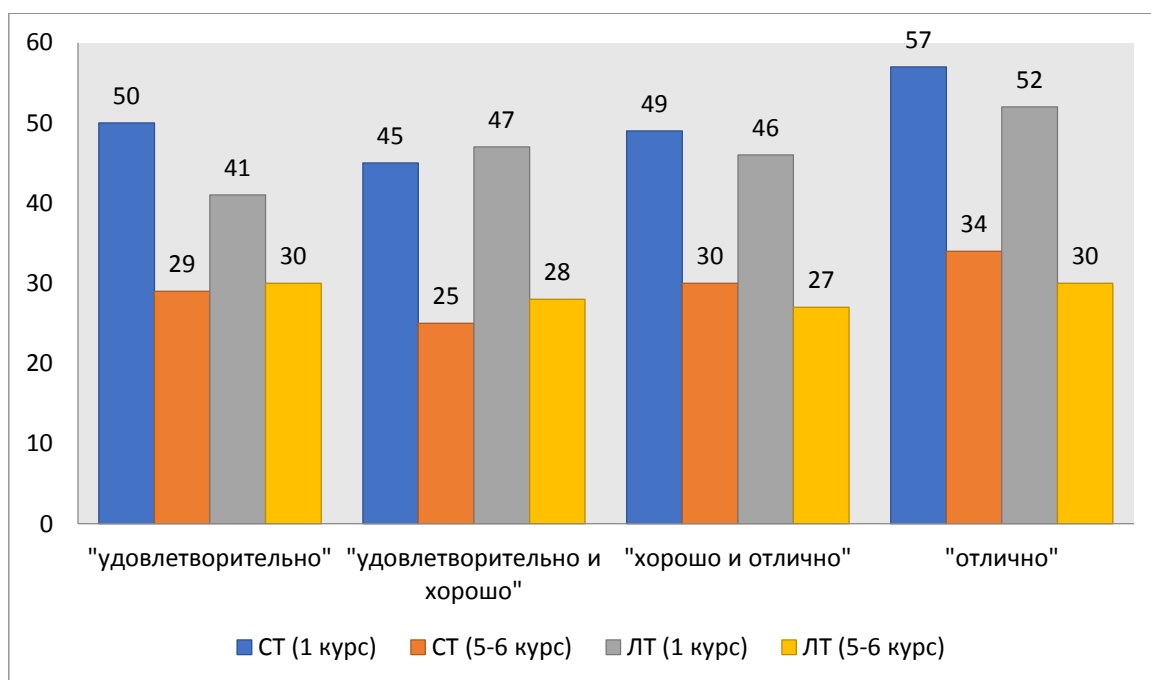

Рисунок 3. Сравнительная диаграмма показателей уровня тревожности и успеваемости студентов в условиях экзаменационного стресса в зависимости от курса обучения

В результате исследования было установлено, что наиболее выраженная тревожность в период сессии проявляется у студентов 1 курса. Значительно снижается уровень тревожности на старших курсах, что свидетельствует о том, что адаптация к экзаменационным испытаниям происходит постепенно. Также установлено, что студенты, обучающиеся на «удовлетворительно» и «отлично», имеет наибольшие значения показателей тревожности по сравнению со студентами, у которых средняя академическая успеваемость на «удовлетворительно» и «хорошо» или на «хорошо» и «отлично» (Рис.3).

Выводы. В период экзаменационного стресса многие студенты испытывают тревожность. Тревога может быть вызвана разными факторами, такими как неуверенность в своих знаниях, страх провала и оценки, высокие ожидания со стороны окружающих и т.д. Эти факторы могут оказывать отрицательное влияние на психологическое здоровье и благополучие студентов, приводя к тревожным мыслям, стрессам и депрессии [2].

В целом, тревожность в период экзаменационного стресса является нормальным явлением, которое может как способствовать улучшению успеваемости, так и негативно сказываться на психологическом здоровье студентов. Важно находить баланс между умеренной тревожностью и негативными последствиями, соблюдая здоровый образ жизни, поддерживая социальные связи и применяя техники управления эмоциями и стрессом.

Для того, чтобы успешно справиться с тревожностью в период экзаменов, студентам необходимо принимать меры по управлению своими эмоциями и стрессом. Некоторые из таких мер могут включать регулярные физические

упражнения, правильное питание и отдых, поддержание социальных контактов и применение техник медитации и глубокого дыхания.

Литература

1. Бигаева, А. Р. Сравнение уровня тревожности у студентов медицинского вуза и студентов психологического факультета / А. Р. Бигаева // Студенческий вестник. – 2021. – № 41. – С. 48-50.
2. Забара, И. В. Специфика совладающего поведения у студентов с различным уровнем тревожности / И. В. Забара, А.В. Данилова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 11. – С. 41-44.
3. Индекс личной тревожности у студентов с разным уровнем ксенофобии / Е. Ю. Федоренко, Т. В. Скутина, К. С. Калиновская, Е. В. Потапова // Сибирский федеральный университет. Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – Т. 11, № 2. – С. 185-191.
4. Соловьевская, Н. Л. Коррекция уровня тревожности у студентов, проживающих в евро-арктическом регионе на основе метода биологической обратной связи / Н. Л. Соловьевская, Н. К. Белишева // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 5. – С. 130-134.

References

1. Bigaeva, A.R. Comparison of the level of anxiety among students of a medical university and students of the psychological faculty / A.R. Bigaeva // Student Bulletin. - 2021. - No. 41. - P. 48-50.
2. Zabara, I.V. Specifics of coping behavior in students with different levels of anxiety / I.V. Zabara, A.V. Danilova // International Research Journal. - 2021. - No. 11. - P. 41-44.
3. The index of personal anxiety among students with different levels of xenophobia / E. Yu. Fedorenko, T. V. Skutina, K. S. Kalinovskaya, E. V. Potapova // Siberian Federal University. Humanities and social sciences. - 2018. - T. 11, No. 2. - S. 185-191.
4. Solovyovskaya, N. L. Correction of the level of anxiety among students living in the Euro-Arctic region based on the biofeedback method / N. L. Solovyovskaya, N. K. Belisheva // Eurasian Union of Scientists. - 2016. - No. 5. - P. 130-134.